

Владимир Казаков

Ошибка живых

Роман

Verlag Otto Sagner München · Berlin · Washington D.C.

Digitalisiert im Rahmen der Kooperation mit dem DFG-Projekt „Digi20“ der Bayerischen Staatsbibliothek, München. OCR-Bearbeitung und Erstellung des eBooks durch den Verlag Otto Sagner:

<http://verlag.kubon-sagner.de>

© bei Verlag Otto Sagner. Eine Verwertung oder Weitergabe der Texte und Abbildungen, insbesondere durch Vervielfältigung, ist ohne vorherige schriftliche Genehmigung des Verlages unzulässig.

«Verlag Otto Sagner» ist ein Imprint der Kubon & Sagner GmbH

ARBEITEN UND TEXTE ZUR SLAVISTIK · 8
HERAUSGEGEBEN VON WOLFGANG KASACK

Владимир Казаков

О Ш И Б Н А Ж И В Ы Х

роман

1976

München · Verlag Otto Sagner in Kommission

00746998
Z 76. 14:1 / 8

Der russische Originaltext des Romans "Ošibka živych" wird hier erstmals vorgelegt; er wurde im Herbst 1970 in Moskau geschrieben. Eine deutsche Übersetzung "Der Fehler der Lebenden" erschien 1973 im Carl Hanser Verlag München. Dort sind von Vladimir Kazakov ferner erschienen "Moi vstreči s Vladimirom Kazakovym" 1972 und in Übersetzung von Peter Urban "Meine Begegnungen mit Vladimir Kazakov" 1972. Anstelle eines Vorworts sei auf die Rezension "Absurder Samizdat" in Neue Zürcher Zeitung 15.8.1974, S. 39, verwiesen. Die Manuskriptvervielfältigung ermöglichte Prof. Dr. Felix Philipp Ingold, St. Gallen. Die Herstellung der Druckvorlage übernahm Frau Karin van Ackern, M. A. Beiden sei gedankt.

Savarische
Staatsbibliothek
München

Als Manuskript vervielfältigt
Alle Rechte vorbehalten

Gesamtherstellung Walter Kleikamp • Köln

76 15622

П а м я т и
Петра Бромирского

Das Manuskript des russischen Originals
wurde durch die russische Regierung
als wertvoll angesehen. Eine deutsche
Übersetzung wurde von der russischen
Regierung im Auftrag von Wladimir
Kuznetsov im Jahr 1972 und
in Übersetzung von Peter W. Smith
in Zusammenarbeit mit
Wladimir Kuznetsov 1972. Asubelle eines Verports sei
auf die Rezension "Aussender Samizdat" in der
Zeitung 19.0.1974, Nr. 39, erschienen. Die Manuskript-
vervielfältigung ermöglichte Prof. Dr. Felix Philipp
Yagoda, G. G. G. Die Negativkopie der Druckvorlage
übernahm Frau Karin von Achter, u. A. Berlin bei

— Sowjetische
Staatsorgane
■ Kollaboranten

Manuskript von...
Stellung Walter Rischamp Köln, 1973

Был шар земной
Прекрасно схвачен лапой
сумасшедшего.

За мной,
Бояться нечего!

Велимир Хлебников

THE EFFECTS OF THE
RECENT ECONOMIC
RECRUITMENT OF
NEW FIRM ENTRIES
ON THE ECONOMIC
GROWTH OF
INDUSTRIES

Вопросы теории

Учебно-методическое пособие

1998 г.

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Последняя вспышка утра осветила бледные лица пассажиров. Поезд мчался неизвестно куда и откуда. Из Варшавы в Москву. Колеса стучали и все никак не могли обогнать туман, который был желтого цвета.

Двое пассажиров сидели напротив друг-друга, один лицом глядя на Москву, другой - на Варшаву. Оба молодые люди, тот, который на Москву, был невысокого роста, чернокудряв, какая-то одна постоянная мысль была плотно сжата его тонкими, без кровинки, губами. Он молчал в такт стуку колес. Другой, тот, что к Варшаве, был, напротив, тих, молчалив и неразговорчив. Странное у него было выражение лица. Казалось, он и какой-то другой далекий мир смотрели друг-другу в глаза.

Туман мчался, крича под колесами. Наконец, они решили заговорить. Один из них был одет тепло, в меховой полушубок. Другой же - другой же. Вот как они заговорили:

- Что, зябко? - спросил рассеянно тот, что.

- Да, признаться, прохладно. Я не ожидал, что окажется так. Я еще не отвык от Швейцарии.

- От Швейцарии?! Эх вас! Право!... И что же, вы решили покинуть сию страну, или она вас покинула? А?

- Не знаю, как вам ответить. Я ведь был болен.

И он стал охотно отвечать на вопросы, которые неохотно задавали ему со всех сторон. Он представился, наконец. Сказал: "Владимир Истленьев". У второго нашлось имя: Иван Пермяков. Третий, какой-то странный, все время хотел угодить, но этого всего времени не было.

Тот, что в полушубке, вдруг стал рассказывать. Туман охнул и посинел. Вот его история: он едет. В Москве его ждут на вокзале. Кто? Федор, прокутивший все и оставшийся посередине. (Он назвал еще несколько имен и несколько несчастий). Однажды он вошел в ювелирную лавку... но прежде... но еще прежде - странная женщина шла вдоль безлюдной набережной. Пролетая мимо ее волос, мимо мостов и холодных волн, был ветер. Она шла одна, но казалось. Пермяков бросился вслед ветру и призраку... Коле-

са стучали, поезд все дальше отъезжал от Варшавы, но к Москве приблизился не на много. На Пермякове был полушубок, ноги его были обуты в тяжелые сапоги, он хотел улыбнуться, но не захотел. Он так и остался с искривленными в усмешке губами.

Фамилия третьего попутчика, того, что угождал (кому? часам? времени?), была Нуклин. Нуклин стал лихорадочно перечислять своих детей и рассказывать. Они жили в Москве. Жена умерла, оставив грудного младенца. (Мир умер, оставив что?). Иногда он заискивающе улыбался, и улыбка морщила лицо пьяницы. Ему было лет 60 - 55. Нос, лиловый от холода, от пьянства и снова от холода. Он заглянул в глаза Пермякова:

— Так это же Эвелина Владимировна Алабова! Так это же... да!

— Откуда ты знаешь?! — вскричал Пермяков.

— А вот и знаю, знаю, знаю! — забормотал торжествующе, — все знаю! Ведь этот ветер — мы как раз с покойным Алхимовым из погребка поднимались, а тут — этот ветер! Ха-ха-ха!...

— Молчи! — крикнул Пермяков. Он был бледен, как смерть, секундная стрелка в ужасе бросилась прочь.

Поезд мчался, Истленьев вдруг закашлялся. Он кутался в дорожный плащ заграничного покроя, капюшон был огромный нескладный, но пассажиры-попутчики уже давно усмехнулись.

— Так что же, не вылечили? — спросил его Нуклин участливо, и видно было, что смех в нем давится самим собой.

— Так что же, не вылечили? — ждали вокруг.

— Меня лечили в клинике доктора Иогансона, — сказал Истленьев, — славный человек! Он был ко мне так добр!... Уезжая... я взял болезнь с собой... Меня провожали... доктор Иогансон, его семья, пациенты...

— А вы были когда-нибудь влюблены?... Были?! Да? Что?!... Что я говорил! Ну конечно! Ах, рассказывайте же! Же рассказывайте!...

— Право, я не знаю... это не так...

Нуклин, наконец, рассмеялся, дал волю смеху, и поезд рванулся и полетел от его жуткого хохота. Но Истленьев, казалось, не замечал. И сам он казался.

Пермяков хмурился все сильнее, Москва угрожающе приближалась. Одно колесо особенно надрывно стучало. Пермяков окинул

тяжелым взглядом скрюченную от холода фигуру Истленьева. Тот так и вхал весь остаток пути в этом тяжелом взгляде поверх плаща с капюшоном.

Однажды, прогуливаясь по Швейцарии, он встретил девочку-налеку, которая сидела на скамье в сквере. Он подошел. Прошло несколько "нет" и несколько "да". Молчание длилось, то возникающая, то продолжаясь. Небо над ними высилось, какой-то один луч круто падал вдоль сврой стены облаков. Наконец, тишина показала невыносимой сама себе, она что-то сказала, вымолвила пошвейцарски. Но эти двое не поняли, неподвижно стояли. Девочка поднялась и медленно двинулась. Он двинулся в другую сторону следом за ней...

Нуклин вытер слезы, которые еще прыгали на его щеках. Он перевел дух: "Ну и ну! Ну и на!...". Поезд мчался, ошалело гудя и дымя.

Увидя эту женщину, Пермяков увидел. Он слишком долго простоял неподвижно, он слишком долго простоял неподвижно, он. Все изменилось за это время, начиная с, и кончая з. Из погребка поднимались пошатываясь, люди и шли, натываясь на воздух. Ветер без роду, без племени. Река стала стальной, сталь стала речной. Старуха-юродивая вслух молилась неизвестно кому. И этот неизвестно кто не был милостив.

Однажды, бреясь перед зеркалом, Нуклин вдруг увидел себя. Он сразу же отвернулся, но зеркало упорно продолжало смотреть ему в спину. Однажды вдвоем с Алхимовым они спустились в погребок. Был поздний вечер, он затынулся, часы огибали каков-то препятствие. Оба были пьяны, обе судьбы лежали рядом. Там, за стеной шумела река. Медленно сигналя огнями, шли баржи, волоча за собой свинцовые черные небеса. Неведомая никому женщина шла. Она казалась несуществующей - настолько все вокруг нее существовало. Тяжелые темные волосы и ресницы - вот. В погребке становилось все теснее. Двое - Алхимов и Нуклин, цепляясь за железные перила, выбрались на воздух.

Пароходство в Намском бассейне возникло в начале XIX столетия. Первым пароходоладельцем был Нуклин (однофамилец или однонет?), в 1817 г. построивший на Пожевском заводе (Соликамского уезда) два парохода, один в 36, а другой в 7 сил. Третий пароход его, там же построенный, ходил в 1821 г. по Наме и Волге до Рыбинска. Когда в 1843 г. с окончанием срока привилегии Бердта, сделалось свободным пароходство по всем рекам Империи, пароходное дело начало быстро развиваться. В 1848 г. образовалось Пермское пароходное общество, в следующем году компания Ганса и Твта построила для Пермской пристани пароход в 60 сил. В 1851 г. открыла свои действия Намско-Волжская компания, затем явились общества "Кавказ и Меркурий", "Самолет" и проч. и возникли постоянные пароходо-строительные заводы и верфи.

Девочку-налеку звали Мадлон. Молчание выступило из-за деревьев. Истленьев подошел и остановился возле. Возле отшатнулось было в испуге, но девочка сделала знак рукой - все успокоилось. Истленьев хотел что-то сказать, но оказалось, что он уже несколько минут говорит без умолку, и девочка смотрит на него вдале. Он остановился. Где-то далеко часы никак не могли сдвинуть ночь с места.

Поглядев на свое отражение в зеркале и в часах, он и там, и там увидел блестящее будущее. Только на часах не было с той же точностью указано время. Пермяков не швырял деньгами, он их отшвыривал. Подорвав кутежами и пьянством когда-то могучее здоровье, он подошел к сверкающему окну.

ОКНО

Вы странный человек.

ПЕРМЯКОВ

Я ослышался? Или вы?

ОКНО

Ослышался, овиделся - это всего-навсего глаголы. А я - окно.

ПЕРМЯКОВ

А нет - вы?

ОКНО

Прощайте, поклонитесь от меня вам.

ПЕРМЯКОВ

Вот загадка! Это я сам с собой? или с собой, но не сам?...

Гм...

Тут в комнату ввалилась толпа гостей. Некоторые из них были ему знакомы. Они любили Пермякова за его щедрость, а не любили - за свою скупость. С ними была одна дама.

1-Й ГОСТЬ

Что это, ночь или ночь?

2-Й ГОСТЬ

Спросите у них самих!

3-Й ГОСТЬ

Только прошу без шуток и без других доказательств собственного существования!

4-Й ГОСТЬ

Не забывайте, будьте добры, что среди нас - дама. Я первый не забыл.

ДАМА (*к Пермякову*)

Здравствуйте! Добрый вечер! Я вошла стремительно, окруженная блестящей свитой, одна... Какой-то безумный художник преследует меня последние две-три ночи. О, как красиво безумие при свете фонарей! О!...

ПЕРМЯКОВ

Пожалуйста, садитесь в это вот кресло. Жаль, что я не могу предложить того же самого и безумию.

5-Й ГОСТЬ

Ха-ха!... То-есть, простите, ах-ах!

6-Й ГОСТЬ

Приручить можно что угодно. Даже стену. Гладишь ее, и она - ничего...

ДАМА

Шумя платьем, развеваясь перьями шляпы, я рванулась к зеркалу, но оно обратилось в бегство. А я не побоялась бы выйти против целой армии зеркал!

1-Й ГОСТЬ

Свечи пугливы, и темнота тоже.

ДАМА (к Пермякову)

Что с вами? Вы молчали и вдруг так странно замолчали!... Ного-то увидели в окне?

2-Й ГОСТЬ

Ну, на этот ответ вы вряд ли дождетесь вопроса...

Нуклин обожал своих детей. Он пил, чтобы не сойти с ума от любви к ним. После смерти жены он сгорбился еще сильнее. Однажды он упал и долго лежал на улице. Наступала ночь. Дождь возвращался. Под мостом, согнувшись, стояло хмурое небо. Где-то Алхимов тоскливо подсчитывал, сколько столетий осталось ему прожить для того, чтобы стать тысячелетним.

Поезд мчался прочь от Варшавы. Истленьеву было холодно, железными зубами лязгала ночь... Мадлон - пленница своих темных волос, глаза сверкали, две или три ночи были одновременно... Фонарь закашлялся и погас... Однажды он спросил ее. Она улыбнулась. С тех пор однажды не прекращалось. Детские игры детей...

Пермяков неожиданно сказал Истленьеву: "Чем-то ты мне полюбился! Ей-богу, не знаю чем, но полюбился. Приходи ко мне, не

пожалевшь!... Приходи и ты!" - обратился он к Нуклину. Тот чуть не подпрыгнул на своем месте: "Приду, обязательно приду! Эх, да что говорить!...". И он так радостно махнул рукой, что заплакал.

Теперь уже Москва мчалась навстречу им. Набережные взирали тревожно на небо, а небо тревожно взидало выше. Чернела вода.

Был подан чай. Пробило полночь.

3-Й ГОСТЬ

Чай, часы, окна - три времени. И все три не совпадают.

4-Й ГОСТЬ

Чай - из всех самое позднее.

5-Й ГОСТЬ

Часы - самое прозрачное.

6-Й ГОСТЬ

Окна - самое безумное.

ДАМА

Глоток чая, глоток полночи, глоток безумия...

Нуклин - седящий человек лет 55, с маленькими сверкающими глазками, с красным носом, с сумрачным небом над головой. Он был страстным картежником. Огромные выигрыши совершенно разорили его. Он вместе со своей семьей кое-как существовал на мелкие проигрыши.

Часто, прислонясь к парапету набережной, он стоял, шумела вода. В погребок спускались вечерние люди.

Алхимов был шулером и философом. Обе эти страсти, заключенные в таком тесном пространстве, влияли одна на другую, взаимно друг-друга облагораживая.

И вот однажды, когда они обнявшись (Нук. и Алх.) поднимались из погребка, странное видение предстало их взорам. Их взорам.

ДАМА

Как странно ночь понаставила эти дома, играя в город! Стремительно идя по улице, я задеваю кого-то, кого - неизвестно. Он следует за мной на незнакомом языке, кругом - без пятнадцати полночь, безумец! Я скрылась во тьме, но его шепот, во тьме фонарей... Такое бывает только наяву или во сне.

2-Й ГОСТЬ

В только!

3-Й ГОСТЬ

Ах, я задремал и не слышал, о чем была беседа! Жаль!... Мне снился аграрный вопрос. Гм...

4-Й ГОСТЬ

Знаете, когда я пью чай, странное мной овладевает чувство. Знаете, когда я пью чай, странное им овладевает чувство. Мы оба, я и чай - ночвем.

5-Й ГОСТЬ

От слова "ночь"? Или от слова - нет?

4-Й ГОСТЬ

Ах, не от слова!

6-Й ГОСТЬ

Я предпочитаю вино, вино предпочитает кого?

ПЕРМЯКОВ

О, моя утраченная молодость! Где ты, свежий румянец? Где вы, смоляные кудри? Все это - в другом месте. А здесь осталась только непоколебимая уверенность в том, что совершу нечто до сведе неслыханное. Чтобы одна вечность, умирая, передавала об этом другой. Что это будет, роман или строчка стиха? - не знаю. Но будет!

ДАМА

Уже есть! Вы сейчас так посмотрели! О, боже!

1-Й ГОСТЬ

Шампанского!...

Все исчезло, окна тоже.

Остался свет на тьму похожий...

Бормоча это двестише, Левицкий поднимался по каменной лестнице. Узкие железные перила вели вверх. Ступень за ступенью, железо за железом. О чем? Думал. Ни часам, ни зеркалу не было под силу дать отражение Александра Григорьевича Левицкого. Часы были слишком медленны, а зеркало - слишком оно.

Это был любимец окон, человек блестящий, холодный, однажды башенные часы не смогли пробить полночь под его взглядом. Крепкий чай, лучи окон - он не любил пользоваться своей властью над вещами и над людьми. Он любил пользоваться своей властью над вещами и над людьми. И тогда вы становились свидетелями странных зрелищ. Например: например.

Его появление в погребке смутило завсегдатаев. Они принялись переглядываться и бледнеть. Только двое оставались безучастными ко всему: Алхимов-философ и Алхимов-шулер. Нуклин, который медленно тянул вино, глядя через узкое окно на ночное небо, вдруг подавился звездой. Он закашлялся, зачертыхался, но... "Вы-то мне и нужны", - сказал ему внятно Левицкий.

О чем они говорили - неизвестно. Удалось только подслушать кусок ледяного молчания.

Итак, поезд шел из Варшавы. Попутчики все порядком намерзлись, Нуклин что-то бормотал себе под нос (лиловый). Вдруг Пермяков сорвался с места и бросился к окнам. "Москва! - закричал он, - Москва!...". И вдруг замолк и забился снова в свой угол.

Действительно, огромная черная дымящаяся Москва гроыхала им в уши. Истленьев очнулся, был бледен. Все засуетились. Вся платформа была полна кричащими размахивающими руками встреча-

ющими. Ватага пьяных друзей Пермякова особенно неистовствовала...

Все исчезло. Остались только уши и крики.

В Москве проживала одна дальняя родственница Истленьева. Даже не родственница, а просто - дальняя. К ней-то и направился Истленьев, хотя Пермяков звал его горячо к себе. Фамилия этой женщины была Витковская. Три ее дочери, молодые рослые красивые девицы находились в гостиной, когда в дверь позвонил Истленьев. Екатерина Васильевна Витковская не на шутку перепугалась, увидя незнакомое лицо, услыша фамилию Истленьев, увидя швейцарский плащ с большим капюшоном, услыша робкое заикание. На помощь ей пришли две старшие дочери, и Истленьев был благополучно проведен в гостиную.

Три окна, фортепьяно, что-то и еще что-то - вот и вся незамысловатая обстановка этой комнаты. Старшую дочь звали Ольгой, среднюю - Анной, младшую - Марией. Все три были красавицы, дом был старинный трехэтажный с высокими, необыкновенно прозрачными окнами.

АННА

Здравствуйте!

ИСТЛЕНЬЕВ

Здравствуйте!

ОЛЬГА

Здравствуйте!

ИСТЛЕНЬЕВ

Здравствуйте!

МАРИЯ

Здравствуйте!

ИСТЛЕНЬЕВ

Здравствуйте!

АННА

Накая странная у вас фамилия! Она от слова "истленье"?

ИСТЛЕНЬЕВ

Да, да, от слова... Вы правы...

МАРИЯ

А правда ли, что вы приехали из Швейцарии? И правда ли, что вы приехали?

ИСТЛЕНЬЕВ

То-есть как?... Я, право... Приехал, приехал!...

Мать и три дочери рассмеялись. Вот возраст девушек: старшей - 24, средней - 21, младшей - 20. Уроки музыки, уроки пения, уроки молчания.

ЕНАТ. ВАС.

Они шалуньи! Не обижайтесь! Расскажите лучше, что вы видели там, в Швейцарии.

МАРИЯ *(в сторону)*

Хотела бы я знать, что он видит сейчас?

АННА *(туда же)*

Какой он странный!

ОЛЬГА

Рассказывайте! Рассказывайте!...

Как-то само собой и незаметно произошло, что Нуклин стал неотъемлемой частью пермяковской компании.

Народ это все был лихой, мрачный, веселый. Был один необыкновенный силач, у которого одна половина его силы уходила на то, чтобы постоянно сдерживать другую половину. Нельзя было без восхищения смотреть на этого Геркулеса, на его двигающиеся и волнующиеся в вечной борьбе мышцы. Характера он был спокойного, но решительного.

Был еще один, некий боксер, который мало того, что снаружи окутал себя густым слоем легенд, но и еще, сам же поверив им, принимал их внутрь. От этого лицо его то и дело подергивалось нервными судорогами. Он был вечно готов вступить в бой или готов был вступить в вечный бой. Он был отставной военный и умел как-то особенно приятно не возвращать долгов.

Имелся в пермяковской компании также и поэт. Стихов его никто не знал, то-есть говорили, что кто-то знал и даже хорошо знал его стихи, но человек этот вот уже полгода как уехал, куда - неизвестно, и ничего о себе не сообщал. Впрочем, поэта это не волновало совсем, он был исправнейшим членом компании, а также хорошим знатоком вин. Увидя как-то под глазом Нуклина большой лиловый синяк, он воскликнул: "А я-то все думал, чего это у вас, милейший, на лице не хватает!...".

Были и еще люди, среди них - две дамы. Одна из них уже известна читателю, другая - другая.

Не успел Истленьев раскрыть рот, чтобы начать молчать о Швейцарии, как новый гость появился в гостиной. Это был Левицкий. Оба мужчины были тут же представлены друг-другу хозяйкою. Левицкий - сама холодность и любезность, Истленьев - сама лодчонность и белужность.

Разговор как-то все не клеился, вдруг слово "кавалерственная дама" было случайно произнесено. Истленьев оказался удивительно начитанным в этой области. "Кавалерственная дама, - заговорил он, сначала сбиваясь, несмело, чуть слышно, а потом - не сбиваясь и хорошо слышно, - кавалерственная дама - название, присвоенное дамам, пожалованным орденом святой Екатерины малого креста. При пожаловании орденом каждая кавалерственная дама вносила на богоугодные заведения 250 рублей. На обязанности кавалерственных дам лежало: 1. Ежедневно "благодарить Бога за милостивые освобождения, дарованные императору Петру Великому". 2. Ежедневно молить о здравии и благоденствии царствующего императора и всей Императорской фамилии. 3. Каждый воскресный день с этой же целью троекратно произносить молитву Господню. 4. Трудиться об обращении "добродетельными способами и увещаниями, но отнюдь не каким-либо угрозением или понужде-

ниями" - несколько неверных и православию. 5. Освободить хотя одного христианина из варварского плена..."

Истленьев умолк. Левицкий сказал: "Гм...". Лицо его выразило облегчение христианина, освободившегося из варварского плена. Но лишь на одну тысячную долю секунды. Но лишь.

Шел дождь. Эвелина Владимировна Алабова жила в одном из переулков Замоскворечья. Она выглядела тридцатилетней, но на самом деле ей было гораздо не столько. Это ее волосы светло развевал ветер набережной. Это ее шаги. Это е.

Она жила в одном из переулков Замоскворечья, в одном из дней. В один из дождей в дверь постучали. "Войдите!"... Никто не вошел. Свет бесшумно проникал через высокие окна. "Кто вы?" - спросила она невошедшего. За окнами дождь, захлебываясь, бормотал. Мало обращают внимания на влияние, которое оказывают на часы дождь, гроза или туман. Был полдень дождя. Окна стояли лицом. Темные волосы и ресницы, бледное лицо, руки - вот ее внешность. Один из переулков Замоскворечья, где я так часто бродил...

"Замоскворечье? - спросил как-то Н.И. Вологдов, - где вы там ходите?" - "По Большой Ордынке... не редко". - "Большая Ордынка? Мы там прогуливались не раз с Анной Ахматовой..."

Истленьев умолк. Наступила долгая пауза. Седьмой час вышел из сумерек. Между потолком и полом стоял полутемный свет, из него лились высокие окна. Зажглась лампа, и сразу же появились неподвижные тени предметов и движущиеся тени секунд. Лицо Марии неподвижно мерцало.

МАРИЯ (*Левицкому*)

Вы обещали.

ЛЕВИЦКИЙ (*медленно*)

Старец Амвросий, мирским именем Михаил, был сыном крестьянина. С малых лет Михаил говаривал матери: "Как вырасту большой, постригусь в монахи, буду железа на себе носить, трудиться Богу". Однажды у его отца обедал приходский священник и за столом рассказывал житие Макария Налязинского. Отрок

Михаил слушал внимательно и потом сказал: "И я буду монахом таким же". Чтение божественного писания укрепило заветную мысль Михаила, - что для спасения души необходимо уйти подальше от суетного мира. И вот в некоторое время он взял свой родной поклонный крест, благословился им и ушел в монастырь к Борису и Глебу на Устье помолиться, как он сказал отцу с матерью, и остаться там навсегда. Несколько лет он жил на послушании, переходя по разным случаям в другие монастыри. Еще усерднее молился он и просил Господа, как спастись ему грешному и неразимному. Во время одного такого моления перед образом Распятия, в теплоте сердечных слез, его осенило святое извещение, и он определил себе жить навсегда отшельником в лесной пещере. Первым помыслом нового отшельника было создать себе особый труд, дабы не праздно и не льготно сидеть в пещере. Он сковал железное ужище, то-есть цепь, длиною в три сажени, обвился ею и приклепил себя к толстому обрубку дерева, который служил для преподобного и мебелью, и добровольною тяжелою ношею при переходе с места на место. Вскоре пришел навестить старца другой такой же подвижник Ростовский юродивый Иван Блаженный, по прозванию Большой Колпак. Иван Блаженный посоветовал старцу сделать себе сто крестов медных, чтобы каждый был в полугривенку весом (четверть фунта). Иван Блаженный сам всегда носил множество крестов с железными веригами и со всякими другими трудами, покрываясь большим колпаком, простирившимся до колен. Старец Амвросий с радостью пожелал исполнить совет Блаженного, но затруднялся тем, что, по бедности, не знал, откуда можно достать столько меди. Блаженный успокоил его, говоря, что Бог поможет, что сказанное им мимо не пройдет. Через несколько дней по уходе Ивана Блаженного некий посадский человек принес Амвросию совершенно неожиданно большой медный крест, из которого, при великой радости, скоро были слиты назначенные сто крестов. Вслед за тем другой посадский человек принес так же неожиданно отшельнику железную палицу - дубинку, около трех фунтов весу. Это было оружие против лености тела и против невидимых бесов. Шесть лет старец Амвросий трудился на трех сажнях железного ужища. По истечении этого срока он прибавил еще три сажени, которые получил от одного христолюбца из Угли-

ча. Прошло еще шесть лет и у преподобного подвижника прибыло еще три сажени ужища, полученные от некого брата, тоже трудившегося в железе. Таким образом, мало по малу, всего ужища стало девять сажень, в котором Амвросий трудился тринадцать лет. В это последнее время, в том же Борисоглебском монастыре, уже семь лет трудился в железном ужище иной старец, Тихон, но ушел из монастыря он и свое ужище отдал Амвросию. И стало ужища железного всего двадцать сажень. Преподобный обвивался им еще пять лет, до дня своей кончины. Но старец проходил свой подвиг не в одном этом двадцатисаженном ужище. Кроме цепи, кроме старцов и железной палицы были еще семеры вериги, плечные или нагрудные, путо шейное, путо ножные, связи поясные в пуд тяготы, восемнадцать оковцев медных и железных для рук и перстов камень в одиннадцать фунтов весу, скрепленный железными обручами и с кольцом, тоже для рук, железный обруч для головы, кнут из железной цепи для тела. Более тридцати лет подвизался Амвросий, обвитый этим железом, отгоняя дремание очей, не давая покоя рукам в непрестанной работе. Он вязал из волоса свитки и клобуки...

МАРИЯ

Странно вы рассказывали... почти вслух.

Ночь не заметила, как подошел Пермьяков. Он наступил внезапно, как утро. Тот же холодный свет, тот же навстречу окнам.

1-Й ГОСТЬ

Свечи из стройных девушек превратились в горбатых карлиц. Мы превратились тоже.

2-Й ГОСТЬ

В богов, кажется.

3-Й ГОСТЬ

Я - в 3-его бога.

4-Й ГОСТЬ

Со мной уже однажды был такой случай. Даже не такой...

Истленьева, как только он проснулся, кольнула мысль: "Уже утро. Я могу опоздать". И он торопливо стал собираться. Четыре стены, окно, железная койка и стол. Истленьев наскоро выпил чай и вышел.

На улице было рано, часы на башне хмуро показывали половину шестого. Истленьев шел быстрым шагом по одной, потом по другой улице, потом по третьей. Улиц было много, они были еще безлюдный.

Потом стали появляться люди. Истленьев был уже далеко.

Вот, наконец, и то место. Это был переулочек, который одним концом выходил на набережную. Истленьев подошел к условленному (с кем? с самим собой?) месту и остановился. Он ждал. К нему никто не подходил.

Переулочек был пуст. Со стороны реки прогремело железо. Мимо Истленьева прошла женщина, но ничего ему не сказала.

Наконец, оглядев переулочек в последний раз, он стал торопиться в обратный путь. Быстро пошел, удаляясь от набережной. Вслед ему на реке еще раз прогремело железо.

Истленьев шел, не оборачиваясь, думая только о том, чтобы скорее поспеть домой. Обратный путь занял немало времени.

Наконец, он поднялся за свой этаж, подошел к двери и легонько ее открыл. В комнате никого не было, и все в ней оставалось без изменения. Истленьев присел на железную мойку, но вдруг вскочил и стал приводить в порядок табуретку и стол. На это ушло не много времени. Истленьев остановился в задумчивости среди четырех стен. "Что ж, пожалуй, надо опять идти. Я могу не успеть". Он подошел к двери и повернул железную ручку.

Письмо от Куклина - А.Г. Левицкому

Здравствуйте, многоуважаемый Александр Григорьевич!

Долго Вам не писал потому, что не имелось никаких новостей. Наконец, вчера я смог предпринять то путешествие, о котором мы с Вами уговорились. Начал я его таким ранним утром, что была поздняя ночь. Долго пришлось идти по улицам вдоль стен домов, вдоль стен темноты. По мере того как я приближался к окраине, стены ветшали. Набережная и мосты остались уже далеко позади, я стал внимательно всматриваться в номера домов,

но, странное дело, ничего похожего на *тот* номер не было. Много часов прошло в поисках, я совершенно выбился из сил и уже было потерял надежду, как вдруг... Я увидел его. Он (этот номер) висел на стене каменного трехэтажного дома. Справа и слева стояли такие же дома, но этот из них выделялся чем-то, был странным, неизвестно почему. Пропорции окон и стен? Годов и молчания? Не знаю... Я стоял в каком-то оцепенении, и если бы меня в это время спросили о чем-нибудь, то я не смог бы даже сказать: "Что?" Этот номер, нарисованный черной краской на жести, имел надо мной необыкновенную власть. Я стоял очарованный... Но мне подошла женщина. У нее были темные волосы (не та ли это женщина?) и такие странные глаза (да, это была она), что. Мы стояли друг против друга. Два молчания. Окна начинали рассвет. Черные цифры на жести. Бледное лицо и темные волосы - казалось, сами часы забыли о времени. Не знаю, сколько времени прошло так. Час? Год? Бог? И вдруг она назвала Ваше имя. Странно оно прозвучало... Женщина и молчание, я и я. Я хотел начать говорить, но она, оказывается, уже давно меня слушала. "Да" - кивнула она. Я сказал ей все, о чем Вы меня просили. Крыши забарабанили. Дождь был без стрелок и цифр...

(Окончание письма утеряно)

Истленьев неподвижно смотрел в окно. Разрубленное крышами, сверкало ночное небо.

МАРИЯ

Смотрите - Истленьев так глубоко задумался, что это передалось часам.

ЛЕВИЦНИЙ

Ах, Мария! Мария, ах! Если бы вы мне позволили написать вам!

МАРИЯ

Что ж, пишите.

ЛЕВИЦНИЙ

Здравствуйтесь, Мария! Сегодня я наблюдал начало рассвета: тонкие часовые стрелки легко сдвигали темные груды домов...

МАРИЯ

Вы начитались Нуклина.

ЛЕВИЦНИЙ (шокирован)

Да, я прочел... Но что же из этого... Кажется, во мне вас раздражает все... даже сходство с Нуклиным...

Тут неожиданно раздался беспорядочный стук в дверь, и вскоре вся пермяковская компания ввалилась в гостиную. Все были пьяны, веселы и настроены угрожающе. Присутствие юных девиц незваных гостей ничуть не смутило. Правда, первое время они еще старались держать себя в рамках приличия. Рамки были хрупкие, тесные, позолоченные. Боксер что есть силы пытался казаться порядочным человеком, выглядывая из рамок, как оживный портрет (кисти Рафаэля?). Геркулес шевелил плечами, руками, успокаивая собственные порывы. Рамки жалобно потрескивали под напором могучей шеи. Поэт много выпил и чувствовал вдохновение. Он стал читать, размахивая животом:

Графиня голая стояла,
 Пред нею голый мир лежал.
 Она хотела прикрыться углом одеяла,
 Но я был там, и я не дал...

Екатерина Васильевна посмотрела на него с достоинством, и он осекся. Тут и там просовывался лиловый нос (Нуклина). Владелец носа то и дело похихикивал, потирал руки, подмаргивал, а то, просто, владел своим лиловым носом, что получалось у него довольно нагло и вызывающе. Пермяков был грозен. Увидя Левицкого, он нахмурился и коротко бросил Нуклину: "Что такой?" Нуклин стал угодливо ему шептать что-то на ухо, то и дело поглядывая на Левицкого. Увидя Истленьева, Пермяков сначала удивился, потом как-то досадливо повел плечами. Остальных он просто не различал. Остальные были для него безразличной массой.

Между тем, скандал назревал. Окна попятись. Боксер, вперив взор в Марию, думал о том, как бы занять у Левицкого. Левицкий, в свою очередь, был так холоден, что самым теплым в нем было его ледяное молчание. Между тем, боксер мысленно примери-

вал сумму. "100!" - вдруг выпалил он. Левицкий сделал вид, что не слышит. "100" с наглой усмешкой приблизилось. Неизвестно, что бы тут могло прозойти, как вдруг кем-то было произнесено слово "Кант". Может быть и не Кант, а другое, но Куклину слышалось именно Кант. И вот его (Ку, а не Ка) тщедушная фигура привлекла к себе внимание всех. Он торопливо заговорил своим слабеньким голоском, обращаясь почему-то именно к Геркулесу: "Каким образом можем мы познавать находящиеся вне нас и от нас не зависящие вещи или предметы? Каким? Этот вопрос, не существующий для наивного, непосредственного сознания..." - "Но составляющий главную задачу всякой философии", - холодно, не обращаясь ни к кому, произнес Левицкий. - "Да, да, именно! обрадовался Куклин, - именно! Этот вопрос ставится и разрешается Кантом с особым глубокомыслием и оригинальностью! Нам ум может познавать предметы потому, что все познаваемое в них создается тем же умом, по присущим ему правилам или законам...". Неожиданно для всех Геркулес раскрыл рот и резюмировал: "Другими словами, познание возможно потому, что мы познаем не вещи сами по себе, а их явление в нашем сознании, обусловленное не чем-нибудь внешним, а формами и категориями нашей собственной умственной деятельности...".

Философский разговор вдруг стал оживленным и общим, но... избавим от него читателя.

В комнате темно. Только по блеску стекол можно различать окна, зеркало и часы. Сколько присутствует людей - неизвестно. То один, то другой голос звучит. Иногда слышно исчезновение одних и появление других.

1-Й ГОЛОС

Надо же! Вчера за обедом я ел мясо, хороший кусок телятины, и вдруг несколько волокон попали в дыхательное горло. Я закашлялся, зачертыхался. Понимаете? Жена мне говорит: "Ты что, Федор, подавился, что ли?"

2-Й ГОЛОС

Совершенно с вами согласен. Я ведь сам был матросом. Правда, скоро уволился.

1-Й ГОЛОС

Что, укачивало?

2-Й ГОЛОС

Нет, меня мучило от всего, кроме качки.

3-Й ГОЛОС

Да что там говорить! Я вот вчера преследовал одну незнакомку на улице. Она - от меня, я - за ней. Спряталась за фонарный столб и дразнит меня. Я ее ищу. Нашел, только хотел схватить, а она уже за другим столбом. "Призрак, - думаю, - что ли?" А тут вдруг стемнело, зажглись фонари, улицы заполнились народом. Я стал терять ее из виду. Вдруг вижу: юркнула в подъезд какого-то дома. Вбегаю, слышу: шаги вверх. Бегу, сломя голову, и... попадаю в объятия. Обняла меня (такие руки!) и стиснула... А?

4-Й ГОЛОС

Вчера всю ночь в погребке шла игра. Алхимов такую грудку денег

выиграл, что аж дух захватило, и... рассвело даже. Я на окна глянул и обомлел.

1-Й ГОЛОС

Алхимов - шулер.

4-Й ГОЛОС

А окна?

1-Й ГОЛОС

Подтасованы.

2-Й ГОЛОС

Алхимов? Философ? Странно! Вчера я видел его в обществе трех людей. Один из них, Нуклин, вы его знаете - наш человек. Другой, Левицкий - не наш. Третий, некий Истленьев - странный, ничей.

3-Й ГОЛОС

А что Пермяков?

2-Й ГОЛОС

Пермяков, говорят, совсем помешался, бедняга. Гоняется за призраком. Ммда... Как-то поздно вечером видели их обоих... Говорят, мороз по коже продрал.

3-Й ГОЛОС

Да... ну и ну!...

ДАМА (*ее голос*)

Странно звучит в темноте мое молчание! При свечах - другое дело. Там золотой тяжелый узел волос - это столько времени! А каждая ресница - вечность. О, этот темный взмах, миг красоты!... А Нуклин - резвый, забавный, игрок. Я люблю таких. А Пермяков - сам призрак, игрушка окон... Куда же я спешу? Часы молчат... О, черная пропасть между двенадцатью и часом, куда все рухнет!... При вечернем освещении Алхимов - шулер.

ПОЭТ

А где-то графиня
Забыла в зеркале себя...

ДАМА

В ваших стихах всегда присутствуют графы или графини. Это очень мило. В этом смысле вы - графоман... Но, все же, карточная игра удивительна! И этот бумажный шорох денег... Это зеркало такое старинное и тусклое! Оно отражает меня, скорее, по памяти... Прощайте!...

3-Й ГОЛОС

Здесь был поэт?

2-Й ГОЛОС

Здесь и еще кто-то был.

5-Й ГОЛОС

Позвольте вам задать вопрос без вопросительного знака...

1-Й ГОЛОС

Здесь и еще кто-то есть!...

Пермяков гонялся за призраком. Он растерял всю свою компанию. Часть ее рассвятилась по Москве, часть - собралась вокруг А.Г. Левицкого.

Боксер сложил к его ногам все свои легенды о себе, извинился за чуть было не произошедший у Витковских скандал и не попросил займы. Из этого испытания он вышел несколько надломленным, но зато возмужавшим и посерьезневшим.

Геркулес предложил чистосердечно Левицкому обе половины своей необъятной силы. Левицкий согласно кивнул.

Не хватало только поэта и его музы. Скоро они появились и не одни, а в обществе известной читателю дамы, которая, распустив свои чудные волосы, грозила миру золотым потоком.

Нельзя сказать, чтобы у Левицкого были какие-то определенные планы. Нет. Но он все чаще поглядывал в сторону часов, то есть

в сторону, противоположную чему?
Что-то замышлялось.

ДАМА

Как вы здесь оказались?... и я.

ЛЕВИЦНИЙ

Ничего странного. Просто часы пошли в сторону.

ДАМА

Хорошо и тихо сказано. Ночью, в темноте слова не видны, но зато слышны... А я куда-то забыла опоздать, спешила, была совсем, как безумная, на полдороге зеркало меня догнало, чтобы вернуть мне меня, а то бы я так и ушла... Вы знаете, каждое окно - ловушка. Однажды я шла, навстречу - никого, но сердце вдруг так сжалось! Я спряталась за выступ стены, мимо, не видя меня, вихрем проносилось время...

ЛЕВИЦНИЙ

Один бы вас стал призывать успокоиться, другой - не успокаиваться, а я - третий.

ДАМА

Боже, как темно! Боже, как слышно!... Во мне течет испанская кровь. Вы знали?

ЛЕВИЦНИЙ

Знал, но все равно это очень неожиданно... Но у меня есть к вам один вопрос и еще один. 1. Знакомы ли вы с Иствльньевым? 2. Знакомы ли вы с ним?

ДАМА

Подумать хорошенько?

ЛЕВИЦНИЙ

Не обязательно.

ДАМА

Он назвал свое имя: "Владимир Иванович". Знакомство состоялось, нас представили друг другу. Кто и когда? Ночь - ночью... Истленьев - странный. Однажды я сидела возле и слушала в течение часа его молчание.

ЛЕВИЦНИЙ

И что же вы услышали?

ДАМА

3600 секунд.

ЛЕВИЦНИЙ

Ровно? Какой старинный час!...А Истленьев?

ДАМА

Для зеркал он неуловим, как призрак. Для часов он неуловим, как вечность. Для меня и для вас - как что?

ЛЕВИЦНИЙ

Странно! Я как-то коснулся его случайно, мне показалось, что он - из плоти.

ДАМА

Вам показалось...

Но где же, однако, Алхимов и Нуклин - эти два почтенных философа? Но, сначала, небольшое историческое отступление.

Когда появились впервые игральные карты - неизвестно. Установлено лишь, что они не были изобретены во Франции для забавы слабоумного короля Карла VI, а были известны еще раньше. Неудачной оказалось и попытка отыскать родину карт в Индии. Всего вероятнее, что карты изобретены в Китае. В словаре Чинг-цзе-Тунга говорится, что карты изобретены в 1120 г., а в 1132 г. были в Китае уже в повсеместном употреблении. В Европе игральные карты появились не ранее эпохи крестовых походов. Первое документальное известие о них (не о походах) относится к 1379г.

Итальянский живописец Николо Наваллуццо внес под этим годом в хронику своего родного города следующее известие: "введена в Витербо игра в карты, происходящая из страны Сарацин и называемая ими наиб".

"Вряд ли карты впервые появилось у арабов, - вяло возразил Нуклин, - закон Магомета запрещает изображение человеческой фигуры"...

В погребке был полумрак. Лампа хмелела. Какой-то забредший художник углем изображал человеческую фигуру. Со стороны реки доносился рев баржи, тянущей непосильные небеса. Было густо накурено, все казались одинаковыми расплывчатыми силуэтами. Красное густое вино царило.

Окно сквозь дым не могло пробиться к Нуклину. Кто-то коснулся его плеча. Нуклин обернулся и увидел Алхимова.

Это не был человек роста, плечей или чего-нибудь такого. Желтый, худой, с длинными тонкими пальцами, два глаза смотрели вдаль.

Даль трэф, даль пик... Виски седели.

Левицкий, увидя свое отражение одновременно в зеркале и в часах, поражен страшным противоречием: светлый зеркальный нимф вокруг головы оказывается терновым венцом из черных цифр.

МАРИЯ (*к Истленьеву*)

О чем вы думаете? Где вы? Днем или ночью?

ИСТЛЕНЬЕВ

Да, да... вы правы, Мария...

ЛЕВИЦКИЙ

(*в сторону*) Одна стоит другого. (*к Марии*) Вы так бледны сегодня! Посмотрите-на, на улице - полдень, на часах - тоже, и только вы... и только...

МАРИЯ

Это высокое узкое небо - это окно? А где же полдень?

ЛЕВИЦНИЙ

Его не видно из-за часов. (к *Истленьеву*) Вы, кажется, что-то хотели сказать?

ИСТЛЕНЬЕВ

Нет, я как раз не хотел произносить этих слов.

ЛЕВИЦНИЙ

Э, да вы не так просты!

ИСТЛЕНЬЕВ (*смеясь*)

Может быть, я прост по-другому?

ЕНАТ. ВАС.

Ну вот, смотрите-ка! Только что были тучи - и уже дождь льет из ведер.

МАРИЯ

Сверкнула молния, сейчас погремит час.

ЕНАТ. ВАС. (*к Истленьеву*)

Скажите пожалуйста, Павел Евгеньевич Истленьев кем-нибудь вам приходится?

ИСТЛЕНЬЕВ

Да, это мой родственник, но очень уж дальний... Такая даль!

ЕНАТ. ВАС.

А я его встретила недавно у Мелик-Мелкумовых и назвала ему ваше имя. Он так пожал плечами, что даже солнце сразу зашло. Я посмотрела на часы: действительно, было время захода. А, впрочем, человек он очень милый - немного поэт, немного алхимик, немного никто.

ЛЕВИЦНИЙ

Я как-то был ему представлен, мне одного пожатия руки было достаточно, чтобы в этом убедиться.

МАРИЯ (*очнувшись*)

Пожатие руки... пожатие плечей... немного никто... дальний родственник... чей? дождя?

ЛЕВИЦНИЙ

Дождя и Истленьева.

МАРИЯ

Вы, Левицкий - умница, все превращаете в шутку. Смотрите, не превратитесь!

ЕНАТ. ВАС.

А вот и чай! Не правда ли, удивительно! Дождь, чай, часы, окна - сколько сил скрещивается!

ЛЕВИЦНИЙ

(*в сторону*) Скрещусь и я. (*к Истленьеву*) Скажите, Истленьев, вы часто думаете о божьих?

ИСТЛЕНЬЕВ (*в смятении*)

Какой неожиданный вопрос!... Я не могу вам так же неожиданно ответить...

МАРИЯ

Чай и часы - что общего? И там, и там есть полдень и полночь. И там, и там - необъяснимое могущество.

ЛЕВИЦНИЙ

Мария! Одно ваше слово - и я воскрес. Одно ваше молчание - и я...

МАРИЯ

Не будет ни слова, ни молчания. Ну-ка, разгадайте! Вы же - мастер.

ЛЕВИЦНИЙ

Ах, что же тут разгадывать! Вы говорите не загадками, а прямо эпитафиями...

ЕНАТ. ВАС.

Вы, Истленьев, сегодня очень милы. Куда девалась ваша снованность?

ИСТЛЕНЬЕВ

Не знаю.

ЛЕВИЦНИЙ

Да он просто красноречив сегодня! Красноречив, как дождь - уличный оратор.

Неожиданно появляется Пермяков.

ПЕРМЯКОВ

Ах, как я неожиданно, право! Добрый... день, дождь или вечер?

ЕНАТ. ВАС.

Боже! Что с вашим лицом?!... Минутная стрелка изогнута, на нее насажен клон окровавленного часа... а часовая стрелка тычет куда-то в сторону набережной!

ПЕРМЯКОВ

Это я ободрался о небеса... Дайте же стереть цифры с лица!... (взгляд его постепенно проясняется, он качивает указывать окружающих) Екатерина Васильевна?... Это вы?... У меня почему-то носовой платок стал весь... другого цвета... Это что, кровь? А?... (пауза) На наковальне день и ночь куются стальные наночинники минут... Левицкий, эта наковальня - вы. Или нет?... Истленьев?! Помнишь варшавский поезд? Помнишь?...

Так же неожиданно Пермяков исчезает.

ЕНАТ. ВАС. (после паузы)

Что вы скажете?

ИСТЛЕНЬЕВ

Безумец.

ЛЕВИЦНИЙ

По-моему, безумие грозит оставить его...

Город опустел. Он будто вымер. Только Истленьев, Пермяков, Нуклин и Левицкий, как безумные носились по улицам. Маршруты их путешествий были головоломными, их можно было объяснить только безумием.

Левицкого все чаще сопровождала дама из бывшей пермяковской компании. Она шла стремительно, ветер гнался за ними по золотому следу ее волос. Разбрасывая вокруг свои огромные безумно-светящиеся глаза, она ослепляла ими летевшие окна. Левицкий, улыбаясь холодной улыбкой лезвия, был стремительным спутником стремительной женщины. Она часто смеялась, но ее смеху жутко было в пустынных улицах.

Каменные дома проносились мимо холодного ветра и осени. Листья деревьев с грохотом падали на пустынные мостовые.

Обгоняя каменные дома, мчались Нуклин с Алхимовым. Иногда ветер, принимая облик Истленьева, проносился навстречу им. За каждым углом новое безлюдье караулило их.

Ветер и эта горстка людей, каменная осень, пустынные часы и минуты...

Ночной город был тьмен, как склеп, только на Кропоткинской одинокая лампа Вологова провожала безумным взором мечущуюся взад и вперед темноту. Под окнами задыхающегося мудреца пронесся одинокий ветер-Истленьев...

Ночные звезды спускались на пустынные набережные, черные фонари плескались о ветер. Кошмары воды под каменными мостами...

Что-то жуткое, как мигрени Острогского, стояло над городом.

Безумная игра шла в погребке. Алхимов и Нуклин, два скелета и огарок свечи - вот участники этой игры. Оттуда-то золото появилось. Юродивое окно заливалось по-детски невинным светом.

И вдруг - Левицкий, золото и глаза его спутницы, и свист ветра, не успевшего остановиться на всем лету.

Истленьев давно уже стоял в углу, чуть колышимый пламенем огарка. К свету окна добавился смех Пермякова, и от этого двойного безумия по погребку задвигались в отчаяньи тени.

ПЕРМЯНОВ

Ночь... фонари не светили... я постоял, посветил немного.

ЛЕВИЦНИЙ

Прислонясь к темноте.

ДАМА

Мир из каменного вздоха

Вырвал осени порыв...

Чьи эти строки? Они вдруг пронеслись мимо меня... (*слишком удара*) О, боже! Никуда не деться от часов! Все время заполнено секундами!... Истленьев?! Это вы? Я вас сразу узнала... ваше молчание, оно началось сразу от входа.

ПЕРМЯНОВ

Оно легло до окон. Я свидетель... то-есть, я кто?

ДАМА

Э, да здесь идет игра! И не малая... А это что за скелеты?

НУКЛИН

Это не скелеты, это - двое.

ДАМА

(*в чрезвычайном возбуждении*) Скажите, Истленьев, вы нашли уже какую-нибудь службу или место? Ведь деньги-то нужны!... Спросите у него угодно!

ИСТЛЕНЬЕВ

Да, я нашел место... Оказалось, что у меня хороший почерк...

ЛЕВИЦНИЙ

(*мысленно*) Вот так да! Хороший почерк! (*вслух*) Вот так да! Почерк хороший!

ПЕРМЯНОВ

Почерк фонаря по черной воде?

ЛЕВИЦНИЙ

По глади безумия.

ДАМА (к Истленьеву)

А какова судьба письма, которое вы привезли из Швейцарии? В нем было что-то важное? Ну, говорите же!... Ах, как вы медленно! Постыдитесь темноты!

НУКЛИН

Я занимался этим письмом. Оно полно цифр, названий звезд и еще чего-то. Короче, Истленьев - наследник. Он - Крез. Поздравляю вас, Истленьев!

ЛЕВИЦНИЙ

Поздравляю!

ПЕРМЯНОВ

Поздравляю!

АЛХИМОВ

Поздравляю!

ДАМА

Да, да, примите и мои поздравления... Какая странная судьба! Она уже давно была тут, а мы не знали...

Истленьев уехал из города по делам наследства. Это был человек лет - лет, такого же роста и странно молчаливый. Вечернее молчание, когда оно сливается с темнотой...

Вчера (12 августа 70 г.) Э.В. рассказала мне, что А.Е. Крученых, однажды говоря с ней о Достоевском, спросил ее: "А вы знаете почему у Настасьи Филипповны из 'Идиота' фамилия - Барашкова?" И сам ответил: "Потому, что она означает - агнец... У Достоевского ничего не было случайного..."

Сгорбленная, в лохмотьях, старуха костлявой рукой не то просила, не то протягивала подаяние (кому? миру?). Девочка-налепа

сидела на одной из скамей сквера. Истленьеву хотелось бы стать невидимым, но он был видим. Девочка увидела. Он подошел к ней, ссутулясь под страшной невесомостью неба. Часы на башне пробили вновь тот же час. По небу, покидая Швейцарию, шли облака. Она спросила его. Он ответил. Старуха и мир исчезли. Они остались вдвоем.

Когда Левицкий и его дама спустились в погребок (но до этого - стремительная безлюдная набережная), там было нанурено, толпились люди, Нуклин разглагольствовал о Наполеоне:

"Известно, что ничто на свете без промысла божественного не делается, и что жребий смертных управляется творцом их. Вся жизнь великого императора от самого детства его служит этому доказательством. Мы ощутительно почти видим осеняющее его божие покровительство, и что всевышний был его руководителем во всех путях. Но, когда при всем этом Наполеон мог обмануться, положась на уверения душ низких и ввел себя со всем воинством своим в столь великов бедствие, то не можем ли мы из этого усмотреть, что сей самый божественный промысел попустил сему, так сказать, злату в горниле самого величайшего бедствия быть искушенну, да яснее откроет свету величие его духа? И, поистине, не были еще в столь блистательном виде эти великие свойства его души открыты, как в сем бедственнейшем состоянии..."

ДАМА

Наполеон? О, прекрасно! Я так люблю в нем его победы, эти волосы, падающие на лоб, и... что еще? Хотите знать? - все остальное.

ЛЕВИЦКИЙ (задумчиво)

Действительно, в нем было что-то женское. Эти падающие на плечи волосы, это стремление к победе, к славе, бесстрашие.

С одиноким лицом он был.

Свистели пули, задевая.

И женские шаги кобыл

Хранила мрачность боевая...

КУКЛИН

Вы знаете, краешек вашей мысли... Да, да, это меня задело!
Гм...

ДАМА

Какой забавный вкус у этого вина!... Вы, Куклин, кажется, не-
сколько раз упоминали имя бога? И что же?

КУКЛИН

Да, упоминал... И, действительно - вино забавнов...

Екатерина Васильевна Витковская со своими дочерьми как-то
быстро, без долгих сборов, неожиданно выехала из Москвы в Кра-
тово, где находилась их дача. Вокруг просторного дома были де-
ревья, прохлада, темнела трава... Как-то вечером, когда уже
зажгли свет, Екатерина Васильевна и ее три дочери сидели на
застекленной веранде. Было тихо.

ОЛЬГА (*задумчиво*)

Пушкин!

АННА (*задумчиво*)

Толстой!

МАРИЯ (*задумчиво*)

Куклин!...

Все рассмеялись. Эти три девушки все были удивительные кра-
савицы, с веселым характером, с такими свежими лицами! Младшая
звалась Марией. У нее были волосы такого удивительного темного
цвета, что казалось - вот-вот полночь пробьет... И глаза.

ЕКАТ. ВАС.

Ты все молчишь, Мария. Прочти нам, пожалуйста, что-нибудь
вслух.

МАРИЯ

Хотите стихотворение Острогского "О! предельная поэзия"? Хоти-
те?

О, вечности овечка!
 Расти рога!
 Накая - к черту - богу свечка!
 Ей богу - черту ночерга!

Посвящено В. Казакову...

Неожиданно раздался беспорядочный стук в дверь.

ЕНАТ. ВАС.

Ах, Мария, как громко ты о черте!... В такой час...

Ввались Куклин, Пермьяков, Алхимов, Левицкий и проч. Среди них - дама.

МАРИЯ

Скажите, Левицкий, вы появились на слово "черт"?

ЛЕВИЦКИЙ

Нет, на слово "Казаков". А что?

ДАМА

Оказывается, Куклин - домовладелец и совсем тут рядом, с вами пососедству. Мы прогуливались всей компанией и вдруг видим: ваш свет... Ах, сколько сегодня на небе звезд! Над одним только Левицким я насчитала их целую тысячу.

МАРИЯ (*в сторону*)

Накая удивительная женщина! Как зеркало ее вдруг отразило!... Эти волосы - это золото или сновидение? (*вслух невольно*) Золото или сновидение?

ЛЕВИЦКИЙ (*Марии*)

Что вы?

МАРИЯ

Нет, ничего... Просто ваши усы мне напомнили о вас.

ЛЕВИЦНИЙ (в сторону)

Нак давит на меня эта тысяча звезд!

ПОЭТ

Нак ночь мне давит на главу
Созвездьем тяжким Треуголни!

МАРИЯ

Ах, да! Нуклин, я слышала, что вы - восторженный поклонник На-
полвона. Это верно?

НУКЛИН

Нет, это - да. Но, признаться, генерал мне нравится больше,
чем император, а император - больше, чем та нелепая фигура,
которую из него сделали за последние 150 лет... Его длинные
волосы, армии, слепо повинующиеся ему - все недавно натолкну-
ло меня на мысль... Восторг, с которым за него отдавали жизнь,
этот властный непостижимый взгляд, женское бесстрашие...

ДАМА

Нуклин, хотите еще одну деталь? Его чеканное изображение на
золотых монетах, где он так же похож на бога, как и на богиню.

МАРИЯ (в сторону)

Какой удивительный у нее голос! Каждый звук - глубокий, ноч-
ной...

НУКЛИН

И еще - он не любил зеркал.

ДАМА

Еще бы! Ему обращаться к ним было бы так же нелепо, как време-
ни искать свое отражение в часах.

ПЕРМЯКОВ

В часах?!... Боже, я забыл! Мне давно уже пора быть в могиле,
а я все еще здесь!... (убегает)

ЕНАТ. ВАС.

Несчастливый безумец!

КУКЛИН

Кто? Наполеон?

ЕНАТ. ВАС.

Нет, оба.

Разговор неожиданно зашел об Истленьеве.

ДАМА

Истленьев? Это все-таки странный человек! Поверите ли, иногда кажется, что он был, иногда - что он будет, иногда - что он есть.

ЕНАТ. ВАС.

Да, да, вы удивительно правы. У меня тоже иногда бывало чувство, что он - есть. Но только на короткие мгновения, когда тишина и сумрак. А стоило появиться лишь звуку или свету, и... Истленьев - был.

ПОЭТ

Его лучи насквозь пронзали,
И стало тихо в мертвом зале...

КУКЛИН

(в сторону) Что же, он - призрак? Первый раз слышу, чтобы призраки получали наследство... *(ко всем)* Он сейчас в Смоленске, по делам наследства. Первый раз слышу, чтобы в Смоленске получали наследство!...

Продолжался разговор об Истленьеве.

ЛЕВИЦНИЙ

И, все же, есть Истленьев, или его нет, но на своем пути и богу он движется прямо.

МАРИЯ (*задумчиво*)

Да...

НУНЛИН (*задумчивым эхом*)

Да...

ДАМА

А бог?

ЛЕВИЦНИЙ (*в сторону*)

В сторону.

МАРИЯ (*после паузы*)

Странное видение!... Я вижу Пермякова. Перед ним - зеркало. У обоих на лицах - странная улыбка. И все вокруг в каком-то смятении и тревожно мерцает, словно при свете темноты... И вдруг - часы. Они появились, и время ранит каждым мгновением, будто состоит не из минут, а из осколков часа... (*взглянув на Левицкого*) Бедный Левицкий, он чем бледнее, тем неслышнее.

ДАМА

У него это в роду.

НУНЛИН

Мой старинный род пресекся еще за 141 год до моего рождения.

ЕНАТ. ВАС.

Оказывается, эти старинные роды не так-то легко пресечь.

ДАМА

Какой-то помешанный светил ночью, говоря, что он из древнего фонарного рода.

ЛЕВИЦНИЙ

И в нем отражалась вода реки?

НУНЛИН

И он бросился с моста в воду? Несчастный самоубийца!... Поистине, если у какой-нибудь истории счастливый конец, значит она еще не окончена!...

Снова о Наполеоне.

ЛЕВИЦНИЙ

Мне всегда резали слух эти выражения, вроде: великий полководец, великий политик и проч., когда их употребляли по отношению к Наполеону. Великим призраком - вот кем, по-моему, он был и остается по сию пору. Вы понимаете мою мысль?

ПОЭТ

Но служба королю,
Она - отравленный напиток.
Все ждешь, когда помрешь
Свою смертью иль от пыток...

Истленьев тем временем, взволнованный какими-то странными предчувствиями, скитался в смоленских улицах.

Главная часть города лежит на левом крутом берегу Днепра, на 4 холмах, разделенных 6 глубокими оврагами, из которых текут 3 ручья. Из исторических памятников Смоленска замечательна городская стена (1596 - 1600 г.г.). Первоначально она имела 9 ворот и 29 башен с устроенными в три яруса бойницами. Наверху стены, имевшей до 2,5 сажень ширины, по обе стороны возвышались каменные зубцы, на которых укреплена была железная кровля, так что стена представляла собой широкую галлерею, в которую вход был из каждой башни. До 1812 г. по крепостной стене совершались крестные ходы. Н началу XX века от этого сооружения, носившего название "дорогого ожерелья России", уцелело 17 башен и 3 ворот: Днепровские с надворотной церковью, в которой помещалась икона Смоленской Божьей Матери, Молоховские, так же с церковью, и Никольские. В Иверской башне, взорванной в 1612 г. и восстановленной в 1815 г., была устроена церковь. В некоторых из остальных уцелевших башен хранились архивы.

Истленьев быстро шел мимо деревянных заборов с видневшимися из-за них ветвями деревьев. Несколько тревожных мыслей преследовали его, одна - особенно долго. Но, наконец, и она исчезла, оставила. Он остался один. Теперь он был в том состоянии, которое нельзя описывать, можно только сказать, сколько оно продолжалось. Час, два или больше. Но мне неизвестно.

ГОСТИ В ТЕМНОТЕ. ГОСТИ ТЕМНОТЫ.

Сумрак был тих и прилежен так!
 Как мальчик с гусиным пером.
 И свечка - вечерняя неженка
 Восходит на бронзовый трон.
 Ночь зябко куталась в дали,
 Дом мхом сновидений порос,
 И синие окна летали
 Роями стеклянных стрекоз...

1-Й ГОСТЬ

Чай - это словарь молчания звезд.

2-Й ГОСТЬ

Он сам был удивительно молчалив, этот человек. Молчалив настолько, что порой казалось: он понимает, о чем молчат стены... Мария никогда его ни о чем не спрашивала, и он ей всегда на все отвечал.

3-Й ГОСТЬ

Нуда же, в самом деле, прятаться темноте, если все прячется в темноту?

4-Й ГОСТЬ

Я смотрю в окно и смело ни о чем не думаю. Что вы на это скажете, Нунлин? Вы ведь игрок по национальности.

НУНЛИН

Ах, это было так давно - и игрок, и национальность! Теперь, выражаясь языком жестов, я - только взмах рукой.

5-Й ГОСТЬ (очнувшись)

Что?... Ах, да! Вы правы. Правота сверкнула. Есть что-то ледяное в каждой правоте.

6-Й ГОСТЬ

В зимней правоте.

7-Й ГОСТЬ

Это мне напомнило один случай, другой, третий...

Мария! Я пишу Вам письмо из Смоленска, позвольте мне написать его Вам. Я сегодня долго ходил по городу, вдруг начался дождь. Вы знаете - крыши, водосточные трубы. Я укрылся в одной каменной подворотне. В ней было темно, шумела вода. Странные бывают дожди. Вот и этот. Я вдруг вспомнил Вас, увидел Ваш облик, и дождь застучал лихорадочно. Все небо наполнилось шумом крыш...

Позвольте мне написать Вам еще. Пришлите мне хотя бы две строчки. Пожалуйста, поклонитесь от меня всем Вашим.

Вл. Истлекьев

Владимир Иванович! Я надеюсь, что дождь тогда затянулся не очень надолго, и Вы благополучно и сухим добрались до дому. Ваша мысль о странных дождях особенно понравилась Ольге. У Вас удивительно красивый почерк. Косой почерк дождя по небу. Все Вам кланяются.

Мария

Мария! Я был так рад Вашему небольшому письму! Я изучил каждую его букву. Если бы Вы знали, сколько в них таинственного! А что до моего почерка, то я обучился разным приемам письма у одного русского каллиграфа, жившего в Швейцарии вместе со мной в пансионе доктора Иогансона. Это был такой замечательный человек! Я когда-нибудь Вам о нем расскажу. Дождь, и вправду, тогда лил недолго, скоро кончился. Мария, я прочел в Ваших буквах какую-то грусть, или мне показалось?... Пожалуйста, поклонитесь от меня всем Вашим.

Вл. Истлекьев

Владимир Иванович! Вчера Нуклин водил Ольгу, меня и Анну в ограду церкви, где Вы так любили сидеть. Мы Вас так живо вдруг представили сидящим на скамейке в Вашем немного необычном пальто, что рассмеялись! Нуклин и все наши Вам кланяются.

Мария

Мария! Ах, как я рад Вашему веселому рассказу, хотя он и такой короткий! Вы удивительная девушка!... Мне приходилось здесь много ходить по разным делам. Город очень старинный... Мария, позвольте мне поцеловать Вашу руку. Не сердитесь!... Поклонитесь от меня всем Вашим и, пожалуйста, Нуклину, если увидите.

Вл. Истлекьев

Истленьев неожиданно заболел (у него давно уже не было болезненных приступов), попал в больницу и пролежал там около месяца. Дела по наследству тем временем сами собою закончились. Истленьев получил наследство (оказавшееся совсем не таким большим, как полагали Нуклин и другие) и вернулся в Москву.

Он заметно осунулся, побледнел, пальцы были тонкие, длинные. Взгляд у него был еще тяжелый, глаза были какой-то болезненной странной голубизны. Он был очень удивлен, не застав в Москве никого: ни Витковских, ни Левицкого, никого. Случайно через старшую дочь Нуклина он узнал, что все уехали в Кратово. Это была славная добрая девушка, Истленьев произвел на нее странное впечатление. Она долго еще не могла забыть этой болезненной, почти мучительной голубизны.

Истленьев приехал в Кратово и поселился в одной из комнат обширного нуклинского дома. Окно выходило в сад, Истленьев по долгу смотрел.

Старшая дочь Нуклина была тихая молчаливая девушка. Она могла часами не проронить ни слова. Но зато ее глаза всегда говорили. Трудно описать этот взгляд, в нем много было от неба, но зато и в небе было много от этого взгляда.

Она заменила мать младшим сестре и братьям. Дети ее так любили, как только можно пожелать. Ее молчаливая доброта привлекала к ней сердца всех. У нее были светлые длинные волосы. Удивительны были их густота, время и цвет! Девушка все никак не могла забыть Истленьева, его бледного сухого лица. Что-то поразило ее в его голосе. Простое слово "здравствуйте" звучало необычно и странно.

На террасе у Нуклина собралось несколько человек гостей. Был полдень, стояли светлые прозрачные окна.

ДАМА

Вот уже несколько ночей я вижу странные сны. Вот уже несколько ночей я их вижу... А ведь уже осень наступила. Сколько золота! Сейчас даже нищие и боги могут ходить по нему... Здесь неподалеку - кладбище, я прогуливалась, над каждой могилой - небо.

НУНЛИН

Мы с Алхимовым на днях сидели в погребке, темно, вдруг - туча отошла, и солнце ударило в окно. Ярко осветило лица, руки и деньги. Ммда... А вы, Истленьев, по-прежнему молчите, хотя и получили наследство?

ЛЕВИЦНИЙ

Наоборот, он получил наследство, хотя по-прежнему молчит.

ИСТЛЕНЬЕВ

Нет, почему же... напротив... я охотно... Я в Смоленске шел как-то, и вдруг все мне показалось таким... (пауза)

ЛЕВИЦНИЙ

Так, может быть, все и было таким?

ИСТЛЕНЬЕВ

Да, да, все и было...

НУНЛИН

Ну, это еще что! Вы бы послушали Алхимова! Слушать его - заглядение. Такая смесь правды и лжи, слов и жестов, и прочего, что только диву даешься. Однажды с одной фальшивой ассигнацией он выиграл кучу настоящих денег. Другой раз вся нуча была фальшивая, а ассигнация - неизвестно...

ДАМА

Так где же он? Послать за Алхимовым! Я так хочу!

АЛХИМОВ (появляясь)

Я здесь. Добрый день.

ДАМА (растерянно)

Добрый день... Откуда вы?

АЛХИМОВ

Здесь неподалеку есть одно далеко. Я оттуда. Вдруг услышал,

как вы позвали, и вдруг явился.

ДАМА

Да, вы действительно ловкий человек! Скажите, а вы знакомы с дьяволом?

АЛХИМОВ

Да, знаком. Но точно не знаю, он ли это.

ДАМА

Наков!... А карточные фокусы вы умеете показывать?

АЛХИМОВ

Когда-то не умел.

ДАМА

А а?

АЛХИМОВ

У у.

ДАМА

Пожалуйста, дайте определение свободы.

АЛХИМОВ

Свобода? Это то, что с четырех сторон омывает тюрьмы.

ДАМА

Замечательно! Я удовлетворена... *(поеживаясь)* Какие холодные часы!

КУНЛИН

Подуло от зеркал...

Из всех действующих лиц романа только один Пермяков оставался в Москве. Он быстро шел по Москве. Тугие провода и ветер, натянутые крест-накрест, свистели.

1-Й ПРОХОЖИЙ

Я наточил как следует топор, хотел прикончить одну старушонку, адское существо, процентщицу. Деньги бы ее взял и разбогател, а потом благодетельствовал бы человечество... Но старуха, увидя мой топор, испугалась и съехала... Теперь хожу, мучаюсь страшным раскаянием. Ведь не все ли равно - убить или хотеть убить? Я хотел убить, значит я - убийца.

2-Й ПРОХОЖИЙ

А человечество?

1-Й ПРОХОЖИЙ

И человечество - тоже... Ах, мне теперь не до него!... Что делать? Пойти всенародно покаяться? А в чем?

2-Й ПРОХОЖИЙ

Покайтесь в том, что хотели благодетельствовать человечество..

Пермяков жил в третьем этаже одной из улиц. Стол, стул и железная койка. Он переехал в эту каморку недавно. Окно - настежь. Небо острым углом врезалось в комнату. "Хе-хе! - засмеялся Пермяков, вспомя разговор двух прохожих, - благодетельствовать захотелось!"...

Пермяков снова на улице. Вечер. Только что прошел дождь. На мокрых мостовых, как в фонарную осень, плавали опавшие золотые огни.

1-Й ГОЛОС

Я все время сдерживаю в себе одно восклицание: мы живем в безбожное время!

2-Й ГОЛОС

В безбожное небо!

3-Й ГОЛОС

Без бога? Так где же он?

ПЕРМЯКОВ (*появляясь*)

Здравствуйте, я здесь. Я невольно услышал ваш разговор. Вы все правы, особенно вы с вашим вопросительным знаком... (*исчезает*)

4-Й ГОЛОС

Безумец и трое других.

5-Й ГОЛОС

Странно! Будто бы ночь и день наступили одновременно! Звезды светят на небе - как днем, а все остальное - как ночью.

6-Й ГОЛОС

Что-то случилось с моим 8-м голосом, что-то произошло. Не могу вымолвить ни звука...Гм-Гм... Проклятая темень!

7-Й ГОЛОС

Странное свойство памяти: забывать одно и помнить других. Бог - это третья.

8-Й ГОЛОС

Да, да! Я не противник сторонников, я наоборот.

9-Й ГОЛОС

Где мы? Нет или у края пропасти?

10-Й ГОЛОС

Увы! вы у.

Однажды вечером Александр Острогский вручил мне для передачи моей бабушке следующее письмо:

Дорогая Татьяна Ивановна, со всей ответственностью должен заявить, что из зернышка, брошенного в кадку с аспирагусом, выросли настоящие стихи (и пьесы и проза), которые я так же, как и Вы, люблю и так же удивляюсь им.

Когда рядом с нами рождается поэт (наш внук или друг), очень трудно поверить, что он принадлежит уже не только нам, но и

богам слова. Но и мы частью принадлежим ему и через него оста-
емся навсегда. Поэтому-то нам трудно говорить об этом, ведь
это и есть мы сами.

Я все-таки осмеливаюсь сказать о своей признательности Вам.

24 мая 1970 А. Острогский

Несколько незнакомых улиц образовали лабиринт, выбраться из которого не было никакой возможности. Совершенно выбившийся из сил, Пермяков поступал в первую попавшуюся дверь. Открыло ему странное существо - девушка необыкновенной худобы, с сутулой спиной, с жидкими свисающими на плечи волосами. Глаза были больше светло-голубые, румянец на щеках - болезненный, розоватый. Она смотрела на гостя молча, в глазах ее не было ни вопроса, ни страха - одна покорность.

— Здравствуйте! — сказал Пермяков.

Она чуть прошептала в ответ:

— Здравствуйте!...

Пермяков медленно пошел следом за ней по длинному коридору.

— Кто она? — спрашивал он себя, — больная? юрдивая?... Как ее имя?...

Они, наконец, оказались в небольшой комнате с одним окном. Сумерки жались к стенам. Девушка была худа невообразимо. Волосы бессильно опускались на ее узкие хрупкие плечи. Руки были необыкновенной бледности и худобы. Было что-то детское и болезненное в ее светлых глазах, в сумерках и во всем. Тихие болезненные секунды отсчитывали ходики на стене. Окно пропускало по-детски слабый утренний свет.

Пермяков опустил глаза и увидел свои огромные грубые башмаки. Девушка молчала. Эта голубизна, молчание и слабый румянец вдруг взволновали его необычайно.

— Что это за странное существо? — спрашивал он себя, — и что со мной происходит?...

Она положила руку на спинку железной кровати. Он никогда еще не был взволнован так.

Наконец, кто-то спросил девушку странным далеким голосом:

— Как вас зовут?...

Наступило молчание. Пермяков вдруг понял, что вопрос задал он.

— Соня... — тихо вымолвил сумрак.

Девушка вздрогнула от звука своего голоса. В ее бледном лице

со слабым румянцем было столько беспомощного! Она и этот утренний свет казались двумя болезненными детьми.

— Соня? — повторил Пермяков, — наков славное имя!...

Окно чуть дрогнуло, губы девушки чуть дрогнули, вот-вот улыбка покажется в сумраке этой комнаты...

Бездомное время, темнея, горбилось под косым ливнем. Набережные стали пустынными, река пугала холодом своей черной волнующейся поверхности. Только ветер да два-три случайных прохожих с неслучайно безумным выражением глаз — вот и все, кого там можно было увидеть.

В один из таких дней Екатерина Васильевна Витновская с дочерьми вернулись в Москву. У них по-прежнему собирались. Истленьев стал частым гостем в их доме. Появились даже слухи, что он — жених Марии, но это было неверно.

Истленьев всегда молчал, а когда и заговаривал вдруг, то казалось, что это заговорило молчание.

МАРИЯ

Ах, что это с дождем?

ЛЕВИЦНИЙ

Разбился о каменную мостовую...

Прошло несколько минут молчания.

МАРИЯ

Который час?

ЛЕВИЦНИЙ

Никакого.

МАРИЯ

Так поздно?

ЛЕВИЦНИЙ

И так рано.

МАРИЯ (*Левецкому*)

Истленьев, окна и вы - какая странная компания!

ЛЕВИЦНИЙ

И какая прозрачная, если не считать окон.

МАРИЯ (*Истленьеву*)

О чем вы задумались?

ИСТЛЕНЬЕВ

Я?... Я только хотел задуматься, и... право же, ни о чем...
(*умолкает*)

МАРИЯ (*Левецкому*)

Где он?

ЛЕВИЦНИЙ

Между небом и выше...

После короткого стука вошли шумной ватагой Куклин, дача и прочие.

ДАМА

Как здесь тихо! А мы только что из-под дождя, привыкли к грохоту, стонам и железу. На улице - на души. Одни булыжники... Нет, но как здесь тихо! Куклин, скажите хоть что-нибудь!

КУКЛИН

Да, да, вы совершенно правы... Я счастлив, что промок...

ДАМА (*ко всем*)

А вы обращали внимание на то, что у часов - лицо слепого?

МАРИЯ

И правда, они идут наощупь.

НУНЛИН

И так же стучат...

Зажгли яркий свет, принесли чай, наступило оживление. При свете яркой лампы волосы дамы и остатки дождя на них засверкали. Все были поражены.

МАРИЯ (*в сторону*)

Какое чудо! Какая божественная красота! Еще мгновение - и зеркала встанут на колени...

ЛЕВИЦНИЙ (*в сторону*)

Черт возьми! Неужели мое лицо сейчас не бесстрастно?

НУНЛИН

Такого безумного золота я не видел даже в погребке... такой безумной груды!

ИСТЛЕНЬЕВ

Да... и какое прекрасное лицо, безмятежное... и вдруг - эти волосы...

НУНЛИН

Во время дождя всегда случаются какие-нибудь чудеса. То вдруг фонарь наденет на себя светящиеся струи, то вдруг - такое.

ЛЕВИЦНИЙ

Я никогда еще не видел у Истленьева такого лица... И увижу ли?

МАРИЯ

Он изменил своему обыкновению - никогда не изменять своему обыкновению.

НУНЛИН (*Левицкому*)

Бедный Истленьев! - он сейчас что-то скажет или захлебнется молчанием.

ЛЕВИЦНИЙ

Бедный? Еще ни в один вопросительный знак я не вкладывал столько сомнения...

Эвелина (так звали даму) вскрикнула от неожиданности, увидев бледное лицо Пермякова и его неподвижно уставленные на нее глаза. Никто не заметил, как и когда он появился. Никто не слышал ни звука двери, ни звука шагов...

Из-за любви к числам Пермяков стал банковским служащим - бухгалтером. Родители не одобряли этого романтического выбора. Им хотелось видеть сына художником или бродячим музыкантом. Что числа дают опьянение такое же, как вино или звезды, они не знали. Родители хотели видеть его поэтом, бродячим или оседлым - все равно. Когда он сообщил им о своем намерении стать банковским клерком, они чуть было не отвернулись от него (на северо-восток). Но его непреклонность вскоре смягчила их. Возвращаясь из мира чисел в мир нулей, он оставался наружно бесстрастным и спокойным. Когда однажды ему сказали, что даже по мнению ученых близится конец света, он произнес насмешливо: "Какого еще света?"...

ЭВЕЛИНА

Откуда вы? И как вы здесь оказались? Через дверь вы появиться не могли, я видела. Через окно - тоже. Разве, через зеркало?

ПЕРМЯКОВ

Нет, вы, Эвелина, забыли про часы. Я бесшумно вышел... Вот даже букетик секунд в петлице на память.

ЭВЕЛИНА

Да, и на щеке - царапина... должно быть, стрелка.

ПЕРМЯКОВ

Нажется, была ночь, я о чем-то задумался вдоль набережной, остановился, смотрел в воду... В мире что-то происходило, но я не видел... Очнулся здесь... и вот, добрый вечер!

ЭВЕЛИНА

Но вы так смотрели на меня, словно никакого доброго вечера не существует.

ПЕРМЯКОВ

Да, вы правы... Увидя ваши волосы, я подумал, что не существует...

Все забыли об Истленьеве, и он сам. Мария грустно смотрела. Нуклин, кажется, тоже грустно смотрел. За окнами дождь падал целыми крышами.

НУКЛИН (неожиданно)

Хотите петиже? Я знаю одно новое и великолепное петиже! Пусть каждый из нас расскажет свой самый благородный поступок. А?... Самый благородный поступок за всю жизнь... А?...

Но никто не решился. Петиже было всеми отвергнуто.

ЛЕВИЦНИЙ

Я знаю, Мария, вы не любите чай. Что вас в нем отпугивает - вкус, цвет или время?

МАРИЯ

Что-то четвертое.

ЭВЕЛИНА

Китайский разрез глаз?

МАРИЯ

Тогда что-то пятое.

ЕНАТ. ВАС.

Мне нынче удивительный сон снился ночью. Кто из присутствующих мастер толковать сны?

МАРИЯ

Левицкий, конечно же, Левицкий!

ЕНАТ. ВАС.

Александр Григорьевич, мне снился экватор. Он представлял собой огненный раскаленный обруч, опоясавший весь земной шар. Пересечь его - означало неминуемую гибель... Мир был разделен этим страшным обручем.

ЛЕВИЦНИЙ

Что ж, сон очень актуальный... Это, пожалуй, и путешествию.

МАРИЯ

Через экватор?

ЛЕВИЦНИЙ

Нет, вдоль...

Мария была рослая красивая девушка лет двадцати. Она имела характер счастливый, веселый, но иногда вдруг хмурила, как ребенок, брови и становилась печальной - уж очень ей хотелось побыть! Только зеркало могло не рассмеяться от подобного зрелища... Но когда она смотрела на Истленьева (начиная с первого дня знакомства), самая неподдельная грусть появлялась у ней на лице.

ЛЕВИЦНИЙ

Мария, не думайте о нем или, хотя бы, не смотрите.

МАРИЯ

Но о ком же? Или, хотя бы, на кого?...

Нуклин, человек лет пятидесяти пяти. Красный нос, седые виски. Несколько его афоризмов да лампа - вот и все тусклое освещение погребка.

Дождь то усиливался, то усиливался. Нуклин и окно оторвали взгляд друг от друга.

НУКЛИН

Странная картина: потерявшие рассудок ночь и фонарь утешают

друг друга.

ЭВЕЛИНА

Вы видели? Это поразительно!... Я шла куда-то стремительно, чего-то боясь, и забыла про волосы...

КУКЛИН

Да! и ветер стал золотым...

ПЕРМЯКОВ

И улица, и окна... Фонарный рассудок - не крепкий.

МАРИЯ

И ночь обожает, немая,
И льнет к голубому стеклу,
И тени, как пальцы, ломает
И грезит в безумном углу.

ЭВЕЛИНА (*Истленьеву*)

Что вы сказали?

ИСТЛЕНЬЕВ

Я?... Ах, что-то неразборчивое!...

ЛЕВИЦНИЙ (*Куклину*)

Так вы хотели, чтобы каждый рассказал свой самый благородный поступок? Не больше и не меньше? Экая странная идея! Вы перецеголяли даже Фердыщенко из "Идиота".

КУКЛИН

Полноте, Александр Григорьевич! Наков там!... Я занят тем, что изучаю наше отражение в часах. Я вижу прошлое и будущее, и то, что после... А сейчас все мы - без 17-ти полночь.

ЭВЕЛИНА

А Истленьев?

КУНЛИН

Он - без 17-ти минут он.

ЭВЕЛИНА

Нам все странно! Чай дает удивительный толчок часам и звездам.
дам... какую-то новую энергию... И зеркалам.

ЕНАТ. ВАС.

Полночь - время призраков. А где же они?

ЛЕВИЦКИЙ

Полночь - время воображения. А где же оно?

КУНЛИН

Алхимов однажды сказал: "Алхимов однажды скажет!"...

Вот первое письмо, полученное мной от Николая Ивановича Вологдова:

Дорогой Володя, мне понравилось все: и угрюмый рыбак-зверьянин, притащивший свое заполярье на берег южного моря, и огромные кубы, пугающие нарядную курортную нечисть отсутствием привычных приветственных надписей ("добро пожаловать" и т.т.), и просторное безлюдье, где мысленно я брожу и молодею. Если вы встретите там моего молчаливого На, то, пожалуйста, кивните ему: он вас узнает!

Я не отказываюсь от отцовства, но должен признаться, что предпочел бы быть вашей бабушкой-колдуньей, сидящей под волшебным навесом птичьего пения.

С нескрываемой завистью

Н.И. Вологдов

P.S. Начинается лето, для меня - пора безвоздушья и удушья. О моих работах ничего утешительного сообщить не могу: по всей вероятности они обречены участи новобрачных в ледяном доме.

Из дневника Пермякова

13 сентября.

Я вышел ровно в 9 часов. Дождь стоял за углом. Я по-военному сухо приветствовал его. Я изучаю каменные углы домов. Я хочу их изучать так же, как они меня изучили.

1-Й ПРОХОЖИЙ

Что это, дождь или нет? Если дождь, то почему так косо? А если нет, то почему так да?

2-Й ПРОХОЖИЙ

Ах, не говорите! Все покосилось... Это наклонный почерк судьбы...

Я прошел мимо них так стремительно - стремительно так их мимо прошел я.

День не хотел быть, а для ночи еще было рано. Я резко остановился, все промчалось мимо меня.

15 сентября.

Сказав "вперед!", я сказал. Я твердо помолился... Проходя через окно, солнечные лучи что-то теряют, что-то оставляют в стекле. Они из диких становятся домашними.

Уже которую ночь мне снится один и тот же сон. Я вижу себя монгольским воином времен Батюя. Нас тысячи, и мы мчимся на выносливых конях... Интересно, что бы сказал Левицкий? Сказал бы, верно: "Что ж, актуальный сон... Это к нашествию".

17 сентября.

Слово "нет" - вот мое любимое слово. Говорят: "На отрицании долго не протянешь". А зачем нам тянуть долго?

Я подошел к стеклам и увидел улицу. Нету ни ночи, ни дня. Я смотрю на часы: и вправду - не время.

20 сентября.

Сестра хочет познакомить меня со своим женихом. Я прихожу. При свете лампы виден жених. В нем нет ничего жениховского, кроме манеры сидеть, немного подавшись вперед. Где-то рядом с ним воздух пересечен шрамом. Тройное молчание: мое, жениха и часов. Только невеста чуть слышно: тик-так, тик-так... Долго так продолжаться не могло. Оно и не продолжалось. Он назвал свое имя. Имя назвало себя. Я что-то буркнул в ответ, что-то вроде трех гласных: е-у-ы...

Сестра принесла чай. Окна были враждебны. Жених улыбнулся, но улыбка была такой мучительной, что зеркало застонало.

Я пил чай глоток за глотком. Жених оглянулся на окна. Они засверкали от ненависти. Сестра неподвижно сидела. Улыбка, как слепая, брела по ее губам. Сестра мне напомнила безумную. Жених втянул голову в плечи. В воздухе голубел шрам.

От окон подуло льдом. Сестра задернула шторы. Мы сидели при свете часов. Воздух прислонился к стене. В глубине темнел чай. Молчание сгорало медленно, как свеча.

НЕВЕСТА

Как тихо!... Давайте во что-нибудь играть! В вопросы и молчание?

ПЕРМЯКОВ

Ты меня натолкнула на мысль! Чай - это игра. С кем? - в вопросы и молчание. Во что? - с временем.

ЖЕНИХ

Мне кажется, вы правы... Мне всегда кажется...

ПЕРМЯКОВ

Что я прав?

НЕВЕСТА (Пермякову)

Не говори так холодно!... Я боюсь окон.

ПЕРМЯКОВ

Ну вот, мы и играем... Какие-то нити протянулись от чая к звездам.

ЖЕНИХ

А я, знаете, то сижу, то вдруг начинаю слышать. То холод, то вдруг темнота... Когда я шел сюда, мне окна сказали, что я живым не выйду. Я улыбнулся, думая, что это шутка. А это, и вправду, оказалось шуткой.

НЕВЕСТА

Что это ты говоришь? Я насчитала 33 слова и все их смешала... Меня все куда-то влечет улыбнуться... куда-то влечет в темноту.

ПЕРМЯКОВ

Двое, вы во что-то играете... Зеркала любят женскую наготу.

НЕВЕСТА

Ты сказал "прощайте! "? Или ты так и уйдешь не поприветовавшись?..

23 сентября

Я - нигде. Ищут и не могут найти. Станный колесный звук у дождя.

Словно телеги и обозы

Скрипят о мертвых и о босых...

Я видел Истленьева. Он меня не заметил. Шел куда-то один. Я задумался о нем и не увидел, как попал на вечернюю улицу. Светил осенний фонарь. Странная участь неба - заполнять собой темные подворотни... Где-то во дворе на скамейке я сел. Сколько так прошло времени - бог знает. Полуоторванный жестяной номер, мотаясь, стучал на ветру, как номер ветра... Вдруг - странная фигура!... Соня приблизилась...

ПЕРМЯКОВ

Здравствуйте, Соня!

СОНЯ

Здравствуйте!... Это вы?

ПЕРМЯКОВ

Да, Соня, это я. Пожалуйста, не бойтесь!... Вы узнали меня по этой скамейке?

СОНЯ

Нет, по лицу... и рукам.

ПЕРМЯКОВ

Ах, милая Соня!... Но, пожалуйста, пойдите отсюда скорее! Здесь очень темно... Я так часто думал о вас!...

Мы пошли. Фонарь освещал девушку болезненно-золотым светом. Ее светлые волосы струились к плечам. Большие глаза сверкали, а шаги были почти неслышны.

Мы снова оказались в тесной сонинной комнате. На дворе была ночь. Мы не говорили ни слова. Я гладил светлые волосы, пока утро не осветило нашего молчания. Девушка была такой хрупкой! Такие хрупкие секунды звучали из темноты!

И вдруг все исчезло. Я снова оказался один на низкой дворовой скамье. Но я быстро взглянул на небо: оно еще не успело спрятать детской болезненной голубизны!

24 сентября.

Я пользуюсь окном, как часами. Если темно, значит на дворе ночь. Если светло - день. Если никак, значит - третье. Мне не для кого соблюдать точность.

Вчера я оказался в гостях у Витковских. Мой приход никого не удивил. Зеркала держатся со мной подчеркнуто холодно. Я сел, стал пить чай, держался молчаливо и скромно. В другом углу комнаты теми же качествами отличался Истленьев. Говорили Левицкий, Екатерина Васильевна и Нуклин. Эвелины не было. На лицах зеркал было ожидание. Часы отсчитывали минуты ее отсутствия. Какая-то звезда неловко новисла в ночном небе. У Марии темные волосы, бледна, молчалива. Несколько оцепенений стояло вдоль стен. Истленьев беззвучен до полного растворения в воз-

духе. Отсутствие Эвелины заставляет его грустить. Однажды я видел близко его лицо. Кто он - больной призрак? Странно! Каким могут быть болезни у призраков? Разве что - тучность?...

Я был сдержан, я не проронил ни секунды, ни слова. Обо мне успокоились и забыли.

И вот вошла Эвелина. Часы, зеркала, окна, чай - все пришло в состояние крайнего волнения. Только двое оставались неподвижными: я и Истленьев.

Она всегда входит стремительно и так же исчезает, оставляя пустой мир - без себя, без своих волшебных волос.

Неподвижность Истленьева и моя сковывала зеркала. Наше молчание сковывало часы. Наше мы сковывало остальных. Эвелина оживлена, в ее движениях столько ночи! В ее - столько звезд! Волосы рассыпаются по плечам, глаза зеркал вспыхивают золотым огнем, неловкая звезда срывается с неба... Я смотрю на Истленьева, тут есть на что посмотреть. Он так бледен, что страшно подумать, что он будет еще бледнее.

1 октября.

Я думаю о Соне. Город обращен к дождю железными крышами и каменными мостовыми. Я обращен к дождю... чем? Я иду, наступая прямо в глаза лужам. Я думаю: "День или ночь?" День указывает на часы, часы указывают на ночь.

Захожу в третий этаж к сестре. Жениха еще нет. Сестра не понимает моих вопросов. Тогда я прислоняюсь к стене молчать. Она не понимает. Часы не знают, куда идти. Сумерки, темнота и время сбились в углу. Сестра улыбается неподалеку от себя самой. Откуда у нее взялась эта улыбка? Если спросить - улыбнется. Меня это пугает, я шевелюсь и задеваю темень. Часы начинают стучать.

Я мысленно переношусь в комнату Сони. В комнату со светлыми струящимися волосами, с детской боязливостью окон. Соня улыбается, но ее улыбка - другая. В воздухе дрожит и мерцает болезненная голубизна секунд.

Сестра передвигается по комнате, как слепая. Несколько стен окружают ее. Я не знаю, что мне теперь делать. Смотрю на часы: не знают.

Без стуна и без двери вошел жених. Сестра замирает. Он не весь, он что-то забыл. Зеркала - в ужасе. Стены держатся друг за друга. Жениху нечем улыбнуться, он выдвигает на ногой, он умоляюще движется к сестре. Я принимаю от него шляпу и трость, стена принимает от него странную поколеченную тень, сестра смотрит на него, как зачарованная. Мы движемся по комнате, время хрустит у нас под ногами, окна сверкают у нас за спинами.

Ночь.

11 октября.

Я, невеста, жених. Мы молчим уже которую ночь подряд. Измученные стены окружают нас. Темнеет чай. Звезд нет. Окна - спиной к небу, небо - спиной ко всему.

Я мысленно - в комнате Сони. Но Сони в ней нет. По стенам струится свет, кажется - стены струятся. Я вспоминаю Сонины волосы. Окно тянет ко мне лучи, как дитя. Голубизна заставляет сжиматься сердце. Часы чуть слышны. Я один в воображаемой комнате.

Жених поднимается, это ему не удастся, но все-таки он поднялся. Улыбка сестры обходит всю комнату. Как слепая, проходит мимо меня. Я неподвижен так, что у меня каменеют мысли.

Соня появляется, но не в своей комнате, а на улице, под холодным небом. Невидимый, я следую за ней вдоль незнакомых домов. "Соня!" - слышит она. Голос - не мой. Она останавливается и смотрит. Все залитая фонарем, призрачная, с тонкими руками - я вижу ее так отчетливо, что реальный мир в ужасе начинает пятиться от меня.

13 октября.

Я очнулся на улице, под дождем, утром. Был холод и ветер. Редкие прохожие спешили по улицам, сверкая мокрыми булыжниками мостовых.

У Витковских вечерами собирается много народу. Три красавицы-сестры привлекают в гостиную Екатерины Васильевны таких блестящих молодых людей, как Левицкий, Острогский, Мелик-Мелкумов, Львов и другие. Ведутся нескончаемые разговоры (никто не говорит громко и не жестикулирует), говорят о живописи, о

поэзии, о другом. Произносятся имена Хлебникова, Крученых, Ларионова, Малевича, Матюшина и др. Наступающие по временам паузы громоздятся друг на друга всей тяжестью великих имен.

ЛЕВИЦНИЙ

Сейчас уже нельзя говорить о Хлебникове и не говорить о Вологдове. Настолько велик его вклад как открывателя Велимира.

ОСТРОГСКИЙ

Да, это так... Вчера я был у Николая Ивановича. Он был какой-то хмурый, неразговорчивый. Я, чтобы немного развлечь его, героически пересказал содержание трех детективных фильмов, но все было напрасно. И вот, поздно, когда уже совсем стемнело, Николай Иванович вдруг оживился и заговорил. Он говорил о Чекрыгине. Это было необыкновенно, то, как он говорил! И я в который уже раз пожалел, что где-нибудь под столом не была спрятана звукозаписывающая машина... В этот вечер Николай Иванович раскрыл мне глаза на Чекрыгина, я стал что-то в нем понимать...

Оба (Л. и О.) горды своей дружбой с Н.И. Вологдовым. Только что вышла его статья о Петре Бромирском - "Неведомые шедевры". В этой гостиной она вызвала оживленный обмен мнениями.

Истлвньев робко кашлянул, все на него посмотрели, но ничего не увидели.

Я всегда с восхищением читаю все, что печатает Вологдов, но я не умею быть красноречивым в гостиных.

Я молчу, освещаемый лампой. Истлвньев молчит, освещаемый темнотой. Эвелины сегодня нет, и в гостиной царит порядок.

ЛЬВОВ

...черные пальто гостя, сутулый контур его спины были видны очень отчетливо, зато бледные лица хозяев, жены и мужа, выделялись на фоне белой стены только своей растерянностью.

ЛЕВИЦНИЙ

Вологдов мне рассказывал: Бромирский о себе однажды сказал, что он чувствует себя принцем, когда сходит по лестнице.

МЕЛИН-МЕЛКУМОВ

Замечательно!... Но, все же, странно - чувствовать себя принцем вместо того, чтобы чувствовать себя богом... Я все никак не могу забыть одной его акварели!...

Львов ровным голосом начал читать "Назнь Хлебникова" А. Ривина (посвященную Н.И.В.):

Пророк! Со скатерти суконной
режь звездный драп тем поперек,
как математики учебник,
как тригонометр Попперек,
как тот историограф Виппер,
ты взял и прахи чисел выпер,
суставом истин пренебрег...

Дальше я не слышал. Я и сумрак погрузились друг в друга. Сестра, ее жених, Соня - я просто забыл о них. Моя промокшая под дождем память еще не просохла и не отогрелась.

Я вдруг вспомнил себя, но тотчас же снова забыл. Я, кажется, здесь.

Я боюсь своего взгляда, от него предметы начинают кровоточить.

17 октября.

Ночь прошла, наступила другая. Звезды, водосточные трубы - я люблю этот пейзаж.

Я был сдержан с сестрой, говорил ей что-то. Она смотрит и не видит. Ее безумная улыбка начинается сразу от входа. Сестра спешит в комнату, откуда глядит оставленная темнота. На этих стенах металась несчастная тень жениха. Я смотрю ровно, я сдержан, как ветер.

Сестра подошла к зеркалу, оно сразу же стало юродивым. Она отошла, оно - осталось.

Темнота и сумрак образовали угол, я укрывался в него. Из своего угла я наблюдал поздний приход жениха. Он принес два цветка: один голубой, другой без цвета. Мы молчали.

Сестра принесла чай. Время темнело из своего угла. Жених был

слеп на одну половину. Сестра подвела его к себе, прижала к груди. Нити протянулись от чая к другим мирам. Цветок голубел, как безумный.

Небо было полно сониного мерцания. Другой цветок умер, я так и не узнал его цвета. Жених потянулся к лучам и вдруг поранился о стекло. Узкое лезвие спряталось мгновенно, зеркало брызнуло кровью, часы поблели. Часы поблели, как смерть. Я сжался в комок в своем углу. Увидя кровь, сестра стала в отчаянии ломать руки. Жених натолкнулся грудью на угол и ослеп на вторую половину. Сразу же ярко вспыхнули звезды, и он, вытянув перед собой руки, пошел прямо на них.

18 октября.

Соня молчит. Я спрашиваю ее, чтобы только услышать ее голос. Эта темнота, полная самой себя и молчания!

19 октября.

Плач сестры истерзал мне душу. Наконец, я не выдержал и выдержал. Я подошел, стал гладить ее русую голову. Покорные волосы шелковисто гладили мою руку. В воздухе с лязгом скрестились два шрама. "Сестра!" - подумал я почти вслух.

Я смело встретил свой взгляд. Зеркало отразило меня всего, вплоть до мыслей.

Она улыбнулась себе самой. Часы измерили секундами ее улыбку. Странное это дело - жить в комнате, где есть часы! По-моему, они отпугивают время.

Я молчал. Она была неподвижна. Я повторил свое молчание. Она посмотрела в окно, прикрыв ладонью глаза, словно боясь их поранить о звезды. Небо тяжело навалилось на подоконник грудью - ночи. Я не знал, исчез я или остался в комнате. Посмотрел в зеркало: исчез.

20 октября.

Странное ночное общество. Желтый болзненный свет плавает в табачном дыму. Женщины накрашены. Лица - белые, губы - синие, волосы - красные. Их черные брови и ночь сливаются в огромные большие пятна. Окно нигде не смотрит. Ему замазали глаза белым.

Гречанка улыбается мне, казалось - сквозь собственную смерть. Черная крашения слеза висит на конце ее взгляда. Она тянет ко мне синие губы, возле них медленно закатывается хмельной глаз. Я прижимаю ее к себе, мой голос хрипло поднимается по тяжелым ступеням.

— Сколько тебе? — спрашиваю я.

— 300, — отвечает она.

— Рублей или лет?

— Ни того, ни другого... любимый!...

Мы погружаемся...

У другой - два страшных огромных глаза, а ниже - упираясь локтями в стол, белов с синими губами лицо. На столе граненое вино темнеет, как красные сгустки. Она улыбается мне медленной покачивающейся походкой. Я беру в руки хлыст, стены пригибаются...

23 октября.

Я люблю красное вино. У него - цвет. Хлыст оставляет красную полосу на белой коже.

Этот крик был бы душераздирающим, имейся вокруг хоть одна душа. Женщина упала, и на ее месте осталась рассеченная надвое темень. Я отбросил хлыст. Рассеченное время корчилось, как две огромные половины червя.

Я, не оборачиваясь, спиной видел гречанку. Голая, она отдыливо прикрывала меня своей наготой. Другая лежала на полу, держа окровавленными пальцами страшное, никому неизвестное лицо.

Конец октября.

Я сижу у Витковских и слышу, как мне говорят, что я очень бледен.

Я иду по улицам. Кажется, ночь. Я устал. Два-три фонаря. Что-то стремительное, сверкающее, как Эвелина. Что-то усталое, медленное, как я. Это мы. Она обращается ко мне. Я обращаюсь к себе. Но оба мы не получаем ответа.

От фонарей подул холодным светом. От окон, от стен - от всего. Я знаю один темный кривой переулок. Я свернул в него. Никого нет, Никто не откликнулся.

Левицкий, Мария, Нунлин - я вижу их, как во сне, как наяву, как... в другой жизни.

Вдруг дождь исчертил небо, как тысячи шрамов от хлыста. Я холоден, я даже не чувствую ледяной воды.

Сумрак в том дальнем углу гостиной зовется Истленьевым. Лампа достает до него и нащупывает пустоту. Достает до меня и... сразу отдергивает лучи. Я смеюсь тихо, неслышно, никого не пугая. Я боюсь пугать...

ЛЕВИЦКИЙ

Я сразу же окликнул его, но это оказался не я.

МАРИЯ

Да?

ЛЕВИЦКИЙ

Да, несмотря на несходство.

НУНЛИН

Такое бывает в дождь. И не бывает тоже в дождь. "Куда вы?" - спросил я, задыхаясь, себя. Он-я на ходу ответил: "Не помню!".. Улица со свистом пронеслась мимо.

ЕНАТ. ВАС.

Это несколько сложно для меня. Не могли бы вы пояснить вашу мысль?

НУНЛИН

К сожалению, я уже забыл. Но я готов пояснить что-то другое.

ЕНАТ. ВАС.

Благодарю вас. Теперь мне все ясно...

Что мне говорить? Я не знаю. Поэтому я молчу. Что мне говорить? Я не знаю. Поэтому я молчу. Которая из этих двух строчек удачнее? Пожалуй - вторая.

Соня сама пришла ко мне. Нашла мой этаж. Я пригласил ее

сесть, сказал "Соня, я очень рад", придвинул к ней стул. Сам сел на край койки.

Она так растеряна и смущена, что ничего не видит.

Я хотел сделать или сказать что-то очень холодное. Например, коснуться.

Из дневника Марии

29 августа.

Ночь, молчание. Призрачный чугун мостов. Странное я получила письмо. Почерк - ничей.

Сегодня были Эвелина, Истленьев, Левицкий и другие. Ее плечи струятся от золота, взгляд - безумный, прекрасное лицо устало от ресниц. Воздух касается ее и, шатаясь, идет, уходит грезить к стене. Истленьев не сводит с нее своего молчания, бледный и прозрачный, как воздух. Время ластится к ее сверкающим волосам и струится. Молчание смотрит на себя в зеркала пристально до головокружения.

ЛЕВИЦКИЙ

Странно ведет себя полночь! Часы пробили, а ее нет.

ЭВЕЛИНА

Странное опоздание! Цифра 12 повисла в пустоте. У меня было предчувствие, и было предчувствие предчувствия... Нуклин, вы только что с улицы. Что там происходит? Я ценю ваше красноречие, но, пожалуйста, будьте кратки!

НУКЛИН

Мое красноречие? Ах, Эвелина, о чем там говорить!... Быть кратким? Пожалуйста: гм.

ЭВЕЛИНА

Я так и предчувствовала. Но что ж, это не так страшно, как хотелось бы. Простое "гм". Значит полночь скоро появится, стремительная, задыхаясь и звеня звездами, как цыганка...

ЛЕВИЦКИЙ (*восхищенно*)

Эвелина, вы сегодня - сегодня!

КУНЛИН

(в сторону) Безумная! (не в сторону) Да!...

Сумерки так пристально смотрят из своего угла на Звелину, что начинают принимать очертания Истленьева.

ЗВЕЛИНА

Владимир Иванович, скажите, вы скучаете по Швейцарии?

ИСТЛЕНЬЕВ

Да... нет...

ЗВЕЛИНА

Мне все понятно... И сильно?

ИСТЛЕНЬЕВ

Эти горные пейзажи, признаться... я...

ЗВЕЛИНА

Вы?

ИСТЛЕНЬЕВ (*тихо*)

Нет.

КУНЛИН

Я скучаю по Швейцарии, хотя и никогда там не был... Удивительная страна! По ней все тоскуют, кроме, конечно, швейцарцев.

ЛЕВИЦНИЙ (*имитируя Истленьева*)

Эти горные пейзажи, признаться...

ЗВЕЛИНА

Не смейтесь! Вы, Александр Иванович - швейцарец, поэтому и не тоскуете.

ЕНАТ. ВАС.

Как, швейцарец? Вот новости! Разве не англичанин?

ЛЕВИЦНИЙ

Турок. (в сторону Турции) Гм...

Эвелина проходит мимо зеркала. Оно вспыхивает и гаснет. На встречу ей в дверях стоит Пермяков. Он бледен, как смерть, и так же неподвижен... Какие странствия проделал он, прежде чем очутиться здесь?

ЭВЕЛИНА

Вы?!

ПЕРМЯКОВ

И да, и нет.

ЭВЕЛИНА

Но больше, кажется - да.

ПЕРМЯКОВ

Больше, чем что-то, но меньше, чем нет.

ЭВЕЛИНА

Вы так бледны! И ваша бледность сама ужасается себя... Она так смотрит!

ПЕРМЯКОВ

Мне нужно немного темноты...

Он идет и садиться в кресло в своем углу. Угол Истленьева и угол Пермякова - к этому все привыкли. Их молчания сливаются, как две темноты.

12 сентября.

Вокруг меня шум, беспорядочный звон, разговоры. Нуклин - навеселе. Навеселе - Мелик-Мелкумов и Острогский. Назаков наизусть читает "Детусю" Хлебникова. Левицкий повсюду следует за своими усами. Эвелина вся залита светом. Пермяков одной половиной своего лица усмехается другой половине. Я тоже выпила бокал шампанского и опьянела...

НУКЛИН

Вы, Владимир Иванович, на меня сейчас так странно посмотрели!

ИСТЛЕНЬЕВ

По-моему, я не смог... так посмотреть.

НУКЛИН

А, впрочем, это ваше дело. Я вам уже столько удивлялся, что, наконец, устал. Я думаю, что вы - человек если не из другого мира, то уж наверняка - в другой мир.

ЗВЕЛИНА

Нуклин, ради бога, оставьте в покое все другое!

НУКЛИН

То-есть всех других?

ЗВЕЛИНА

Смотрите, какой занозистый!... Нет, право, не стоит и смотреть!

ЛЕВИЦНИЙ

Екатерина Васильевна, пожалуйста, посмотрите на мое лицо! Вы на нем прочтете тост в вашу честь.

НУКЛИН (*в сторону*)

Вижу и тост и шампанское - и то, и другое отлично заморожено.

ЕНАТ. ВАС.

Ах, как все это мило!

ОСТРОГСКИЙ

Это море может.
Эту милость может
Море оказать...

ЛЕВИЦНИЙ

Острогский всегда бормочет какие-нибудь строки из Хлебникова.

Несколько дней - эти, потом еще несколько дней - другие и т.д. Его жизнеописание можно будет со временем составить из полного собрания сочинений Велимира.

ЗВЕЛИНА (*Острогскому*)

Прекрасно! Я хочу слышать еще и Крученых!

ОСТРОГСКИЙ

Вы - чуткость дегустатора
густейших строк...

ЗВЕЛИНА

Я?

ОСТРОГСКИЙ

Нет.

Врагам -
всегда свирепый Вологдов...

МЕЛИН-МЕЛКУМОВ

...лихой дударь Филонова...

ЛЬВОВ

...могутный чернобровец...

НУКЛИН

Выпьем за все!...

Звелина, Истленьев и сумрак. В отдаленном углу мерцают их золото, прозрачность и неподвижность. Этот угол притягивает меня к себе и пугает...

ЗВЕЛИНА

Что это с вами сегодня? Вы так задумчивы! Я уже два раза промолчала, а вы не слышите.

ИСТЛЕНЬЕВ

Да, да, вы правы... Простите!

ЭВЕЛИНА

Что вам простить?

ИСТЛЕНЬЕВ (*тихо*)

Вашу правоту.

ЭВЕЛИНА

Какой вы странный и удивительный человек! Я слезу за часами: они следят за вами и не спускают глаз.

НУНЛИН (*в сторону*)

Они рискуют в таком случае остановиться.

ЛЕВИЦНИЙ (*в другую сторону*)

Или промчатся мимо времени...

Шум и веселье, и всеобщее оживление продолжались своим чередом.

НУНЛИН (*захмелев*)

О, Эвелина, Эвелина! Скажите нам, откуда вы появились, такая удивительная? Из какой страны? Даю вам на выбор четыре названия: Франция, Гренландия, Марс и ... четвертую страну забыл...

ЭВЕЛИНА

Я из четвертой...

23 сентября.

Странные стихи попались мне на глаза сегодня.

Стою, ржавея от любви,
На этой на железной крыше.
Я кровельщик, я столько вбил
В нее тоски хрипяще-ржаво-рыжей!

За мной стоит моя спина
С лицом израненным ветрами
И машет рукавами она,

Как в водосточно-железно-колесно-
вывихнутой драме.

Вечером явился Истленьев, один. Он поздоровался, очень при-
ветливо посмотрел. Иногда он умеет необыкновенно хорошо войти.

Мы вдвоем. Во всем доме, кроме нас, никого нет. Мама и се-
стры в гостях у Львовых. Из-за спины Истленьева льется свет
окон. Он сидит в своем кресле, в своем углу, в своем в.

ИСТЛЕНЬЕВ

Здравствуйте, Мария! Вот я и здесь... Здравствуйте! на улице
холодно.

МАРИЯ

Здравствуйте, Владимир Иванович! вот вы и здесь. Здравствуйте!
на улице холодно?

ИСТЛЕНЬЕВ

Да, да, да.

МАРИЯ

Владимир Иванович, я вас давно хотела спросить...

ИСТЛЕНЬЕВ

Да, Мария, давно.

МАРИЯ

И что же вы ответите?

ИСТЛЕНЬЕВ

Что я вас люблю.

МАРИЯ

И Эвелину?

ИСТЛЕНЬЕВ (*тихо*)

И Эвелину.

МАРИЯ

Но... как же?

ИСТЛЕНЬЕВ

Сильно...

МАРИЯ

Какое странное раздвоение!

ИСТЛЕНЬЕВ

Какое странное раздвоение!

МАРИЯ

Какое странное раздвоение!

ИСТЛЕНЬЕВ

Какое странное раздвоение!

МАРИЯ

Что же будет?

ИСТЛЕНЬЕВ

Не знаю... Мне кажется, Мария, что будет... другое.

МАРИЯ

Оно уже началось.

ИСТЛЕНЬЕВ

Да, Мария?

МАРИЯ

Мария - да...

Наступает долгая пауза. Окна холодны. Темнеет с каждой минутой.

Разговор о поэзии:

МАРИЯ

Слова сложились, как дрова.

В них смыслы ходят, как огонь.

Это две неизвестных строки Даниила Хармса. Они не сохранились ни в напечатанном, ни в записанном виде. Их со слов Хармса запомнил Вологдов и вчера прочел Казакову.

ИСТЛЕНЬЕВ

Хармс?...

Снова пауза.

МАРИЯ

Ах, как бледен Пермяков иногда бывает!

ИСТЛЕНЬЕВ

Словно отражение в умирающем зеркале...

Часы разрубали темноту. Уличные фонари разрубали время. Звезды разрубали молчание - они, как ночные кровельщики, с грохотом ходили по крышам.

Отдирая куски железа и света, ветер проносился мимо, яростно настигавмый самим собой.

Улицы со свистом проносились, огибая каменные углы ветра. Жестяные номера домов, их черные числа оставали, не успевая. Улицы улетали, без названий и номеров, и исчезали и проваливались в закружившейся мгле под хохот и вой черного водосточного безумия труб.

Звезды. Куски и обломки лучей. Обрывки ветра и проводов. Номера, оставшиеся без домов висеть в воздухе:

№ 100

№ 1795

№ 3

№ восемьдесят три

№ 641,07

№ А, В, С

№ 17/?

№ {Кру4ѳх + ын%:!=

№ и т.д.

А так же ржавая вывеска:

КЛАДБИЩЕ ДЛЯ ЖИВЫХ

Темно. Истленьев становится неподвижен в своего молчания.

ИСТЛЕНЬЕВ

Мария!

МАРИЯ

Мария!

ИСТЛЕНЬЕВ

Что?

МАРИЯ

85900016

ИСТЛЕНЬЕВ

Но почему так столько?!

МАРИЯ

Потому, что больше я не могу!

ИСТЛЕНЬЕВ

Ах, Мария, если бы вы могли быть рядом и видеть себя!... Вы так бледны, что ночь возле вас кажется особенно темной. Вы так прекрасны, что...

МАРИЯ

Но кто это?!

ЗВЕЛИНА (появляясь)

Это я.

МАРИЯ

Вы?!

88

ИСТЛЕНЬЕВ (*в сторону*)

Она.

ЗВЕЛИНА

Ночь, я иду по улице, какой-то помешанный бормочет навстречу, что он - фонарь и должен светить. Я бросилась прочь...

МАРИЯ

А что же помешанный?

ЗВЕЛИНА

Светил, пошатываясь.

МАРИЯ

Накая странная история!... Вы так и шли с распущенными волосами?... Как это, верно, было прекрасно!

ЗВЕЛИНА

При свете помешательства?... (*замечая Истленьева*) Вы здесь?!... Вот неожиданность!... В такое время!... А я молчание приняла за тишину... Вы побледнели?

ИСТЛЕНЬЕВ

Я?... Нет...

ЗВЕЛИНА

(*в сторону*) Бледность отрывается от самой себя... (*Марии*) Вы - тоже.

МАРИЯ

Это он окон... И к часам.

ЗВЕЛИНА

Я, кажется, в свою очередь собираюсь светить, как тот... фонарь... (*Истленьеву*) Вы молчите?

ИСТЛЕНЬЕВ

Эвелина!... Мария!... Я... Вы, Эвелина, появились...

ЭВЕЛИНА

Чтобы исчезнуть... *(не глядя на Истленьева и Марию)* Я уйду...
Прощайте!...

ИСТЛЕНЬЕВ

Куда вы?!... Постойте, Эвелина!... Постойте! Вы - безумная, а
там - ночь... и фонарь... Постойте!... *(выбегая следом за ней)*
Постойте!!!...

Из дневника Левицкого

21 сентября.

Происходит события, которых я не могу понять. Эвелина и Истленьев исчезли из города. Одни говорят, что они - в Смоленске, другие - что в Новгороде, третьи ничего не говорят и только поначивают головами.

Вечером я - у Витковских. Мария очень изменилась за последние дни. Бледна, молчалива... и еще более прекрасна.

Угол Истленьева пуст, угол Пермякова сверкает глазами. Вдоль стен - незнакомые имена гостей.

1-Й ГОСТЬ

Что ни говорите, а говорить нечего.

2-Й ГОСТЬ

Совершенно с вами согласен. Совершенно с вами согласен. Могу повторить еще раз.

3-Й ГОСТЬ

Вчера со мной приключилась странная история. И вчера же она со мной не приключилась!

4-Й ГОСТЬ

Призраки существуют! Беру в свидетели всех или никого.

5-Й ГОСТЬ

Говорят, что среди людей каждый пятый - четвертый.

НУКЛИН

Да, это показала государственная перепись.

ПЕРМЯКОВ

(в сторону) Ха-ха-ха!... (к гостям) Хе-хе-хе! Хе-хе-хе!

1-Й ГОСТЬ

От этого смеха мороз продирает по коже... и по мурашкам... Чему он смеется?

2-Й ГОСТЬ

Может быть, моим усам? Так это глупо. Им уже давно никто не смеется.

3-Й ГОСТЬ

А что слышно про Истленьева и Эвелину?

1-Й ГОСТЬ

Ничего.

3-Й ГОСТЬ

А еще что?

2-Й ГОСТЬ

Одни говорят, что они в Смоленске, другие не говорят.

4-Й ГОСТЬ

Я не говорю.

5-Й ГОСТЬ

А я?

2-Й ГОСТЬ

А я не могу надивиться на красоту Марии! И зеркала не могут.

3-Й ГОСТЬ

И полночь не знает, за кем ей следовать - за красотой или за часами.

1-Й ГОСТЬ

Мое отражение в часах рябит от секунд.

4-Й ГОСТЬ

О, этот мертвый штиль зеркал...

В сумраке - невидимый нитком разговор с Марией:

ЛЕВИЦНИЙ

Мария! Мария! Когда же я услышу хоть одно слово от вас?... Вот уже столько дней, как я оставлен в этой тени!

МАРИЯ

Пермяков, тот сам забирается в тень.

ЛЕВИЦНИЙ

Счастливый! - ему безумие помутило рассудок. А мне - нет.

МАРИЯ

Я не знаю, чем вам можно помочь... Ну, пересядьте поближе к свету.

ЛЕВИЦНИЙ

Чтобы лучше было видно мое отчаяние?

МАРИЯ

Вы ведь, кажется, умеете владеть собой.

ЛЕВИЦНИЙ

Чтобы лучше было видно мое самообладание?...

Весь этот разговор кончился, как обычно:

МАРИЯ

Поверьте, я не хочу причинять вам страдания!

ЛЕВИЦНИЙ

Вам и не нужно хотеть...

3 сентября.

Сегодня Николай Иванович Вологдов рассказал мне свой сон, удивительный по логичности и последовательности развернувшихся в нем событий. Он сказал:

"Мне снилось, что за мной пришли две девушки, чтобы пригласить"

сидеть на заседании, посвященное творчеству Пабло Пикассо. Одна из девушек каким-то безнадежным жестом дала мне понять, что дела художника, в связи с этим заседанием, плохи, и что, собственно, участь его наследия уже решена... Совещание было в самом разгаре, когда мы вошли в зал. Какие-то люди, весьма почтенной наружности и очень похожие на искусствоведов, выступали по очереди. Производилась, насколько я понял, селекция работ Пикассо. Речь шла о том, что не все творчество художника для нас приемлемо, а только лучшая его часть. Тут же демонстрировалась и эта "лучшая часть": несколько пейзажей, несколько образительных полотен, по духу очень мало похожих на Пикассо. Я сказал присутствующим несколько слов в защиту всего остального, сделанного художником, сказал о вечном обновлении его творчества и т.д. Мои слова остались без внимания, и было принято решение отобрать "лучшие" работы и осудить остальные. И тогда я сказал им всем, что вряд ли Пикассо примет к сведению это постановление, что он просто будет, игнорируя его, продолжать работать по-своему. В ответ на мои слова раздался общий оглушительный хохот. Я вышел из зала. Потом, сделав было уже несколько шагов, вернулся к двери и посмотрел: в зале стоял неутраченный смех..."

Николай Иванович улыбается:

"По-моему, искусствоведы посрамлены этим сном".

15 сентября.

У Витковских. Сумрак и мерцающее молчание. Длинные пряди времени падают на лоб часам.

ЕНАТ. ВАС.

В виде чего или в виде кого вы представляете себе время?

МЕЛИЦ-МЕЛНУМОВ

В виде Наполеона: тот же хмурый тяжелый взгляд и те же бесконечные порывы.

КУНЛИН

Тогда уж прибавьте: и тот же серый походный сюртук...

16 сентября.

Не знаю, где и как я оказался. Ряды домов, ночь по обеим сторонам улицы. Фонари погасли или ушли. Не знаю, сколько времени я простоял под окнами у Марии. Свет не горел. Несколько бульжных шагов взад и вперед по мостовой. Я хочу быть спиной ко всему, но я - ко всему лицом. Я закрываю глаза, ночь закрывает звезды, тишина закрывает все. Я отыскиваю незнакомую подворотню, я узнал ее по черным кирпичным сводам, по моей дрожи, по холоду и темноте. Кто это? Мария? Да, это не она. Такие же волосы, та же походка. Фонарь умер и стоит на ветру. Я прохожу под окнами. Одно открывается, голос Марии зовет. Я не слышу. Тогда она зовет громче. Я останавливаюсь. Фонарь посинел. От звезд на дома струятся светлые крыши. От набережной подул камень. Я не один, нас двое: я и я. Голос Марии натывается в темноте. Я жив, как фонарь.

17 сентября.

У Нуклина шестой день запой.

20 сентября.

Запой продолжается. Старшая дочь Нуклина относит мое письмо Марии. Я прошу старшую дочь Нуклина передать ей письмо. Я написал его.

Мария! Несколько слов - вот что я решаюсь Вам написать. Недавно ночью я слышал ваш голос. Пусть он был не вашим - я все-таки слышал его. Что было вокруг? Я не разглядел при свете мертвого фонаря. Знаю только, что была ночь. Я шел, чтобы пересечь город.

Дочь Нуклина передаст Вам этот листок. Напишите мне?

Левицкий

Ответа не было. Я передал со старшей дочерью Нуклина второе письмо.

Мария! Когда-то в старину в России фальшивомонетчикам заливали горло расплавленным оловом.

Ваше молчание заливает мне горло. Я сжимаю судорожными

пальцами монету мовой любви.
Фальшивую?

Левицкий

4 сентября.

У Витновских. Вечер. Темнота выступила из стен. Нету ни Истленьева, ни Пермякова. Нуклин за все время не проронил ни слова, ни взгляда. Будто эти седые виски и лиловый нос принадлежат не ему, а сумраку. Потом, когда зажгли лампу, оказалось, что он исчез.

ЕНАТ. ВАС.

Попробуйте кинуть недовольный взгляд зеркалу - оно вам вернет его.

МАРИЯ

А если попробовать это же с часами?

ЛЕВИЦНИЙ

Часы ничего не возвращают, никогда.

МАРИЯ

Что с вами сегодня? Вы так серьезны!

ЛЕВИЦНИЙ

Серьезен, но не опасно.

ЕНАТ. ВАС.

Вы знаете, нынче я видела во сне Истленьева! Вот удивительно!.. Да... Но, из вас кто-нибудь когда-нибудь видел ли его наяву?

МАРИЯ

Анна?

АННА

Мария?

ЛЕВИЦНИЙ

Я видел, но это будет очень не скоро.

МАРИЯ

Но, Левицкий, вы нам не растолковали еще мамин сон! К чему же мог присниться Истленьев?

ЛЕВИЦНИЙ

К чьей-то свадьбе.

МАРИЯ

К свадьбе? Но почему?

ЛЕВИЦНИЙ

Истленьев - каллиграф. А каллиграфы сняты к свадьбе. Знаете, причудливый почерк судьбы, все эти завитушки...

ЕНАТ. ВАС.

А вот и чай на столе! Александр Григорьевич, я знаю, вы любите. Не правда ли?

ЛЕВИЦНИЙ

Чай дает особое чувство времени. Во времени, как в ночном небе, начинаешь различать яркие созвездия - мгновений.

ЕНАТ. ВАС.

О, вы - философ чая!

МАРИЯ

Философ и астроном.

ИСТЛЕНЬЕВ

(неожиданно появляясь) Здравствуйте!... Добрый вечер!

ЕНАТ. ВАС.

Как! Это вы?!

ИСТЛЕНЬЕВ

Да... Я, право, не думал у вас оказаться.

ЕКАТ. ВАС.

А где же вы думали оказаться?

ИСТЛЕНЬЕВ (*виковато*)

У вас же.

МАРИЯ (*поэту*)

Пожалуйста, прочтите что-нибудь!

ПОЭТ

У меня есть одно творение. Правда, я забыл начало, но зато и конца не помню.

Графиня мрачно постучала
 По стенам черной пустоты.
 При свете люстр легло начало
 Ее вечерней красоты.
 Стояли очи прислонившись
 К громаде бледного лица.
 И было: темень ежась в нише
 И холод окон без конца.
 Графиня сказала: Сказала!
 И разом холод замолчал.
 А из углов далеких зала
 Вдруг князь старинный прозвучал.
 Нусок лица свинцово-каменный
 Упал у князя возле ног
 И взор его угрюмо-пламенный
 На тяжких плитах изнемог.
 Графиня стены раздвигала
 Дыханьем взгляда своего.
 И ледяным звучал устало
 Гранитный камень берегов...

ВСЕ

Браво! Браво!...

МАРИЯ

А вы, Истленьев, молчите?

ИСТЛЕНЬЕВ

Я?... Я не молчу, я продолжаю слушать...

АННА (*поэту*)

Прошу вас, дайте экспромт о чем-нибудь стеклянном или...

ПОЭТ

Или когда в окне безусом
Весна с себя срывает бусы...

ОЛЬГА (*ему же*)

А теперь о чем-нибудь более прочном.

ПОЭТ

Волна грохота и звуков
Скатилась с неба лавой синей...

НУНЛИН (*возникая*)

Как будто рой шалящих внуков
Играет марш на клавишине!

МАРИЯ

Бог мой, Нунлин! Вы еще импровизатор!

НУНЛИН

Нет, я - импровизатор, а потом - еще и Нунлин!...

1 октября.

Ночь неслышно проносится мимо часов. Льющиеся волосы притягивают свет лампы. Длинные густые ресницы притягивают темноту. Мы сидим, окруженные ночью. Женщина с бледным, чуть одутлова-

тым лицом, похожая на ребенка, когда улыбнется вдруг. Женщина с золотой тяжестью волос, собранных в узел, с ресницами, полными темноты. Свет лампы живет на ее волосах, темнота доживает в углу. Время вздрогнуло от золотого видения. Зеркала живут между реальностью и галлюцинациями, сами будучи наполовину - тем, и наполовину - другим.

В комнате становилось темнее. Чуть виден был циферблат, нутавшийся в тихом ночном времени. Мир замер, бессильный охватить себя до конца. Молчание продолжалось, не начинаясь. Тихие голоса двигались по краям этого ночного безмолвия. Ночь со всеми ее звездами была вставлена в оконную раму, она остеклянела и готова была разбиться на тысячи осколков от первого же удара света. Между нами неподвижно темнело молчание. Женщина подняла голову. Узел литых волос тяжело сверкнул у нее на затылке.

Небо светлело там, где оно прикасалось к холодным крышам. Она сказала:

— У меня к вам три вопроса: 1. Здравствуйте! 2. Что? 3. Вопрос... Можете отвечать по-порядку и не отвечать тоже можете.

Я ответил:

— Я буду по-порядку молчать.

И про себя подумал:

— Бог мой, как она прекрасна! А у меня - зима и отсутствие слов...

Окно и ночь наперегонки летели навстречу рассвету. Женщина подошла к окнам, провожаемая безумием зеркала и моим. Несколько секунд вдруг вырвались из общего потока времени и сверкнули, вспыхнули, как золотые пряди, выбившиеся у нее на висках.

В комнате белизна стен подкарауливала рассвет.

(на этом обрываются записи в дневнике Левицкого)

ЧАСЛРБТЛРВА

Из письма Н.И. Вологдова мне (июнь 70 г.):

Получил письмо от Гнедова. Он - из разряда солнцеловов. В Херсоне солнце оказывается неполноценное, и сей 80-летний пловец уже помчался на южный берег Крыма. Таков Василиск Гнедов, которого возлюбила кукушка, знающая "сколько жить годов"!...

Николай Иванович рассказал мне (4 сентября 70 г.), как однажды в разговоре с П. Филоновым привел следующие слова А. Крученых о нем: "Филонов - крепость, но сейчас крепостей не берут штурмом, их обходят". На что Филонов ответил: "Я не крепость, а явление природы. Сегодня я здесь, завтра там. Меня обойти нельзя".

Одна фраза Д. Хармса: "Хорошо будет только через 500 лет".

Н.И.В. о Хармсе: "Это был Моцарт, который создавал и босховские образы".

В 1931 г. сестра В. Маяковского, Людмила, сказала в разговоре с Н.И.: "Если бы вы знали, какой Володя всегда был угрюмый! Только один год своей жизни он был веселым, когда был с футуристами".

С футуристами, то есть в 1913 году!

Не знаю, насколько справедливы были слухи о том, что Истленье и Эвелина находятся в Смоленске. Я вижу их поднимающимися по лестнице в третий этаж какого-то дома, окруженного целым садом деревьев, с зеленой свежескрашенной кровлей, с колоннами. Я вижу их входящими в двери старинного особняка, поднимающимися по широкой каменной лестнице в третий этаж.

На их звонок им открывает сама хозяйка, женщина странного возраста, ей как будто было 40 странных лет, если можно так выразиться.

Они входят. Большая гостиная полна народу. Одни стоят, другие сидят, третьи - просто гости. Истленье настолько невидим на фоне прозрачного воздуха, что хозяйка не решается представить его гостям. Она представляет им Эвелину, на нее все сра-

зу обращают внимание. Сноп света из окон вдруг упал на ее волосы, они загорелись, окна сразу наполнились небесами, все вспыхнуло, и... был миг!

Возле Эвлины стоял Истленьев, хозяйка усадила их в кресла и тут же отошла, чтобы отойти.

Гости пришли в себя, заговорили, замолчали, стали гостями.

1-Й ГОСТЬ

Какая удивительная женщина! Я совсем не был готов к подобному зрелищу. Она вошла так неожиданно!... Правда, у меня давно было предчувствие, с самого детства, что когда-нибудь наступит миг. Может быть, это и произошло?

2-Й ГОСТЬ

Я с вами согласен. Впрочем, не с вами. Скорее - с окнами. Они вспыхнули и... сгорели. От них ничего не осталось, кроме обыкновенных стекол и рам. А было!...

3-Й ГОСТЬ

Нет, это необыкновенная женщина! Она молчит, но ее молчание полно удивительных минут... Волосы струятся, бледное лицо обращено... но к кому? К невидимому собеседнику?

4-Й ГОСТЬ

Кем может быть этот собеседник? Призраком? Воздухом? Или не тем, но другим?

5-Й ГОСТЬ

Я вижу: ее глаза обращены к нему. Какая неслыханная голубизна! И рядом - толпы света. Окна не знают: быть лицом к ней или к небу.

6-Й ГОСТЬ

Часы - безумием к ней.

7-Й ГОСТЬ

Зеркала - равнодушием к нам.

3-Й ГОСТЬ

Мы? ... Я нас не вижу.

7-Й ГОСТЬ

А собеседника Эвелины?

3-Й ГОСТЬ

По крайней мере, не слышу...

Хозяйка (удивительная женщина, ей было 40 странных лет) подошла к гостям. Одни из них сидели, другие стояли, третьи были просто третьими. Разговор то затихал, то вновь оживлялся. Блестящие паузы между остротами заставляли сверкать самую тишину.

Сверкающие окна лились в залу, устремлялись к волосам Эвелины, касались их и густо стекали по ее хрупким плечам.

Хозяйка любила Истленьева и Эвелину, она кинула им приветливый взгляд. А те, не видя и не замечая, что было вокруг, были: один - призраком, другая - золотым мерцанием возле него.

Наконец, гости стали терять терпение. Они сдержанно столпились вокруг хозяйки.

1-Й ГОСТЬ

Скажите же нам, наконец, кто этот таинственный спутник Эвелины? Призрак?

ХОЗЯЙКА

Да.

1-Й ГОСТЬ

Но, если он - "да", то что же нам делать с нашим "нет"?

2-Й ГОСТЬ

Вот вопрос, к которому я присоединяюсь в виде восклицательного знака!

3-Й ГОСТЬ

А я - знак горькой иронии и сарказма.

4-Й ГОСТЬ

Позвольте кстати или некстати рассказать вам такой случай: ночь. Я иду по пустынной улице. Вдруг - фонарь... Вот и все, вот и весь случай. Но забыть невозможно... знаете?

5-Й ГОСТЬ

Вы хотели рассказать это кстати или некстати. Так что же из двух?

4-Й ГОСТЬ

Ветер отнес в сторону фонарный свет...

6-Й ГОСТЬ

Я понимаю 4-го гостя. Со мной как-то был точно такой же случай. Та же ночная улица, тот же фонарь, тот же я...

7-Й ГОСТЬ

И время лицом к лицу с часами...

Гости волновались. Они не знали, как быть. Они то знали, то снова не знали. А между тем, прошло много времени. Дневные окна сменились вечерними. Дневные стены - вечерними. Дневные гости остались. Но появились и другие.

Хозяйка со всеми была ласкова и мила. Гости посматривали в сторону Эвелины, обмениваясь новостями и впечатлениями. Их голоса звучали повечернему приглушенно.

Тут же, поблескивая, ходили окна, разнося сумерки на своих стеклянных блестящих поверхностях. Гости повживались, когда за спинами у них проходили окна. Даже какое-то волнение распространилось в толпе.

Чувство тревоги нарастало, окна были холодны и стремительны. Кто-то вскрикнул, какой-то молодой гость. "Ах!" - побледнел он. Он выдернул белоснежный носовой платок и тут же окрасил его, проведя им по лицу. "Ах!" - хозяйка откликнулась. Секунды бежали тоненькой струйкой.

Окна отступили и издали поблескивали холодным стеклом. Гости засуетились вокруг молодого гостя, несколько угрожающих фраз и

местов долетело до окон...

И вдруг, освещая себя лампой, явилась ночь. Она все смешала и перепутала. Был подан чай, он отвлек гостей от беспокойных стен, рана оказалось неопасной, все оживились.

Эвелина и Истленьев были на время забыты, они не воспользовались этим, чтобы исчезнуть.

Гости оживились.

1-Й ГОСТЬ

Ну, кажется, все снова хорошо, все снова прекрасно, все снова... еще как-то, но я забыл.

2-Й ГОСТЬ (*молодому гостю*)

Что с вами?... Вы так бледны!

МОЛОДОЙ ГОСТЬ

Это не я... Это не со мной...

2-Й ГОСТЬ

Достаю платок и ужасаюсь: он такой белоснежный, что вот-вот окрасится!

3-Й ГОСТЬ

Что поделаешь! Мы повсюду окружены режущим... У каждой секунды - лезвие.

4-Й ГОСТЬ

О, эти бесконечные слова! О, это бесконечное молчание! Что из двух бесконечнее?... Таков удел человека: говорить или молчать.

5-Й ГОСТЬ

Господи! я покосился на часы: они косились на меня!... Что будет?!

6-Й ГОСТЬ

Ничего страшного: разрубят пополам, как час.

7-Й ГОСТЬ

Ах, ради бога, не говорите о таких вещах при моем белоснежном платке!

ХОЗЯЙКА

Как странно разговор окрашен!... Давайте лучше говорить о другом. О чем? О чае... Пусть каждый выскажется... Вы?

1-Й ГОСТЬ

О чае?... Я знаю несколько прекрасных слов, но их еще нужно составить в фразу. Но сделать это без подготовки невозможно, я их перечислю просто: чай, божество, секунды, нити, нигде, звезды, отражения, другое божество, лезвия... Вот, пожалуй.

2-Й ГОСТЬ

Лезвия? Не вижу лезвий.

1-Й ГОСТЬ

Они невидимы.

2-Й ГОСТЬ

Как спутник Звездины?

1-Й ГОСТЬ

Нет, еще опаснее.

ХОЗЯЙКА (3-му гостю)

Теперь ваш черед.

3-Й ГОСТЬ

Другое божество? Вот мысль! Ведь это грезим не мы, это в нас чай грезит. Одно божество грезит о другом... Я сказал... то есть не сказал, а подумал... но ускользнул от мысли.

4-Й ГОСТЬ

То, что вы сказали, мне так же непонятно, как и то, что собираюсь сказать я. Но как же можно говорить понятно о таких ве-

цах?... Чай, по-моему, это самоубийство темноты. Это рассвет, который начинает брезжить в полночь... Кто безумнее - самоубийца или самонаоборот?

5-Й ГОСТЬ

Я вас понял и, в свою очередь, хочу быть непонятым вами. Дело в том, что у чая (как все давно с этим согласились) - вкус вечности, а у вечности - цвет чая. Отсюда возникает порою путаница, и мы, чувствуя вечность на языке, обманываем себя, полагая, что видим разумом то же, что чувствуем языком, тогда как мы видим всего-навсего нынешний день, окрашенный чаем в цвет вечности.

6-Й ГОСТЬ

Или взять другой случай, когда цвет и вкус не совпадают. Тогда на кончике вечности не язык, а нынешний день, окрашенный, как платок, который еще мгновение назад был белоснежным.

7-Й ГОСТЬ

Я слышу, как лезвия чая скрестились с лезвиями секунд. Брызнувшие от этого искры - те искры, что загораются в наших глазах.

4-Й ГОСТЬ

Слово "лезвие" ранит мне уши! Неужели оно вам не ранит язык?

7-Й ГОСТЬ

Нет, почему же... У меня как раз сейчас на языке вкус кро...

4-Й ГОСТЬ

А на платке?

7-Й ГОСТЬ

Запекшиеся пятна вечности.

ХОЗЯЙНА

А вот и полночь!

ЧАСЫ

Бам! Бам!

1-Й ГОСТЬ

Посмотрите на Эвелину и ее спутника! Посмотрите на полночь и ее спутника!

2-Й ГОСТЬ

Спутник полночи - безумный фонарь.

3-Й ГОСТЬ

Спутник Эвелины - безумный... кто?

4-Й ГОСТЬ

Смотрите! ночь завладела золотом Эвелины, она обезумела от этой груды!

5-Й ГОСТЬ

Темнота вся изрезана секундами.

6-Й ГОСТЬ

Мы все ими изрезаны.

7-Й ГОСТЬ

Кроме спутника Эвелины.

6-Й ГОСТЬ

Вы думаете?

7-Й ГОСТЬ

Нет. А вы?...

Хозяйка хотела что-то сказать. Потом молодой гость что-то хотел сказать, и другие.

Уличная ночь холодно сверкала за окнами. Ветер раскачивался на фонаре, скрипел. Черные булыжники мостовой блестяли. Что-то тревожное лежало на всем, какой-то отсвет. Улица словно ждала

появления Пермякова.

Появлялись призраки. Исчезали призраки. Она были готовы сделать шаг и выйти во тьму.

Хозяйна краешком губ улыбнулась. Чему? Какой-нибудь своей мысли? Или какой-нибудь своей нет?

Гости толпились вокруг друг друга. Секунды были отточены до блеска, до.

Истленьев и Эвелина молча обменивались своим присутствием. Ее волосы слабо мерцали в полутьме времени. Назалось, часы отсчитывали каждый волос из этой золотой груды: тик-так, тик-так...

Эвелина посмотрела на Истленьева: он был бледен необычайно, словно болезнь возвращалась.

ЭВЕЛИНА

Что с вами? Вы больны?

1-Й ГОСТЬ (в сторону)

Болен? Чем? Невидимостью?

ИСТЛЕНЬЕВ

Нет... то-есть нет...

2-Й ГОСТЬ

Ах, как все отточено! Ни до чего не дотронешься. Собственные слова ранят язык!

3-Й ГОСТЬ

Мой белоснежный платок боится меня!

ЭВЕЛИНА (Истленьеву)

Уже так поздно!... Вы не устали?

4-Й ГОСТЬ

Превращусь в эхо: уже так поздно! вы не устали?

5-Й ГОСТЬ

Он не слышит ни ее голоса, ни вашего эха. Смотрите - как он невидим!

ЭВЕЛИНА

Что?

4-Й ГОСТЬ (как эхо)

Что?

ИСТЛЕНЬЕВ

Я ничего, Эвелина... Я тут...

4-Й ГОСТЬ

А как же я? Быть эхом призрака? Быть или не быть? Или наоборот?

3-Й ГОСТЬ

Будьте эхом молчания.

2-Й ГОСТЬ

Если уж и быть, то подальше от окон.

7-Й ГОСТЬ

Подальше от самого себя...

В ту ночь Мария дочитывала принесенные ей Мелик-Мелкумовым "Воспоминания о Д. Хармсе" Алисы Порэт. Вот несколько последних строк:

Ему очень редко нравились люди, он не щадил никого. Единственный человек, о котором он отзывался неизменно с восхищением, был Вологдов. Он так мне его расхваливал, что я сперва подумала, что это новое увлечение - очередным монстром, но когда мы сказали, что Николай Иванович на самом деле блестящий и очаровательный человек, я попросила Даниила Ивановича меня с ним познакомиться. "Никогда, ни за что! - отрезал Хармс. - Через мой труп". И как я ни старалась пригласить его к нам в дом, ничего не вышло. Он запретил это всем своим друзьям и ловко разрушал все их попытки...

Рассвет то приближался, то удалялся. И окна.

Дарственная надпись Н. Пунина на книге П. Флоренского:

Николаю Ивановичу Вологдову
дружески и с удивлением:
откуда Вы такой взялись
"в комнате человеческой жизни"?

Пунин

1932 июнь

В ту ночь Пермяков и гречанка пили не чай. Несмотря на то, что в комнате было накурено, душно, и терпко пахло потом и пролитым красным вином, полночь пробила. Ее глаза и глаза гречанки встретились. Несколько чугунных мгновений прошло. Часы первыми отвели взгляд.

Женщина сняла чулки, и ее белые ноги голубели на фоне черного ничего. Ее красный рот и накрашенные глаза устало падали на залитый вином стол.

Ее взгляд, пошатываясь, остановился на Пермякове.

— Иди же ко мне, любимый!... Не двигаешься?

— Ч-ч-ч-ч-ч-что?

— Иди, я обниму тебя!... Ну же! Или я пойду сама, и меня обнимут.

— Брындирмы-ы-ы-инд... рынды-мы-ы-ы...

— Бранд?... Накново!... А?...

Он подполз, их губы встретились, руки переплелись, часы заскрежетали, и новая неизвестная звезда вспыхнула в небе от этого мучительного поцелуя.

В ту ночь и Левицкий. Он быстро писал что-то на белом листе бумаги. Ему светила (и диктовала?) резкая стенная лампа. Вот что он писал:

Мария! Я не приходил к вам. На это были две причины: первая и вторая. Но третьей, главной, не было. Я уже собрался было идти, уже было отворил дверь, и ступени лавиной хлынули мне под ноги, но... Я уже было сказал себе: "Да!"... Часы посмотрели и увидели: полночь. А у нее горлом хлынули звезды...

Улица одним концом упиралась в ночь, другой - терялся вдали.
Двое.

М

Ну вот, я прошел через все несчастья, которые только возможны.
Теперь я, кажется, должен быть счастливым... А?

Н

Да, да, это неизвестно. Мне, во всяком случае - нет. А зачем
непреренно быть, да еще счастливым? Что вы мне ответите на
этот вопрос? И что вы мне не ответите?

М

Отвечу, что не отвечу. Вот.

Н

Смотрите-ка! сюда кто-то идет. Давайте спрячемся друг за дру-
га...

Появляются женщина и ее спутник. Оба - оба.

ЖЕНЩИНА

Какое кругом великолепии! Мостовые, заборы, крыши, ночь без
часов.

СПУТНИК

И эти две фигуры. Я их сначала принял за фонарь, а теперь ви-
жу, что это два фонаря.

ЖЕНЩИНА

Да? Вы, кажется правы. Но как они слабо светят! Как мерцают!
Ветер, говорят, переносит какую-то фонарную болезнь...

М (приближаясь)

Добрый вечер! Болезнь без названия. Название ожидается с мину-

ты на минуту.

ЖЕНЩИНА

Бог мой, еще один говорящий фонарь! И еще одно разочарование! Это не он. (к М) Скажите, вы случайно не видели здесь человека в берете из голубой шерсти?

М

Как же, видел, конечно, видел! Он быстро прошел в ту сторону... Над ним, действительно, голубела шерсть...

ЖЕНЩИНА

А кровь на нем вы заметили?

М

Кровь?... Да, вот только сейчас заметил...

СПУТНИК

Это ошибка. Это недоразумение. (к женщине) Пойдемте скорее, прошу вас! Мне совершенно ясно, что оба они кроме друг друга никого не видели.

Н

Как так не видели?! Да у него от крови весь берет был... голубой... то-есть, вся шерсть была...

СПУТНИК

Голубая? А вся кровь?

Н

Иссякла.

СПУТНИК (женщине)

Пойдемте! У них иссякло воображение. Вот вам и название этой фонарной болезни... (к двоим) Прощайте!... (уходят)

М

Прощайте?

Н

Это не сказал, чтобы быть вежливым по отношению к себе самому... Какой холодный у него взгляд!... Как холодно! Ну и погода!... Ммда... Тут, и вправду, можно заболеть, на таком ветру... На чем вы прервали ваше молчание?

М

Я стоял, как всегда погруженный в задумчивость. Мимо меня стояли дома, проходили люди. Вдруг один из них - из домов и из людей, привлёк мое внимание и поразил меня. Это был прохожий лет XXX - XXXIX, он был неправдоподобно бледен, но мгновениями становился бледнее самого себя...

Н

Я слушаю вас так внимательно, что сам начинаю бледнеть.

М

Погодите, сейчас вы начнете истекать кровью... Но кто это?...

Появляется цирковая наездница. В ее руке - упругий вздрагивающий хлыст. Воздух вокруг нее расступается.

НАЕЗДНИЦА

Как? Разве вам ничего не говорит вот этот хлыст?

М

Нет, почему же, он нам говорит. Какой мелодичный у него голос!

Н

Вот это хлыст! Вот это я понимаю. Таким можно хлыстиком засечь любой фонарь насмерть.

НАЕЗДНИЦА

Скажите-ка, вы не видели, здесь не проходил один... такой?

М

Один проходил, но я боюсь, что он был недостаточно такой.

Н

И другой здесь проходил, но ведь вас интересует один?

НАЕЗДНИЦА

Проклятье! у меня от ваших реплик в горле запершило... И какой ветер кругом, и холод!... Нет ли здесь дождя?

М

Вы правы, здесь нету.

НАЕЗДНИЦА

А это что за странная вывеска? Что на ней написано?

Н

На ней?... Написано ДОЖДЬ.

М (к наезднице)

Не верьте ей! Это прошлогодняя... видите, она совсем ржавая...

НАЕЗДНИЦА

Но, постойте! Вы ведь что-то говорили о крови?

М

Вы - о дожде.

Н

Что?!... Нровавый дождь?!

НАЕЗДНИЦА

Вы правы, клянусь хлыстом. Вы догадливы, клянусь еще раз.

М (к Н)

Не слушайте, это не для ваших ушей! У вас и без того бледность не проходит... (к наезднице) Након ваш хлыстик! Вокруг него воздух никак не заживает...

Н

Что это мне вдруг на щеку капнуло?

М

Никак дождь... собирается?

НАЕЗДНИЦА

Но какого странного цвета капли!... Ха! неужели это и в самом деле... Укроемся под этой вывеской...

Его подтолкнули к дверям.

— Ну, входите же!

— Ради бога...— подумал он, — я иду, вхожу... Зеркала взяли вошедших своими сверкающими полированными поверхностями, подвели их к середине зала, к хозяйке. Она была рада - зеркала были рады. Гости сдержанно жестикулировали - зеркала жестикулировали еще сдержаннее. Кто-то из гостей вскрикнул, ему что-то почудилось - зеркалам не почудилось ничего. Коротков "ах!" сверкнуло и исчезло в сумраке.

Пермяков вытащил белоснежный платок и усмехнулся. Все на него укоризненно посмотрели.

Воздух прижался к стенам, образовав в середине зала пустое пространство. Пермяков остался один, окруженный этой пустотой. Зеркала тяжело смотрели на него.

Истленьев давно чувствовал на себе тяжелый взгляд Пермякова.

Пермяков вытащил из рукава бритву и двинулся, загоразивая ее своим телом. Холодные поверхности зеркал покрылись испариной. Пермяков двинулся еще медленнее. Обрывки гостей пролетали мимо его сознания...

1-Й ГОСТЬ

Мы здесь - это удивительно! Было бы удивительнее, если бы мы были еще более здесь.

2-Й ГОСТЬ

Как все тихо! если не считать наших голосов и другого шума.

3-Й ГОСТЬ

А что будет, если не считать окон?

4-Й ГОСТЬ

Пожалуйста, тише!... Или, пожалуйста, громче!

5-Й ГОСТЬ

Куда уж тише, и куда уж громче.

6-Й ГОСТЬ

Мне почудилась кровь!... Или это я ей почудился?

7-Й ГОСТЬ

Вы почудились вам...

Истленьев чувствовал приближение Пермякова. На стеклах выпала тяжелая роса секунд.

Он сидел возле Эвелины, на его лице было крайнее утомление, болезненная бледность покрывала его. Он стал что-то вспоминать, что-то забывать, сидел неподвижно, улыбка, спотыкаясь, шла по его губам, потрескавшаяся, споткнулась, застыла...

Он как-то оказался один, в стороне от Эвелины. Несколько незнакомых гостей окружили его. Они были не то чтобы удивлены, они приняли Истленьева за одного из нас. Его болезненный вид давал им повод думать о его болезненном виде.

1-Й ГОСТЬ

Кто это? Вы не знаете?

2-Й ГОСТЬ

Кто это? Я не знаю.

3-Й ГОСТЬ

Кто это? Вы не знаете?

4-Й ГОСТЬ

Кто это? Я не знаю...

ПОЭТ

Я не не не не не не не не!
 Я не не не не не не не не!
 А по воде скрежещут тени,
 И мы, недвижимые, над ней...

Истленьев направился к темному неосвещенному углу, откуда на него тяжело и пристально смотрели два глаза.

Пермяков стоял, прижав себя к бритве, его брови нависли, сверкали края дикой улыбки, только чудом не разрезая его побелевших губ...

В погребок, где шла игра в карты, где пили вино и водку, где Нунлин, Алхимов и лампа что-то замышляли втроем, вошел Левицкий.

Он мало изменился за все это время, но погребок изменился еще меньше. После свежего ночного воздуха и сверкающих звезд, здесь был другой воздух и совсем другое сверкание.

Несколько цепких холодных взглядов уперлись в Левицкого, но соскользнули, словно наткнулись на кольчугу под его темным плащом.

Тут было несколько женщин, одна из них (самая красивая) была красивее остальных.

Пауза, заполненная паузами...

1-АЯ ЖЕНЩИНА

Нхе-гхе!...Гха-гха-гха-а!... Что это у меня, нашель? Или что? И горло, и грудь болит... Я вчера, б..., чуть не сдохла, и завтра чуть не сдохну...

2-АЯ ЖЕНЩИНА

Покури, все пройдет.

3-ЬЯ ЖЕНЩИНА

Эх, ё. твою мать-та-а-а!...

Женщины, пошатываясь, прошли мимо Левицкого.

Нуклин и Алхимов заметили присутствие Левицкого. "Судя по нему, на улице звезды", - сказал Нуклин, как если бы сказал, что, судя по Левицкому, на улице идет снег. Алхимов мысленно сказал какую-то фразу, но вслух произнес только точку, стоящую в конце ее.

Зачем пришел в погребок Левицкий, мне неизвестно. О чем он разговаривал с Нуклиным и Алхимовым - тоже. Я только вижу, как шевелятся их губы, как стремительны их зрачки, но не могу слышать ни звука.

Неожиданно дверь погреба открылась, и, пошатываясь, вошел Пермяков. Дикая улыбка, словно рассеченная надвое ударом хлыста, еще цеплялась за его губы. Он весь дрожал сильной неустойчивой дрожью, окровавленные пальцы повисли, обезумевшие глаза хотели вырваться из страшных орбит...

Разговор гостей незаметно продвигался навстречу ночи.

1-Й ГОСТЬ

Вы молчите? Вы молчите потому, что слушаете меня? Тогда молчите внимательнее. Минута состоит из 60 секунд, час - из 60 минут. А из скольких часов состоит все?

2-Й ГОСТЬ

Нельзя же судить о человеке по его спине.

3-Й ГОСТЬ

Нет, можно. Спина выразительнее, чем лицо, и не умеет притворяться.

4-Й ГОСТЬ

Мой белоснежный платок пугает меня, а я - его.

5-Й ГОСТЬ

Ах, пожалуйста, тише! В вашем голосе есть такие режущие нотки.. знайте.

6-Й ГОСТЬ

Кровавый дождь - что это такое?

7-Й ГОСТЬ

Это два самых ужасных слова.

3-Й ГОСТЬ

Знаете, что вчера со мной приключилось? Я растерялся среди белого дня. Ни с того, ни с сего. Вот и все происшествие. Как вам понравится таков? А?

2-Й ГОСТЬ

Да, у вас на лице до сих пор еще - та минута...

Окно выходило во двор. Он посмотрел: дворовая ночь, черные кусты, дерево, стена соседнего дома и луна с облупившейся тут и там штукатуркой.

Он отходил от себя и вновь возвращался, и тень не знала, следовать ли ей за ним или оставаться с ним же.

Увидели: он и измученная тень на стене. Думали: он остается отшельником даже среди такого многочисленного общества!

Некая-то сила притягивала его к стенам, и та же сила притягивала к нему темноту.

4-Й ГОСТЬ

Хорошо, если это только он невидим для нас. А что, если и мы для него невидимы? Это было бы ужасно!

1-Й ГОСТЬ

Темнота - это магический напиток зеркал: вы напряженно всматриваетесь в полированную поверхность, вы пытаетесь увидеть свое отражение, но... начинаете галлюцинировать, словно и вы отпили из той же чаши...

Истленьев вплотную подошел к темноте, в которой стоял Пермяков.

Пермяков внезапно поднял руку с изгибавшимся в ней лезвием... Страшный крик раздался тогда. Истленьев упал и забился в жесточайших судорогах, у него начался припадок.

А пальцы Пермякова, израненные о лезвие, хватая лицо, бросились в ужасе прочь... Он исчез, его не видели.

КУНЛИН

Он исчез, его не видали.

ПЕРМЯНОВ (как безумный)

Где я?!

АЛХИМОВ (в сторону)

В тюрьме из секунд.

ГОЛОС (из стороны)

Какие частые решетки!...

Такая плотная масса гостей, что не оставалось места ни для остроумия, ни для любезностей. Все стояли почти неподвижно, обращенные лицами друг к другу и говорили:

— Как много гостей! Как многолюдны зеркала!

— А ведь еще час назад они были почти безлюдны...

Окна вносили ночь, она струилась с их блестящих стеклянных поверхностей.

1-Й ГОСТЬ

Я говорю почти так же тихо, как думаю.

2-Й ГОСТЬ

А я - наоборот. И еще раз наоборот.

3-Й ГОСТЬ

Вы обращали внимание, что когда думаешь о чем-нибудь ночью, то обязательно думаешь о звездах?

4-Й ГОСТЬ

Да, сейчас мне действительно кажется, что это так. Но завтра мне будет казаться другое. Вчера - не знаю.

5-Й ГОСТЬ

Сумасшедшие звезды - вот что я вам скажу. Они обезумели, подражая в этом земным фонарям...

Окна вносили фонарный свет с улицы. Он беспокойно струился с их блестящих поверхностей.

Многие из гостей были многими из гостей.

7-Й ГОСТЬ

Ах, если бы мы могли объясняться при помощи тишины!

1-Й ГОСТЬ

Знаками отчаянья?...

В гостиной появляются Левицкий и Нуклин.

Что связывает этих двух людей? Родство? - нет. Родство - да.

НУКЛИН

Я первый раз нахожусь в таком обществе.

ЛЕВИЦКИЙ

Оно - тоже.

НУКЛИН

Ночь в окнах, ночь в зеркалах.

ЛЕВИЦКИЙ

В зеркалах - бездоннее...

Комната. Свет сумерек, тускло прошедший сквозь окна, освещает следующую картину:

А (входя)

Как я рад, что застал вас дома! Как я рад, что застал вас дома!
Как я рад, что застал вас дома! Как я рад, что застал вас дома!
Как я рад, что застал вас дома! Как я...

В

Как вы рады, что застали меня дома!

А

Да, да! Как я рад, что...

В

Но постойте-ка! На вас вся одежда промокла, а по лицу текут струи... (всматриваясь и замечая их цвет) Неужели на улице... дождь?

А

Как я рад... Что? Улица? Дождь? Ах, да, да! На улице целых два дождя. Я промок... я рад, весь до нитки рад, что вас застал дома... А? То-есть, что?...

Появляется невеста хозяина - девушка с длинными светлыми волосами.

В

Это моя невеста - Валерия. Она всегда появляется, если ее нету. Прошу вас познакомиться. Это Валерия - моя невеста. А это А - мой друг, мой сосед по крови, по дождю... то-есть, как же это? Кровь или дождь?

А

Я очень рад, я польщен... Кровавый дождь?... ничего не понимаю!

НЕВЕСТА

Ничего страшного, сейчас я принесу белоснежное полотенце, и вы сможете стереть эту... эти струи.

А

Мне можно взглянуть на себя в зеркало?

В

Пожалуйста... *(опомнясь)* Но погодите одну секунду! Оно не готово еще, оно... Сейчас моя невеста принесет полотенце...

НЕВЕСТА

Я сейчас принесу. Это дело одной минуты, одной секунды...
(уходит)

А

А если я посмотрю на себя в часах?

В

Нет, нет, ничего из этого не выйдет! То-есть, я очень прошу вас, не надо! Эти часы, дело в том... время оставило их... понимаете?... Они стоят, как слепые, ничего не отражая...

А *(глядя в часы)*

Но я вижу кровавые струи!

В

Неужели?! Ах, да!... рана, их рана еще не зажила... Это давнишнее...

А *(успокаиваясь)*

А я шел, ничего не видя, задумавшись о бульжную мостовую... Вдруг ночь стала накрапывать. Мостовая сразу же заблестела, ее зловеще окрасили фонари...

В

Сейчас, сейчас!... она... белоснежное полотенце...

А

Вдруг - жестяная вывеска, и под ней трое: навзница с тяжелым хлыстом и двое других. Мой "добрый вечер" был ими, очевидно, не услышан, потому что они в ответ только странно усмехнулись... У ног ее лежал воздух, косясь на хлыст... и вздрагивая... Свистели струи. Фонари были одеты красным дождем...

В

Ах, где же Валерия?!

А

Язык этих троих был мне непонятен. Они так странно на меня смотрели!... Женщина мне вдруг сказала: "У вас все лицо и руки в... дожде". Помню, я ей ответил: "Что?" Я люблю это короткое слово с изогнутым вопросительным знаком... Я провел по лицу ладонью...

В (в отчаянии)

О!

А

...и сразу же фонари закрыли руками лица... Что это с вами?

В

Ничего, ничего... Это зеркало мне вдруг вручило бледную маску вместо лица.

А

Я тоже сейчас посмотрюсь...

В

Ах, умоляю, не надо!... Оно и без того чуть живо...

А

Чуть живо? Какой, поистине, удивительный день!... Что ж, пожалуйста... Я не хочу быть убийцей зеркала... А что с ним?

В

Оно... знает... само окрашивает дождь и само же после безумет от этих алых потоков.

А

Поразительно! Ну, точь-в-точь как те фонари!... Но где же ваша невеста? Я ее о чем-то забыл спросить... сейчас вспомню и забуду... Память и забвение - вот явления, поистине, удивительные! Я бы их наложил друг на друга в виде креста...

В

Или в виде решетки.

А

Ах, не говорите громко слово "решетка"! Она может возникнуть из звука... А где же, все-таки, ваша невеста? Или ее и не было? Это ночное освещение может выкинуть любую шутку...

Звелина, Истленьев, неожиданный стук в дверь.

— Войдите! — произнесла Звелина.

Вошел Пермяков.

— Здравствуйте!... Добрый вечер!... Это я... проходил мимо... и вот...

Пермяков все хотел сделать какое-то движение, но делал другое, сказать что-то, но говорил другое...

Комната с зеркалами, с бесшумными отражениями, волосы Звелины, окно держало хрупкий осенний холодный день. Окно, как ствлянная сверкающая грань дня.

Пермяков вдруг постарел, сверкнули седые виски.

ЗВЕЛИНА

Как странно наше молчание! Оно мне напоминает другое молчание.

ПЕРМЯКОВ

Я не молчу... это я так стою.

ИСТЛЕНЬЕВ

Пожалуйста, присаживайтесь в это кресло.

ПЕРМЯКОВ

Вот ведь как вы обернули... с креслом-то... Я ведь совсем другого хотел сказать, а сказал - другого...

ИСТЛЕНЬЕВ

Поверьте мне, я не хотел вовсе... Поверьте мне, я хотел...

ЗВЕЛИНА

Ах, полно, полно вам! А то вечер наступит... Вчера так и случилось.

ПЕРМЯКОВ

Да, вечер может случиться... и ночь. И тогда странные вещи начинают происходить: вдруг дождь заморосит... капли падают на лицо и на руки...

ЗВЕЛИНА (*тревожно*)

Как мне холодно стало!

ПЕРМЯКОВ

Молчу, молчу! Больше ни слова, больше ни звука. Ни-ни... Только, Владимир Иванович, ответьте мне, будьте добры, на один вопрос и потом на другой, но сначала только на один: вы - вы?

ИСТЛЕНЬЕВ

Да, да!... Уверю вас... я.

ПЕРМЯКОВ

И еще скажите, сделайте милость, отчего это во всех этих странных историях обязательно фонари замешаны? А?

ИСТЛЕНЬЕВ

Но ведь истории-то... все ночные... Может быть, поэтому?

ПЕРМЯКОВ

Ночные, ночные! Как вы это хорошо сказали про ночные истории! Как верно и тонко и справедливо заметили!... Только почему же

они, эти истории, все обязательно ночные? Или дождь не может и днем моросить? А? Как вы думаете?

ИСТЛЕНЬЕВ

Вы правы, может и днем... Но ведь фонари - они... они...

ПЕРМЯКОВ

Что? Что? Что они-то?

ИСТЛЕНЬЕВ *(тихо)*

Окрашивают...

ПЕРМЯКОВ *(тихо)*

Что окрашивают?... Воду?

ИСТЛЕНЬЕВ *(еще тише)*

Нет...

Оба переходят на шепот.

ПЕРМЯКОВ

Я давеча видел женщину с хлыстом и троих... Один из них вымок до нитки... Все лицо и все руки у него были в... *(встретив взгляд Эвелики)* в фонарном свете.

ИСТЛЕНЬЕВ

Не сон ли это? Не кошмар ли какой?

ПЕРМЯКОВ

Так ведь что ж из того, что кошмар или сон? Думаете, проснемся, и ничего не будет? Думаете, все исчезнет? Нет! Такой дождичек сквозь любой сон просочится... *(достает платок)*

ИСТЛЕНЬЕВ

Какой у вас платок белоснежный!

ПЕРМЯКОВ

Я тогда укрылся под вывеской...

ЗВЕЛИНА (*услышав*)

И что же было на вывеске?

ПЕРМЯКОВ (*усмехаясь*)

СОН...

Давид Бурлюк рассказывал, что во время парижской встречи в 1925 г. Владимир Маяковский сказал ему как-то: "Вот уже восемь лет, как мне скучно".

Левицкий давно уже хотел представить Истленьева Вологдову, он собрался было уже это сделать, но... Истленьев растаял в воздухе. Левицкий мысленно усмехнулся, губы же его не шелохнулись, и усы.

Левицкий потерял интерес к зеркалам и часам, их способность отражать теперь мало занимала его. Он понял, что прозрачные окна, не давая нашего отражения, тем не менее гораздо больше позволяют узнать нам о нас, давая видеть сквозь прозрачные стекла мощный простирающийся пейзаж, дневное или ночное небо, звездную даль...

В "Неизвестных шедеврах" Н. Вологдов писал о том, что Петр Бромирский, во время своей солдатчины не имевший возможности заниматься скульптурой, написал роман, неопубликованная рукопись, которого потом исчезла. По свидетельству современников (в том числе В. Татлина и В. Чекрыгина), читавших его, это было блестящее произведение.

Пока еще немногочисленные, найденные работы Бромирского говорят о нем как о гениальном скульпторе и художнике. Я много думал о его неизвестном романе. Будет ли он когда-нибудь найден? Засверкает ли когда-нибудь этот шедевр, автор которого был похоронен в общей тифозной могиле?

Когда я 9-го июля 66 г. принес А.Е. Крученых свои первые несколько стихотворений и прочитал ему, он сказал: "Я пишу такие же. Но рву их".

Мы сидели и беседовали у него на кухне. Когда он стал подогревать на плите вино, и запахло уксусом, в который это вино

давно уже превратилось, Алексей Елисеевич сказал: "Велимир любил запах муравьиного спирта...".

Потом прочитал несколько моих прозаических опытов. Я все никак не мог свыкнуться с мыслью, что вижу и слышу друга и соавтора Хлебникова...

"Держитесь прозы!" - написал он на книге, которую подарил мне в этот день.

Из письма А. Крученых к Н. Вологдову от 23 сентября 42 г.:

"Я много думаю об Украине и Гоголе, жалею, что мало коснулся этой темы (в свое время), что у меня совсем не встречаются украинские слова (родные!), что мало сказал об Одессе, Херсоне и др. - тоже "тоска по родине". Завещаю напечатать это Вам (помните - детство в деревне возле Бурлюков, Днепр, плавни, камыши, "гривки" и пр.). Прокатиться бы теперь среди шуршания на душегубке!..."

Гостив остановилось все больше. Стиснутая со всех сторон темнота почти касалась их глаз.

ПОЭТ

Был бал. Графини и маркизы
 В свои блистали вввва,
 И я стоял, бросая вызов
 Сегодня, завтра и вчера.
 Но мне подходит герцогиня
 И, древним родом шлестя
 И взглядом рыцарским окинув
 Шпаго-надменного меня,
 Сказала: вот не ожидала,
 Месье, от вас такого вас!
 Со всех сторон слепого зала
 На нас смотрели сотни глаз.
 А я, час от часу бледнее,
 А я, час от часу сильней,
 Смехался мысленно над нею
 В то время как смехался с ней...

1-Й ГОСТЬ

Однажды я был влюблен, а однажды влюблен не был. Эти два случая глубоко запечатлелись в моей памяти.

2-Й ГОСТЬ

Такое случается так редко, что чаще совсем не случается.

3-Й ГОСТЬ

О чем это вы? Я не расслышал. Пытаюсь понять по вашим лицам, но не могу: на них совсем другое.

4-Й ГОСТЬ

Неизвестно, кто мы и где мы. То-есть, известно, но кому? - неизвестно.

5-Й ГОСТЬ

Я несколько сложен для этой мысли.

6-Й ГОСТЬ

А я так смел, что немного трусости мне не повредит.

7-Й ГОСТЬ

Самое страшное - это когда начинаешь резаться о собственный белоснежный платок.

8-Й ГОСТЬ

О собственные мысли.

9-Й ГОСТЬ

Ах, как ваши слова моросят!...

Один из гостей резко обернулся. За его спиной стояло окно, с темной блестящей поверхности которого стекали струйки фонарного света. Гость отшатнулся. Окно исчезло. Темнота принялась успокаивать гостя, но он долго еще не мог.

Все это осталось незамеченным для остальных. Сцена была беззвучной. Потом, правда, прозвучало "ах!", но совсем в другой стороне гостиной и неизвестно по какому поводу.

Темнота царила уже так давно, что гости стали забывать лица друг друга.

Неизвестно кому принадлежащие голоса раздавались время от времени.

1-Й ГОЛОС

Мне больше всего на свете дороги четыре вещи: мои четыре стены.

2-Й ГОЛОС

Судя по голосу, это не вы.

3-Й ГОЛОС

Что это? Фонари моросят...

4-Й ГОЛОС

Пожалуйста, говорите громче!... А то нашепчете еще беду.

5-Й ГОЛОС

В темноте молчание можно принять за чудовище.

6-Й ГОЛОС

Какой свет у фонарей липкий!

7-Й ГОЛОС

Сотрите его платком.

6-Й ГОЛОС

Да нет, я говорю про мостовые...

Ночь, как удав обвернулась вокруг каждого из гостей. Кольца обвивающейся темноты поблескивали при свете окон. Она сжимала грудь каждого из гостей, подобно тоске. Их глаза расширились, их рты хотели поглубже вдохнуть воздух...

Двое идут по поздней вечерней улице. Их лица и голоса мне незнакомы.

ПЕРВЫЙ

"Девушка, скажите, пожалуйста, что бы вы сказали про любовь с первого взгляда, да еще напротив ПОХОРОННЫХ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ?" - спросил я. Она ответила, что ко мне таковым чувством не прониклась. Несмотря на ПРИНАДЛЕЖНОСТИ. Я ей сказал: "В таком случае разрешите вас безнадежно любить?" Она: "Пожалуйста". "Но тогда, - продолжал я, - скажите мне номер вашего телефона, чтобы я мог звонить вам раз в две недели и узнавать, все ли еще моя любовь безнадежна".

ВТОРОЙ

Вы соблазнитель, вы чаровник, вы кто угодно, только не я!

ПЕРВЫЙ

Вот благородная тема для размышлений: глупость как физический недостаток... Но, на меня что-то капнуло! Неужели это дождь? Какое счастье, что я захватил с собой зонт! Сейчас раскрою... Прошу вас ко мне под зонтик...

ВТОРОЙ

Не лучше ли...

ПЕРВЫЙ

Что?

ВТОРОЙ

Не лучше ли...

ПЕРВЫЙ

Не лучше!... Как странно на нас смотрит толпа из подворотен...

ВТОРОЙ

Это не толпа, а женщины. Они смотрят на вас - это так естественно!

ПЕРВЫЙ

А где же мужчины?

ВТОРОЙ

Они там, за спинами женщин.

ПЕРВЫЙ

Да, теперь я слышу их шепот... Но что это с фонарями? Они забыли, какого они цвета!... И струи!

ВТОРОЙ

Осторожнее! а то наступите в... лужу.

ПЕРВЫЙ

Накие густые капли! Чорт возьми!

ВТОРОЙ *(в отчаянии)*

Вот прогулка!

ПЕРВЫЙ

Пойдемте, пойдемте! У меня есть несколько забавных соображений по поводу цвета этих струй. Всемирный дальтонизм! вы понимаете?... *(удаляются)*

ЖЕНЩИНЫ

Безумцы! Прогуливаются под зонтиком в кровавый дождь! Идут себе, словно ничего не видят, словно ничего не происходит!

МУЖЧИНЫ

Да, да, словно ничего не видят, словно ничего не происходит!... Безумцы!...

Левицкий и Мария. Левицкий и Мария. Левицкий и Мария. Три зеркала было в комнате.

ЛЕВИЦКИЙ

Вы меня о чем-то спросили, Мария, но забыли поставить вопросительный знак. Вот я и подумал, что вы просто размышляете вслух.

МАРИЯ

Не помню... забыла... А что было вчера?

ЛЕВИЦКИЙ

Вчера было позавчера.

МАРИЯ

Значит, этот дождь льет уже третий день... Но что это с фонарями и струями?

ЛЕВИЦКИЙ

Что вы сказали?

МАРИЯ

Но что это с фонарями и струями?

ЛЕВИЦКИЙ

Вы сказали: "Но что это с фонарями и струями?"

МАРИЯ

Да.

ЛЕВИЦКИЙ

Да, с ними - да.

МАРИЯ

Вы загадочны, как этот дождь.

ЛЕВИЦКИЙ (в ужасе)

Бог с вами, Мария!

МАРИЯ

Только вы побледнели, а он - наоборот...

ЛЕВИЦНИЙ

Не могли бы вы не смотреть в окно, Мария?!... Я не мог бы.

МАРИЯ

Струи краснее, чем фонарь. А фонарь краснее самого свбя!

ЛЕВИЦНИЙ

Это только кажется, Мария... и вам, и мне.

МАРИЯ

Но что это за странные звуки?

ЛЕВИЦНИЙ

Это несколько минут прошло тайком от часов.

МАРИЯ

Нет, это больше похоже на тяжелые струи, хлещущие по вымершим улицам.

ЛЕВИЦНИЙ

Нет, нет! Вымершие минуты!

МАРИЯ

Красные струи...

ЛЕВИЦНИЙ

Нет! Безумные фонари!...

2 октября 70 г. я у Вологдова. Разговор о Назимире Малевиче. Николай Иванович по поводу "Красного квадрата", висящего на стене его комнаты:

"Эту вещь Малевич сам очень ценил и дал ее на своей ретро-спективной выставке в 1929 г... Что ж, это - "Джюоконда" нового искусства... Это не только надгробная плита старому, но и первый

камень нового искусства... Назимир не считал это живописью, слово "картина" вообще мало для него значило. Он смотрел на эту вещь, как на путь..."

Заговорили об А. Крученых, и Н.И. снова вернулся к Малевичу: "Его травили и гнали еще ожесточеннее, чем Крученых..."

Позднее я прочел в одном из писем К. Малевича к жене (датировано 15 сент. 1933 г.):

...прибыв в Москву, я позвонил из Изогиза Вологдову, который сильно обрадовался и пригласил меня к себе, он сейчас живет у Василия Каменского, который уехал, и он пока работает над Хлебниковым и футуризмом. Переночевав у него и хорошо позавтракав, ибо жена Каменского приготовила блинчиков и угостила очень хорошо. Насытившись довольно, я пошел опять в Изогиз, где и узнал, что 14 нужно придти для подписания договора, а был я 12 сентября!...

Пермяков вошел, вышел и снова вошел. Куда и откуда? Он этого не помнил.

Гречанка ждала его. Он не приходил. Она ждала его. Он пришел.

В комнате, где не было ее голоса, она сидела за столом, уронила волосы. Белая стена была еще как живая, словно только что умерла. Уперев взгляд в стену, гречанка покачивалась. Улыбка тронула ее губы и посинела. Хлыст стоял в стороне.

Пермяков на минуту задумался. Минута не шевелилась.

Струйка вина стекала со стола на пол. Усталость почувствовала Пермякова. Тусклая лампа раскачивалась, свисая на белом проводе. Слепое покрашенное окно напрягало слух так, что слышало собственную немоту.

Наконец, гречанка зашевелилась, и, наконец, Пермяков за. Стена остывала, словно только что умерла. Путая русские слова с несловами, женщина была пьяна.

Хлыст и Пермяков двинулись медленно навстречу друг другу. Тень женщины ползла к ней и умирала, не успевая доползти. Темнота стояла и лежала вдоль стен. И висела. Огромные глаза гречанки стояли, опираясь на посох и слез.

— Ты ведь ждала меня. Вот я и пришел, — сказал Пермяков.

Женщина пошатнулась.

— Любимый! — вымолвила она.

— Ты ведь ждала меня. Вот я и пришел, — сказал Пермяков.

— Любимый! — вымолвила она.

Окно так нпрягло слух, что услышало прикосновение руки к хлысту.

Удар был настолько силен, что алые струи ударили по окну.

Напрасно крики гречанки пытались разбудить мертвую стену.

Хлынул дождь. Слепове окно подставило безумное лицо струям.

Несколько размалеванных призраков появилось.

1-Й ПРИЗРАК

Смотрите, как бледны и счастливы наши жених и невеста! Он особенно бледен, а она особенно счастлива. А теперь - наоборот.

2-Й ПРИЗРАК

Надо придумать какой-нибудь тост. Придумать или сочинить.

3-Й ПРИЗРАК

Обязательно, обязательно! Тост или не тост.

4-Й ПРИЗРАК

Я свой тост начну так: дорогие жених и невеста! Дорогие гости! Дорогой я!...

5-Й ПРИЗРАК

А я свой продолжу так... Но что это? Вот история! Никто не знает, кто я такой. Теперь я и сам не знаю... Что делать? Остаться, уйти или покончить с собой при помощи часов?

1-Й ПРИЗРАК

Как это, при помощи часов?

5-Й ПРИЗРАК

А вот как: броситься на острие секунды, как древние римляне бросались на острие меча.

2-Й ПРИЗРАК

Накие странные мысли в такой час!

5-Й ПРИЗРАК

В такую секунду?

2-Й ПРИЗРАК

Ах, осторожнее с секундами!

3-Й ПРИЗРАК

А я свой тост так закончу: в эту радостную секунду... то-есть, простите! - в это радостное острив...

4-Й ПРИЗРАК

А я свой не начну так...

1-Й ПРИЗРАК

То все понимаю, но ничего не понимаю!

2-Й ПРИЗРАК

Что же тут непонятного? Мы гости. Мы создаем шум, веселье и тесноту. Вот например, я...

3-Й ПРИЗРАК

Вот например, шум...

1-Й ПРИЗРАК

Беру на себя тесноту и веселье!

4-Й ПРИЗРАК

Тихо! Жених хочет что-то сказать.

5-Й ПРИЗРАК

Жених тихо хочет что-то сказать...

Наступает молчание, в котором слышен мерный шум ливня.

1-Й ПРИЗРАК

Все тот же звук.

2-Й ПРИЗРАК

Все тот же цвет.

3-Й ПРИЗРАК

Что?...

— Ах, как я запыхался!... Простите! Здравствуйте! Добрый вечер!... Какая каменная крутая лестница! Сердце как бьется, а! Еле-еле дошел до вашего этажа. Сердце так тяжело поднималось по ступеням!... Ну, теперь я немного передохну, а о цели моего визита - потом. Пока вы что-нибудь скажите, пока говорите вы... А я отдышусь...

— Здесь, действительно, такая крутая лестница... так высоко... Дом очень старый, знаете... Меня зовут Владимир Иванович... Я сижу вот тут, хотел уже было читать книгу, вдруг вы постучали. Так запыхались, так тяжело поднимались по крутой лестнице... Вы пока отдышитесь, а я буду говорить...

— Нет, нет, вы уже сказали, а я... уже отдышался, отдохнул, сердце теперь так не бьется, словно готово выскочить каждую секунду... Теперь давайте помолчим некоторое время... Вы молчите, и я буду молчать... Вот так...

Спасаясь от ливня, в погребе набилось столько народу, была такая давка, что темнота, свет тусклой лампы и табачный дым перемешались в одно густое лиловое месиво. Взгляды были неподвижны, уста - безмолвны, лишь изредка из чьей-нибудь груди вырывался стон, примешиваясь отчаянием к лиловому месиву.

Молчали час, другой, третий.

Молчание темнело, вечер уже наступал. Два мира: за окнами и перед ними. Незнакомец становился все более неизвестным, Исленьев становился все более им. Он уже почти был невиден на фоне темного вечернего воздуха. Тишина за окном состояла из тысячей молчаний. Каменные дома неподвижно стояли мимо стремительного холодного ветра. Вспыхнули фонари. Время и темнота, поменявшись обличьями, смотрели в окна домов.

Время стремилось туда, где его еще не было, оттуда, где оно уже было. Огненюконицы-тени совершали вокруг фонарей свой бесшумный обряд.

В своей комнате Истленьев стал больше незнакомцем и гостем, чем его незнакомый гость. Он хотел появиться, выйти из темноты и молчания, но не мог.

Молчание, простираясь, доставало до окон, обнажало на фонарном свету свои рваные, как и раны, края и, словно прощаясь с темнотой, в отчаянии выкрикивало само себя.

Истленьев пытался хотя бы быть, но это было невозможно так же, как зеркалу увидеть свое отражение.

Темнота наполнялась невидимыми голосами:

1-Й ГОЛОС

Кто эти двое? Но их даже не двое - их меньше!

2-Й ГОЛОС

Один вопросительный знак и один восклицательный. Что вам ответить?

3-Й ГОЛОС

А у меня, знаете, мелькнула мысль. Вернее, я у нее мелькнул. Вернее - не вернее.

4-Й ГОЛОС

А со мной недавно произошел даже такой случай: ночью иду по улице, вдруг (по темной пустынной улице) трое мрачно выходят из-за угла и говорят мне: "Жизнь или смерть?" Я подумал: "А я-то откуда знаю? Что я вам призрак, что ли!" и ни слова не говоря прошел мимо. У них чуть глаза на лоб не повылазили, застыли мне вслед с раскрытыми ртами, окаменели...

6-Й ГОЛОС (вдруг)

Слышали?! Видели?! Звезды задыхаются!...

5-Й ГОЛОС

Боже! окрѣвавленный голос!

6-Й ГОЛОС

Ах, не окровавленный, не окровавленный, а 6-й!...

— Ах, с каким, ах, опозданием вы пришли! Вы опоздали ровно на два дня! А я уже потеряла всякую надежду вас дождаться. Теперь вы пришли, и у меня снова появилась надежда...

— Меня увидеть?

— Он еще шутит! Посмотрите на него! Наков!... Я так ждала, так тревожилась! Вот, смотрите: несколько седых секунд мелькнули... Я все смотрела в окно, думала, что-нибудь увижу, а увидела совсем другое: вдруг - ночь...

— Не продолжайте, прошу вас! А то увидите фонари и дождь, увидите струи... (в сторону) иуртс.

— Да, да, я только что хотела ужаснуться их цвету, но вы меня предупредили. Не буду... А как ваше здоровье? Как ваша ночь?

— Она здорова, благодарю вас. А как вы?... Какая у вас красивая прическа! - никакая. Волосы льются и темнеют, куда хотят... Знаете, какой вчера со мной приключился случай? Никакой. Я просто шел.

— И со мной приключалось такое же, поверьте. Я это знаю. Однажды иду, а ветер - мимо. Вот и вся история... Но что это?! Мне дышать стало трудно!... Вы хмуритесь?

— Да, у меня в характере вдруг появилась какая-то новая жесткая черта.

— Она у вас и на лице, у переносицы, где брови срослись... Подальше от окна! От звезд!

— Что такое? Звезды? Удушье?...

В окнах - время и темнота, поменявшиеся облучьями. У темноты - стремительная неподвижность времени, у времени - спокойное отчаянье темноты.

В погребе свет лампы задышался в густом табачном дыму, в духоте. Какие-то сдавленные стоны звучали. Послышались слезы. Глаз зашатался.

Пермяков и гречанка, стиснутые в толпе. В стиснутые, они молчали, понимая друг друга без слова, без взгляда, без бога.

Запекшаяся кровь на ее щеке. Хлыст или дождь? Гречанка была пьяна. Пермяков был. Несколько секунд, ржавых от крови.

1-Й ГОЛОС

Кто-то умер в толпе. Не то стиснули и раздавили, не то от одиночества.

2-Й ГОЛОС

Ах, у меня нету 2-го голоса!

3-Й ГОЛОС

Еще один! Надышался темноты.

4-Й ГОЛОС

Этот дождь - с небес или в небеса? Эти струи - может быть, они брызнули из земли?

5-Й ГОЛОС

Не знаю... Мне стиснули мысли...

6-Й ГОЛОС

Спросите у водосточных труб! Они знают... если они еще живы...

— Я почувствовал чье-то прикосновение и обернулся. Никого не было. Тогда я не обернулся. И сразу же появилась незнакомая женщина. Она была так прекрасна, что ветер остановился на миг. Ее взгляд пронесся мимо меня, он был холоден, как луч звезды. Я сказал. Мой голос разбился на куски, осколок фразы впился или ранил ее нежный слух. Вдруг секунда тысячелетней давности мелькнула, древняя. А женщина или сказала, или подумала, но вслух. Она продолжала: "Я буду говорить на языке часов и объясняться числами". Тут я проснулся и увидел, что не спал. Неслышанная красота женщины, сверкая, мощественно струилась и в прошлое, и в будущее. Я обезумел. Я подошел к горящему фонарю и встал под ним. Булыжный ветер крался по мостовой. Она приблизилась... И вдруг ее волосы рассыпались, фонарный свет, как золотой хищник, бросился на ее плечи, и пустынная ночь огласилась безумным ревом полыхающего в полнеба зверя...

— Да, это удивительная история! Без начала и без конца, с одной только полыхающей серединой...

— Простите, не желаете ли вы вступить в "Общество мертвых"?

— Нет, не могу. У меня сейчас масса других дел.

— Уверю вас, что более мертвого дела вы не найдете.

— Ах, как рано наступил этот поздний час!... Что за шутки в такое время?!

— Я сам не знаю, как это случилось. Помню только, что вместо неба была пустота.

— Спасибо. Вот моя шляпа. Я все понял. А вы, кажется, были без шляпы?

— Без зонта я был.

— У меня правило - никогда не стоять к окнам спиной. Стою к ним или лицом, или ничем. Слышите металлические нотки в моем голосе? Это сталь.

— Я уже видел сегодня одну железную вывеску. Вся заржавела под ливнями. Когда-то на ней было написано МЯСО. Теперь ее можно вешать над чем угодно.

— Над человеческим родом? Вот шутник!... Подайте-ка мне вон тот восклицательный знак! Бал-дарю!... Ух-ух! Что бы мне такое сделать? Начать обмахиваться японским веером или окоченеть от предчувствий?

— Советую вам ничего не советовать.

— Вот тоже, советчик! Я что-то в этом роде и предчувствовал... Где веер? Вот он... Представляете, вдруг бы ночь перешла на японский язык, на японские созвездия. Все небо в иероглифах, переувчивайтесь, господа астрологи!... Или вдруг голод и смерть, как в Индии. А?

— Или вдруг приступ удушья. О ком вы говорите? Я молчу о Вологдове.

— Вот молчун! На все же, вас могут услышать... Вчера я видел очень мрачный сон, а позавчера убедился, что он был вещим... Странное словосочетание - "сгустки дождя"!... Вы мне наступили на крыло!

— Крыло мое, нога ваша.

— В чем смысл всего? Увы! только на этот вопрос мы и знаем ответ... О, "Неизданный Хлебников" вышедший в 1940 году!...

Соня и Пермяков сидели. Соня и Пермяков стояли. Сонины голубые глаза, сонины болезненно-светлые волосы, сонино все.

За окнами стоял носопоставленный дождь. Водосточные трубы трубили. Железные крыши стекали потоками на мостовые.

— Соня! — не сказал Пермяков.

Она посмотрела.

Прошло 0,7 лет. Соня и Пермяков сдавлены толпой, укравшейся от фонарей и от ливня. Слышные и неслышные стоны. Стиснутые губы, стиснутое время...

Наконец, все исчезает. Остается только след в виде огромного, темного, сверкающего пространства.

Мучительно долго ждут жениха. Невеста и ее родители. А он все не приходит. Жених приходит. Поздно! Время покончило с собой. Часы звякнули и остановились. На цепочке покачивалась мертвая гиря.

В петлице у жениха был цветок. Сейчас жених войдет сюда из прихожей. Вот уже глаз показался. Родители отшатнулись. Сейчас он сделает еще одну попытку. Трость, ноги и жених. Вошли, сели, веселье, поздоровались.

— Ах, простите! Я, кажется, не сегодня пришел...

Невеста бледнела вдалеке от. Ее лицо было окружено волнами темных волос.

Жених посмотрел на время. Оно уже посинело.

— Повесилось на цепочке.

Он встал, чтобы сделать реверанс, но паркет поскользнулся и... окно зазвенело, стекло упало, разбрасывая красные пальцы. Жених бросился пальцами к лицу, но было другое. Он бросился к другому, но промахнулся и попал в каменные объятия стены. Нога и трость остались судорожно на стуле, блестя опрокинутым набалдашником. Цветок в петлице окрасился в противоположный цвет. Остальной жених забился и замер в объятиях стены.

Невеста посмотрела на небо: оно придавило время, подобно тяжелой надгробной плите.

Окрашенный цветок адел на фоне белых растерянных лиц. По надгробной плите прошли трещины. Жених робко попробовал улыбнуться, но улыбка соскользнула. Он понравил глаз и нацелился бровью

на трость, но нога, вскрикнув, заплясала на месте. Жених стал озиаться по сторонам, ища если не сочувствия, то хотя бы чего-то другого.

Заплаканные родители высохли. Они смотрели строго и прямо. Стена выпрямилась. Жених стал отряхивать с себя алые пальцы и окрасил вокруг стены и пол. Его второй глаз был далеко и не видел.

Невеста раскрыла книгу. Несколько черных строк привлекли ее внимание. Это была молитва. Надгробие темнело, трещины углублялись.

Жених подумал:

— Ах!...

Он собирал силы для нового реверанса. Он подтолкнул к себе спину. Она отделилась с трудом от стены.

Родители окружили дочь. Она молилась молча, как камень. Вдалеке от них двигались две руки жениха.

Рядом с ним висел галстук, он поправил его. Усики — он поправил и их. Поставив перед вопросительным знаком слово "что", он начал безмолвный разговор с собой:

— Что?

— Ничего, ничего, я просто так. Не обращайтесь внимания. Сейчас только подойду к зеркалу и посмотрюсь... О! Великолепно! Все на месте! Ура! Не хватает лишь зеркала...

Жених прислонился к стене. Сверкнуло обнаженное зеркало. Жених приблизился к нему, стал всматриваться, но зеркало не выдержало. Оно стало блевать окровавленным женихом.

Кровавая блевотина растеклась по стеклу. Жених упал, рассыпался, все покатило в разные стороны.

Родители невесты в ужасе забились в углы друг друга. Их лица белели вокруг расширенных безумных глаз.

Невеста бросилась к жениху. Надпись на тяжелой плите неба уже стерлась, и неизвестно было, какое время под нею погребено. Невеста схватила пустые черные рукава жениха и прижала к груди. Его окровавленный глаз закатился далеко в угол и, сверкая там в темноте, косился на запекшуюся петлицу.

Огромные слезы расшатывали глаза невесты. Вдруг раздался ее безумный вопль. Почерневшее надгробие расколосось, загрохотал гром, и ливень ударил по окнам.

До(ночь)ждь. Нропотнинская. Я вижу комнату Вологдова. В ней двою: он и гость.

ВОЛОГДОВ (*глядя в окно*)

Бессонница дожда.

ГОСТЬ (*после паузы*)

Неужели, все-таки, нет бога? О, ужас! О, если бы я мог это знать точно!

ВОЛОГДОВ

Что бы вы тогда сделали?

ГОСТЬ

Я бы все перестал делать!

ВОЛОГДОВ (*тихо*)

Как, даже молиться?...

Фонари освещают шум ливня...

В ожидании жениха мать и отец невесты сидели молча. Отец был так тщательно выбрит, что страшно было шелохнуться. Он думал:

— Зверинец чисел?... Хищное число 400. Черное, оно мяукает и изгибает спину... Что еще? Ах, да! У чисел - клыки...

Тут поток его мыслей был прерван молчанием жены. Оно и она темнели в углу, их контуры терялись в сумраке. Поток мыслей был прерван и уже не возобновлялся.

Мать невесты вдруг раздвоилась. Одна осталась сидеть на своем месте, а другая, сопровождаемая тихими взглядами первой, вышла и больше никогда не возвращалась.

Невеста все никак не могла найти зеркало, хотя уже несколько раз проходила мимо него. Она остановилась перед стеной и стала напряженно всматриваться в ее поверхность, ища свое отражение.

Отражение, наконец, появилось. Оно было расплывчатое и цветное. Вместо глаз был неподвижный синий туман. Волосы спускались черными выступами и углами. Немного поодаль она различила свое лицо. Оно в виде двух бледных или в виде нескольких блед-

ных сияний возникало на темной стене. Растерянная улыбка и губы все никак не могли соединиться и блуждали, то удаляясь, то приближаясь друг к другу.

Несколько черных чисел обозначали ее ресницы и брови. Невеста нахмурилась, нахмурилась и эти числа. Четные и нечетные ресницы опустились в виде тени на половину лица.

Отражалась глубина комнаты с сидящими в креслах отцом и матерью. Они были настолько неузнаваемы сквозь судорожный бледно-синий туман, что их, наконец, можно было узнать.

Отец изгибался и нлубился в виде черного дыма, вдруг красная манжета мелькала, то голубой шрам через всю стену. Мысль о числах ползала у его ног, жалобно изгибая спину. Отец то исчезал, то не исчезал. Вдруг он стал темно-малиновым дымом, из которого выбросились белые пальцы.

Отражение матери двоилось, хотя она давно уже была одна.

Вдруг невеста увидела жениха. Он не то стоял, не то шел, опережаемый тростью. Его взгляд сопровождать уличный фонарь, был поздний вечер. Висели тучи. Несколько капель сорвались с неба и, пролетая мимо идущего фонаря, сверкнули, как темно-красные искры...

ОТЕЦ

Я теперь решил думать только вслух. Так легче заметить какую-нибудь неправильную или грешную мысль, и так труднее ошибиться. Вот, например, сегодня, когда я брился, вдруг одна страшная мысль у меня в руке сверкнула. Я вскрикнул, и она исчезла... мда...

ДОЧЬ

Куда я ни погляжу, я всюду вижу свое отражение. Я в каждой вещи вижу лишь себя. Что мне делать, пугаться или да?

ОТЕЦ

Смешная, это же закон природы! Мы в каждой вещи и в каждом явлении видим отражение себя. И чем вещь лучше отполирована, тем отражение слабее. Вот, например, зеркала...

Жених всюду на что-нибудь натыкался и ранился. То на одно, то на других, то снова на других. Он думал:

— Мое детство прошло на берегу реки. Я помню, как на другой день вытащили тело утопленницы. Ее волосы свисали, неживые...

Он мог сидеть молча целыми часами. Или мог неожиданно разрубить час надвое одной только фразой.

Как-то Пермяков вошел, жених молча облокотившись сидел. Шло время. Он так и не проронил ни звука, час был не разрублен...

Между тем, молчание перекинулось на другой конец залы:

1-Й ГОСТЬ

А что если обмануть наконечники часовых стрелок в яд?

2-Й ГОСТЬ

Тогда последний удар полночи будет смертельным, я полагаю.

3-Й ГОСТЬ

Так можно умертвить весь город при помощи башенных часов!

4-Й ГОСТЬ

Во мне есть два удивительных качества, и оба - не удивительные.

5-Й ГОСТЬ

Так где же, все-таки, Истленьев? Нигде?

6-Й ГОСТЬ

Боюсь, что его нету и там.

7-Й ГОСТЬ *(после паузы)*

Хотело пройти несколько часов, но не прошло и часа. Ночь была в самом разгаре. Я люблю это время суток. Ночь, как и чай, должна настояться. Чай, как и ночь, открывает нам звезды... Вдруг я увидел Эвелину и Истленьева. Их сопровождал фонарь. Все трое казались призраками. Вернее, все четверо, потому что я тоже почувствовал себя вдруг прозрачным и невесомым, как время. Волосы Эвелины были распущены, фонарь пошатывался, каж-

дая секунда была из чистого золота. Истленьев что-то говорил или что-то молчал, помню только, что ничего не было слышно... Это напоминало детскую игру: крыши подбрасывали над собой звезды... Эвелина остановилась, фонарь призрачным светом коснулся ее волос. Несколько секунд время было обнажено. Подброшенные звезды замерли в небе. Эвелина мерцала. Увидеть ее стоило жизни каждому мгновению. Они умирали одно за другим... Вдруг - вдруг, а за ним - Пермяков. Бледный, прозрачный, в руке его что-то сверкнуло. Звезды отшатнулись. Кажется, ветер был из железа, а крыши - из ветра...

ЭВЕЛИНА (*Истленьеву*)

Вы молчите?

ИСТЛЕНЬЕВ

Нет, Эвелина, нет... я говорю... я говорю: "Нак здесь удивительно тихо!"... Что это за улица? Кропоткинская?... (*замечая Пермякова*) О!...

ПЕРМЯКОВ (*приближаясь*)

Нак?! И вы здесь? И я? Вот не ожидал! Вот не ожидали! А я, не зная, куда деться, и думая, что я один, иду себе...

ЭВЕЛИНА (*в сторону*)

Следом за бритвой.

ПЕРМЯКОВ

...следом за своей тенью. Мы с ней поменялись ролями, я ее провожаю.

ЭВЕЛИНА

В качестве оруженосца?

ПЕРМЯКОВ

Ах, какое там оружие! Горло, сонная артерия - вот и все оружие... (*вдруг*) О, Эвелина! Как я вас люблю! Знаете, как я вас люблю? Да от моей любви боги завелись в складках ночи! В подкладке у нее ими так и кишит! Слышите?!

ЭВЕЛИНА

Тихо! Истленьев услышит.

ПЕРМЯНОВ

Кто? Истленьев?! Нету его! Нету ни Истленьева, ни фонаря!...
Никого нету!!

ЭВЕЛИНА (*растерянно*)

Истленьев, вас нету?

ИСТЛЕНЬЕВ

Да, Эвелина... я есть...

ЭВЕЛИНА

Если вы есть, то я вас покидаю! Я больше не могу! Вам нужна другая...

ПЕРМЯНОВ

Моя Эвелина! Моя! Никому не отдам! Моя!...

ЭВЕЛИНА

Твоя! Твоя! Увези только скорее!... Куда-нибудь... (*исчезают*)

Не знали, откуда появится ночь. Окна выходили на север. Они держали несколько последних лучей света.

Я пишу эти строки 13 октября 70 г.

Холод стал в профиль. Железные крыши вырубали в небе уступы.

Из письма Н.И. Вологдова (июнь 70 г.):

Дорогой Володя, мое море продолжает высыхать, выцветает и тускнеет, о чем Вы можете судить по цвету этого письма. Пусть Вас не пугают размеры Вашего чудовища. Каждый лирический поэт пишет, в сущности, единственное произведение, остающееся неза-
конченным.

Вы - "есть" - иначе бы я не получил ответа на свое письмо.

Не относитесь к хозяйским верблюдатам с государственной не-
контактностью. Только они могут Вас одарить чисто зоологиче-

ским оптимизмом. Но когда молодой пишет письмо старику, то невольно становится его сверстником...

В темных подворотнях толпился и горбился воздух.

Улица. Двое:

Г

Ну, как вы?

Д

Ах! - полуживой. Да, добро бы, осталась в живых лучшая или худшая половина, а то - средняя. Вот беда!

Г

Говорят, число 587 незаменимо в подобных случаях. В других случаях - числа 6 и 1000000000000.

Д

Что касается меня, то я олицетворяю собой число 0,5. А какое вы можете предложить числовое обозначение для бога?

Г

По-моему, дважды два.

Д

А по-моему, дробь, у которой числитель во столько раз меньше знаменателя, во сколько небеса больше самих себя... Но что это за вывеска? Вы не видите?... Какая странная! Как ржавчина ее всю изъела! Ни одной буквы не разобрать. А ведь что-то было написано.

Г

КРОВАВАЯ БАНЯ?

Д

Что?!

Г

КРО...

Д

Бог с вами! Бог с вами, безумец! Вы вслух подумали такое!...
Надо же предположить! Надо же додуматься до такого! Может быть,
еще произнесете и "кровавый банщик"?

Г

То-есть, я хотел сказать просто БАНЯ или просто БОГ. Без всякого прибавления слова КРОВАВЫЙ. Могло ведь такое быть написано? Могло ведь? А?

Д

Нет, но додуматься до такого! КРОВАВЫЙ ДУШ! Надо же до такого
дойти!... Ну и ну! Ну и ну!...

Левицкий остановился на мгновение, хотя и не шел. Вокруг него было вокруг него. Нищий протянул руку. Монета угрожающе засвистела и вдруг, вспыхнув, словно золотым хлыстом ударила нищего по глазам. Рука отдернулась, лохмотья вскрикнули, он завертелся волчком, ловя в черном воздухе свои невидящие глаза.

Образчик прозы Александра Григорьевича Левицкого:

"Ну вот, - вздохнули крестьяне, - ну вот", - вздохнули, они всегда в таких случаях вздыхали, в нетаких, в других, в третьих, но сейчас именно в таком случае вздохнули, как бы оправдывая ту поговорку, как бы оправдывая ту, что гласит, ту, что, ту, что не ту, что гласила, будет гласить, будет оправдывать вздохи, оправдывая тех крестьян, той деревни, где небо висит кусками, дым висит трубами, руки висят граблями, и ночь, и... тут можно было бы продолжать без конца, начинать без начала, без продолжения, без крестьян, вздохов и висящих кусков, с одним только одним, уповая. До первых петухов, до вторых петухов и до третьих, тоже петухов. Имена: Мария, Зинаида, Алевтина, Прасковья, Ольга, Нлавдия, Надежда. Лидия смотрела на себя в зеркало, держа в руке список заслуг Михаила. А тот. Тот а. { Деревня. Редевня. Деревня. Гугурня. Прасковья. В ноздри ему ударил терпкий запах земли и неба. Он был Михаилом. Лидия, казалось, отстранилась от своих длинных темных ресниц. Несколько Михайлов стояло в углу. Один из них с топором, другие хмурили брови. Лидия молчала. Потом она отрелась от всего, о чем молчала. Сердце ее принадлежало другим. Без часов наступила полночь. На крик Лидии сбежались сбежались. Одна из сбежались, по имени Анастасия, всплеснула руками, вопль. А было так: топор не слушался Михаила, он сам поднялся над его головой и, со свистом обрушившись, разрубил Лидию. Лидия рухнула, лицо у зеркала стало бревенчатым. В углу закачалась одна луна и две ночи...

Как только наступила ночь, наступил день. Все удивились.
Чей-то голос, судя по лохмотьям - нищего, произнес:

— Какое странное явление! В нем есть что-то от природы...

Стояла девушка. Имя "Мария" летело к ней.

— День так день, - подумали все и разошлись.

Девушка взглянула вверх: оттуда темнели железом крыши. Водосточные доспехи стояли возле каменных стен.

Из-за горизонта показалось время. Подуло холодом. Девушка вошла в город.

— Милости просим! - сказал октябрь.

Звук сей любезности приветлив,
Как в предрассветный ранний час -
Небес заржавленные петли,
Жестокий флюгера приказ...

Левицкий и Мария. Мария и Левицкий. И, Мария, Левицкий...и т.д. Он был щедр на восклицательные знаки, улыбки, молчание.

— Помнить, что всегда стоишь лицом к богу, - сказал он ей.

МАРИЯ

500 + 500 = 609

ЛЕВИЦКИЙ

Простите, Мария, но здесь вами допущена интонационная ошибка. Ведь все эти так называемые точные науки зиждутся исключительно на интонациях. Вот, например, закон Архимеда - что это такое? Жидкость, всего-навсего.

МАРИЯ

Да, вы, пожалуй, правы. Я вспоминаю зловещие интонации дождя. А крыши! В них было что-то грозное и неумолимое, как звук "Кр" в фамилии Крученных... А который час?

ЛЕВИЦКИЙ

А который.

МАРИЯ

Я люблю вашу краткость.

ЛЕВИЦНИЙ

(в сторону) Краткая любовь. (Марии) Мария, я сейчас сказал в сторону: "Краткая любовь".

МАРИЯ (не слыша)

Мне снился странный сон. Там - продавщица газированной воды. Перед ней - красные колбы с сипором. Она наливает его в стаканы, он липкий красный, словно... Колбы стеклянные, их легко разбить, один невосторожный жест и... осколки, лицо, руки... А сон все снится: зеленая лошадь, как на картине Ларионова, и, неизвестно откуда взявшийся, жених - весь в черном, с тросточкой, смертельно бледный, как гость живых. Он протягивает руку к стакану...

ЛЕВИЦНИЙ

Ах, Мария! Я не хотел ставить ваше имя между "ах" и восклицательным знаком.

МАРИЯ

Тем временем жених тем временем.

ЛЕВИЦНИЙ

Мария, позвольте мне вспомнить и забыть мое детство! Вспомнил. Забыл.

МАРИЯ

Я люблю числа 1000 и 3000. Несмотря на различие в нулях, в них много общего, в этих двух числах.

ЛЕВИЦНИЙ

В них много многого. Это великий закон небесных тел: чем больше, тем еще больше.

Мария

Когда я проснулась, жениха уже не было. Кто-то проворно подмел и убрал осколки... Что это за крыша? Как она называется?

ЛЕВИЦНИЙ

У нее номер.

МАРИЯ

Какой?

ЛЕВИЦНИЙ

Порядковый.

МАРИЯ

Какой?

ЛЕВИЦНИЙ

Третий от бога.

МАРИЯ

Безумец!... первый от крыши... Помните, Нуклин говорил однажды, что будущее поэзии и прозы - за числами? Что ж, он, по моему, прав. К прав У прав К прав Л прав И прав Н прав. И мне число 909 говорит больше, чем весь Достоевский.

ЛЕВИЦНИЙ

А мне - чем весь Толстой. Лев Ермолаевич... О чем вы, Мария?

МАРИЯ

Кто-то проворно убрал осколки.

ЛЕВИЦНИЙ

О чем я, Мария?

МАРИЯ

Кто-то проворно убрал осколки... Вы сейчас так грустно посмотрели!

ЛЕВИЦНИЙ

Не может быть, что сейчас. Не может быть, что грустно. Не может быть, что посмотрел. Вас ввела в заблуждение вот эта даль.

МАРИЯ

О, городская даль! То, что мы за нее принимаем, может оказаться всего-навсего крышей. Представляет? - дом покрыт железной далью.

ЛЕВИЦНИЙ

Железная даль? Прекрасно! Славо найдено!

МАРИЯ

Что же теперь делать?

ЛЕВИЦНИЙ

Вам - быть Марией.

МАРИЯ

Но что это? Я вижу, приближается толпа. Странное шествие!... Ного-то ведут... Я знаю, что вы сейчас скажете. "Раз ведут, значит это не похоронная процессия". Какой вы странный и одинокий человек!

ЛЕВИЦНИЙ

Что ж, удаляюсь, чтобы быть им... Железная даль, вы говорите?... *(исчезает)*

Вдруг не наступила ночь. Вдруг не. Фонари вспыхнули в положенное время, но это не принесло темноты.

Из уст в уста передовалось слово "странно!". Звезд не было, только отточенные железные крыши.

Окна были полны тревожным мерцающим светом. Они подходили и ссыпали его к ногам оцепеневших гостей. Хозяйка была приветлива, улыбалась. Хозяйка была.

Звелина и Пермяков стремительно медлили в городских лабиринтах.

На улице Истленьев и встречный ветер образовывали, сталкиваясь, что-то видимое, мелькающее, похожее на призрак с крутящимися рунами.

Левецкий бросался от крыши к крыше, от себя к себе.

Тучи, освещенные незаходящим светом, темнели низко.

Голоса:

— Здравствуйте! Смотрите, нет ночи!

— Как! Разве нету!? Зачем же я тогда вышел?...

Другие голоса:

— С моим племянником произошло что-то необъяснимое. Он исчез и с каждым днем становится все незаметнее.

— Знаете, я всегда был сторонником крайних средств. Вот, например: я всегда был сторонником крайних средств...

Третьи голоса:

— Тп06962%ЖыФ, "ю0А4=9И §§==Т%25СьБдлы9щТПИ%:::%Еиа:ът-РАм, Аьч, 3-3+§№91071=Эо/н/ь/

— Что вы! Что вы! Совсем наоборот!...

Какая-то сила влекла в грубь улиц Эвелину и Пермякова. Другая сила преграждала дорогу...

ЭВЕЛИНА

Ах, мне показалось, что это Истленьев!

ПЕРМЯКОВ

Ему это тоже только казалось.

ЭВЕЛИНА

Как вы жестоки!... Или, быть может, все мы - это лишь часть бесконечной жестокости?

ПЕРМЯКОВ

Я знаю только одно. А это - другов... Что с вами, Эвелина?

ЭВЕЛИНА

Нет, ничего. Мне холод помешал согреться... А где же ночь?

ПЕРМЯКОВ

Она здесь, Эвелина. Невидимая для наших глаз, неслышимая для наших нет.

ЭВЕЛИНА

И фонари похожи на безумцев, светящих днем.

ПЕРМЯКОВ

Есть два вида безумия: Дневное и ночное. И все бывает двух видов: безумным или мертвым.

ЭВЕЛИНА

Как мрачно и так точно!

ПЕРМЯКОВ

Вы на меня сейчас так посмотрели, как будто вы на меня посмотрели.

ЭВЕЛИНА (*порывисто*)

Вы меня еще любите, Пермяков?

ПЕРМЯКОВ

Да! Клянусь моею любовью.

ЭВЕЛИНА

Какой у вас страшный взгляд! И брови, и лоб, и небо... Где мы? И почему где мы?

ПЕРМЯКОВ

Мы между жизнью и жизнью. Вот почему.

ЭВЕЛИНА

Я, вы и холод. А за углом, может быть, прячется кто-то четвертый.

ПЕРМЯКОВ

Или двое четвертых... Не бойтесь, Эвелина, я ради вас готов на все. И все тоже готово.

ЗВЕЛИНА

Сколько безымянных секунд!... Знаете, мне вчера снился страшный сон: будто вы подкрались к моему изголовью. А я лежала больная, почти при смерти. Вы склонились надо мной и смотрели так пристально! И что-то у вас в глазах вдруг сверкнуло... страшнее, чем в руке. Я проснулась, вы нехотя исчезли...

ПЕРМЯКОВ

Звелина, Звелина! Прошу вас, не думайте! Или, хотя бы, просто не!

ЗВЕЛИНА (*задумчиво*)

Левецкий, кажется, умел толковать сны.

ПЕРМЯКОВ

Да, он с ними обращался очень по-свойски. Брал и толковал.

ЗВЕДИНА

И был убедителен.

ПЕРМЯКОВ

Да, как эта ночь без темноты...

Наступило. Не наступило. Кто. Кты. Кте. Ктой. Ночь, Истленьев, ночь. Железные крыши с грохотом взбирались на небо. Несколько случайных прохожих торопливо несли свое несколько. Ночь без темноты, с фонарями, с грудями ненужного света. Было странно до призрачности. Каждое мгновение можно было принять за безумца.

Люди, стиснутые в погребке, были неподвижны. Их неподвижность пугала стены. Их неподвижность передалась стенам.

Два мощных потока времени двигались друг другу навстречу. Истленьев и Нуклин столкнулись, как два мгновения:

НУКЛИН

Это вы? Вот так встреча! Это я? Вот так встреча! Откуда вы? Я - оттуда. Откуда вы? Я - снова оттуда.

ИСТЛЕНЬЕВ

А я здесь был и... кажется, один. Стал думать, как я здесь очутился. Оказалось: стал думать.

КУНЛИН

Вот и со мной - такой же случай. И такой же другой... Боже! Как время летит, описывая странную кривую! Еще вчера я был, а сегодня я уже буду... Владимир Иванович, вы помните Пермякова? Вы помните Эвелину? Вы помните Марию? Вы помните Левицкого? Вопрос за вопросом.

ИСТЛЕНЬЕВ

Ответ за ответом.

КУНЛИН

Как рассеянно и тяжело вы посмотрели! Как Варшава вслед уезжающему поезду.

ИСТЛЕНЬЕВ

Варшава? Поезд? Кунлин? Вы помните Кунлина?

КУНЛИН

Нет.

ИСТЛЕНЬЕВ

Простите! У меня все в голове перепуталось!... Ведь вы и есть Варшава?

КУНЛИН

Да, столица Македонии... Но, что с вами?

ИСТЛЕНЬЕВ

Эта крыша грохочет, как железный поезд... Со мною? - ничего... Светло, как днем, а темно, как ночью.

КУНЛИН

Бог мой! Ночь без темноты! Какой незнакомый зловещий свет! И фонари, и тучи! Что же это такое?

ИСТЛЕНЬЕВ

Спросим у А.Г. Левицкого. Он толкует сны.

КУНЛИН

Нет, он толкует спросим. Он жив - вот его профессия.

ИСТЛЕНЬЕВ

Жив? Я н-не помню...

КУНЛИН

Я и сам стал после смерти забывчив.

ИСТЛЕНЬЕВ

Да?... Простите! я не хотел этого вопросительного знака. Простите! я хотел...

КУНЛИН

Другой вопросительный знак? Прощаю оба... А я иду, вдруг на встречу - вы, и на улице у вас уже виноватое выражение... Что-то я еще хотел сказать и забыл... Что-то мрачнов, какую-то шутку, что ли...

ИСТЛЕНЬЕВ

Одной больше, одной меньше... Не огорчайтесь.

КУНЛИН

Вы правы... Смотрите-ка, нас ветром уносит на другую улицу!

ИСТЛЕНЬЕВ

Что? На другую или с другой?

КУНЛИН

Ах, мне уже все равно! То-есть, простите, не "ах!". Но как же Эвелина? Ведь вы ее любили? Но как же Мария? Ведь вы ее любили? Но как же ночь? Ведь она без темноты!

ИСТЛЕНЬЕВ

Да... я их и сейчас люблю... и без темноты... Припадки стали чаще... разбил драгоценную китайскую вазу... Да, а где-то темнота без ночи... 829... восемьсот 20 девять... 0,00019...

НУКЛИН

(в сторону) Бредит!... (бредит) В сторону!...

Нуклин в ужасе убегает. Истленьев в ужасе остается...

Декабрь 69 г. Уговариваемся с Н.И. Вологдовым вместе встречать Новый год у него. Накануне я звоню ему по телефону и в разговоре сообщаю о количестве вина, которое собираюсь закупить. Н.И.:

— Берите больше, Володя! Вдруг придут Хармс или Крученых...
Из письма Д. Бурлюка Н.И. Вологдову (1 декабря 65 г.):

Мы желаем быть с вами в конвейерном контакте. Вы ведь для нас - самый ценный, интересный на Родине нашей...

– Окно отворилось с безоблачным стуком...

– Откуда эта строка? Вы же так тихо и так странно прочитали!... Что с вами? Вы живы?

– Жив только голос.

– Так вот почему! А я весь превратился в слух, да так и остался, окаменел... Прошу вас, дайте еще несколько строк!

– Что ж, вот они:

Из окна упав на плиты,
 Небо хладное лежит.
 Графини бледные латины -
 Их мимо светлый луч дрожит.
 И с выражением на лице
 Его измучившей загробной скуки
 Граф протянул к бойнице платок
 И вместе с ним дрожащие руки.
 Стерев с стекла золотую пыль,
 Он оперся на свой костыль.
 Его лучи насквозь пронзали,
 И стало тихо в мертвом зале...

– Ваш голос в темноте почти не виден... А я люблю поэзию, знайте. Помню, Острогский однажды сказал: "Только о двух вещах и интересно разговаривать: о поэзии и о Коляме"... Поэзия, по моему, то же ночное кладбище, где тяжелые каменные плиты незыблемы, а над ними все - мираж, и воздух полон призраков, готовых растаять каждое мгновение, и все это обито мерцающим светом звезд...

– Вы, должно быть, правы, потому что у меня вдруг заболело веко.

– Это признак?

– Да или нет. Что-нибудь одно из нет...

– Я превратился в слух, а все превратилось в молчание...

Стало так тихо, что было слышно, как дышат стены...

Помнит ли читатель сестер Марии - Анну и Ольгу, упоминавших-ся в самом начале романа? Вот они, в гостиной Витковских.

Окна выходят на улицу. Свет входит с улицы. Четыре стены: первая, вторая и две третьих. Какой-то призрак, какая-то тень. Истленьев? Несколько слабых мгновений зеркало держит его...

Вдруг исчезает...

АННА

Звездные сгустки? Это скопления многих близких звезд в одном месте. Общая фигура их весьма разнообразна: в одних звезды разбросаны, повидимому без всякого порядка, в других они рассеяны на пространстве шара, у центра которого замечается особенное обилие звезд, а по краям они реже, наконец, некоторые сгустки представляются правильным диском, внутри которого отдельные звезды распределены довольно равномерно. Число звезд в сгустках тоже весьма различно: от нескольких десятков до многих тысяч.

ОЛЬГА

А как давно эти сгустки известны астрономам?

АННА

До изобретения зрительных труб были известны: Плеяды и Гиады в созвездии Тельца и Ясли в созвездии Рака. После же изобретения зрительных труб число открытых звездных сгустков непрерывно увеличивалось. Вот наиболее замечательные и легче других наблюдаемые звездные сгустки:

Тукан - шарообразный весьма красивый сгусток.

Персей - двойной сгусток, обильный яркими звездами.

Телец - Плеяды; хорошие глаза различают 14 звезд.

Близнецы - очень обильный и красивый сгусток.

Рак - Ясли; легко различается даже слабыми трубами.

Корабль - большой и почти круглый сгусток.

Южный Крест - состоит из многих ярких звезд.

Центавр - самый большой сгусток, более 5000 звезд.

Геркулес - чрезвычайно яркий и красивый сгусток...

ПОЭТ (появляясь)

Простите, я, кажется, прервал вашу ученую беседу?

АННА

Кажется, но не прервали. Откуда вы теперь? Вас так давно не было видно!... Пишите ли вы попрежнему стихи?

ПОЭТ

Нет.

ОЛЬГА

А что же вы делаете?

ПОЭТ

Удивляюсь тому, что когда-то писал.

АННА

Пожалуйста, прочтите то, что вас более всего удивляет.

ОЛЬГА

Да, да! Прочтите!

ПОЭТ

Устал у камня у воды
 У неба около
 Стоял вели его следы
 На берег озера высокого
 Из воды та что из вышла
 Он стоял ве и слышал
 Тихо волосы и воздух
 Тихо темные глаза
 В кулаке зажаты звезды
 Лучами пронзая и руку назад
 Мгновенья долго пролетали
 Ее глаза к его огромны
 Откуда нож? Он был из стали
 Настало быть полоскам темным

Рухнула грудой ресниц и волос
 Над нею над ними "о!" пронеслось
 Потом нашли два легких трупа
 Их схоронили у холмов
 И падало отвесно круто
 Молчанье каменных улов...

НУКЛИН (входя)

Нуклин, входя.

АННА (поэту)

Анна поэту.

ОЛЬГА (глядя в окно)

На фоне этого беспредельного неба каким мелким становится вся-
 ков безбожие!

НУКЛИН

Да, да, да, вы правы! А какие грозные тучи! Я только что с
 улицы, и вдруг - ваши справедливые слова...

Темнота появилась вместе с утром. Фонари погасли, и стало
 еще темнее. Тучи опустились ниже, и стало еще темнее. Стало
 еще темнее, и стало еще темнее.

В расщелинах туч мгновениями становились видны звезды, кро-
 воточащие густым светом. Тучи с грохотом передвигались, и
 сверкающие звездные сгустки, казалось, готовы были стечь по
 водосточному железу на мостовые. Стоял такой скрежет, словно
 на город надвинулись две течи одновременно.

Население забило в свои дома, бездомные забились в свое
 бездомье.

Сизов удушье туч повисло над Кропоткинской тяжело, но вдруг
 какая-то безумная звезда взлетала дерзко, как голова Вологдо-
 ва на его портрете работы Давида Бурлюка.

Только горстка людей металась по вымершим улицам, настигае-
 мая повсюду своими неумоливыми именами: Пермяков, Эвелина,
 Истленьев, Нуклин, Мария, Левицкий...

Н. Вологдов - В. Назанову:

Дорогой Володя,

Если улица в направлении роста чисел - путь без конца, то постарайтесь дойти до № 1, неужели же и его нет? Не верно! Извольте дойти до № 1 и меня успокоить: Это что еще за бесконечность в обе стороны!

Сегодня и у нас был сильный холодный ливень, и град стучал в стекла, как ворон в окно последней "баньки" Хлебникова. Все омыто дождем, но у меня уже старческое зрение и поэтому все краски природы как-то померкли.

Единственный мой выход - в музей на Волхонке, где выставлена немецкая гравюра первой четверти века (из ЭфЭрГе): много тошнотворной экспрессионистской дряни, но есть и талантливые: Лембрук, Файнингер, Марк, Нокошка, Майднер и, представьте себе, Жорж Гросс. И один гений - Пауль Клее: несколько нерукотворных листов, в том числе "Канатоходец" - черная фигурка в воздухе, в тусклолиловой пустоте, на фоне огромного белого креста, которому мог бы позавидовать даже Малевич.

Думаю, что Эрику XXV лучше бы не звонить: к чему этот телефонный разговор глухонемых без жестикуляции.

Та девочка жива и прыгает, обожавшая нечистоплотными кретинами - родителями. А Е.М.Р. о выставке ничего не говорит и уже не прыгает.

Скучно на этом свете, Володя. Впрочем, я ошибаюсь.

Н.В.

Окна отступили во тьму, и гости хозяйки остались в сумерках, потом - в сплошной дневной темноте...

1-Й ГОЛОС

Вы слышите, как дышат звезды?

2-Й ГОЛОС

Я слышу, как они задыхаются.

3-Й ГОЛОС

Хочется сказать что-то последнее.

4-Й ГОЛОС

Тише! Пусть будет последнее молчание...

Наступило молчание. Оно думало:

— Названия государств устарели. Не пора ли им дать числовые обозначения? Например: была Россия, станет государство № 73 и т.д....

1-Й ГОЛОС

Чей-то страх пополз по моей спине!

2-Й ГОЛОС

Мы - гости. Нас много. А темнота... пройдет.

3-Й ГОЛОС

Как-только наступит ночь?

2-Й ГОЛОС

Не обязательно ночь. Может быть, просто наступит.

3-Й ГОЛОС

Они странно говорят, или я странно слышу?... Если все это - сон, то он снится безумцу.

4-Й ГОЛОС

Если это - уже пробуждение, то это пробуждение мертвеца.

5-Й ГОЛОС

Нет, нет! Это не то и другое, и не третье! Это - девяносто девятое...

1-Й ГОЛОС (*после паузы*)

Вы слышите шум? Это ливень!

2-Й ГОЛОС

Накое счастье, что фонари не светят!

3-Й ГОЛОС

Разве нельзя по звуку определить цвет?

ХОЗЯЙКА

Ах, прошу вас! Прошу вас! Не надо об этом! Говорите лучше о звездах, о чае... о чем угодно.

4-Й ГОЛОС

Да, да, о звездах... Да, я согласен... И правда, звездные сгустки...

5-Й ГОЛОС

Сгустки?! Запекшиеся сгустки чего?

1-Й ГОЛОС

Чая?

2-Й ГОЛОС

2-го голоса?

3-Й ГОЛОС

Меня?

4-Й ГОЛОС

Боже!

5-Й ГОЛОС

Бога?!

4-Й ГОЛОС

Да нет же! Я просто воскликнул: "Боже!"... Это наков-то безумие!

5-Й ГОСТЬ

Сгустки безумия.

1-Й ГОЛОС

Пощадите же нашу хозяйку! Пошадим ее! Помолчим хоть несколько мгновений...

Наступает тишина, за ней - другая и третья...

2-Й ГОЛОС

Молчание сгущается... То-есть, простите, я не хотел...

3-Й ГОЛОС

Я больше не могу! Я буду говорить о чае. Чай - это молчание каких-то сил.

4-Й ГОЛОС

Молчание, не переводимое ни на какой язык.

5-Й ГОЛОС

Ах, мой платок обвезумел от собственной белизны!

1-Й ГОЛОС

Это молчание чая или ваш голос?

5-Й ГОЛОС

Мой, мой голос! Пятый.

2-Й ГОЛОС

Нас странное количество! Нас больше, чем меньше.

3-Й ГОЛОС

Нас больше, чем нас.

4-Й ГОЛОС

Боже, какой звук у этого ливня! Кажется, сбывается пророческий цвет чая.

5-Й ГОЛОС

А ведь никто не обращал внимания! А цвет-то, действительно, пророческий!

2-Й ГОЛОС

Мой голос побелел, как платок.

1-Й ГОСТЬ

Нет, поверх уже темнеют пятна пророчества.

3-Й ГОЛОС

Прошу вас, не говорите о белом цвете! Ливень услышит.

5-Й ГОЛОС

Разрешите мне, я хочу прочесть вам свою исповедь.

3-Й ГОЛОС

Нам и ливню.

4-Й ГОЛОС

Что? Исповедь ливня?!

2-Й ГОЛОС

Да нет же! Исповедь ливню.

1-Й ГОЛОС

Читайте, читайте, пока молчат фонари!

3-Й ГОЛОС

Читайте, читайте, пока молчим мы!

ХОЗЯЙКА

Вы заглушаете его своим молчанием.

5-Й ГОЛОС

Я начну свою исповедь издавна... из Смоленска... А вы знаете, что пытки на Руси были отменены при императрице Екатерине II? И с тех пор не раз еще отменялись...

4-Й ГОЛОС

Ничего не понимаю! Исповедь или пытка?

5-Й ГОЛОС (в отчаянии)

И то, и другое...

Темное утро сменилось кромешным днем. Темное. Емное. Мное. Нов. Ов. Е. Ов. Нов. Мное. Емное. Темное.

Какой-то человек и какие-то люди укрылись в одной из каменных подворотен. Мимо стремительно пронесся Нуклин, как время проносится мимо остановившихся часов. Он думал: "Нет, нет! Я не думал...".

Пермяков, пьяный от ливня и от вина. Гречанка, пьяная от и, и от ливня. Он сказал ей что-то на языке безумных. Она посмотрела на него молчанием, расширенным от ужаса. Голос ливня и голос хлыста.

Левицкий и Мария оказывались вдруг на набережных, и ветер летел мимо их, как встречный безумец.

Время скрежетало над крышами. Все было так жестко и окончательно, что казалось: вспыхни сейчас фонари - и можно будет прочесть мысли часов.

Хозяйка и гости, по-прежнему созерцающие неподвижную темноту. Окна давали так же мало света, как стены...

4-Й ГОЛОС

Мой голос не может найти меня!

5-Й ГОЛОС

Мне не в чем покаяться. Я не совершил никакого греха, настолько большого, чтобы его можно было разглядеть с тех вон небесных звезд. И это меня убивает! Я не смог совершить великого зла, а великого добра не бывает. Я недавно сказал об этом Истленьеву, он побледнел, как покойник. "Так как же быть-то?" - спросил я его и стены. В ответ - молчание... Ну вот, моя исповедь подходит к концу, кончилась. Я отчетливо вижу слово "прощайте!"...

1-Й ГОЛОС

Что, это только мне послышалось или только всем остальным?

2-Й ГОЛОС

Я ничего не слышал, я ничего не слышу, я ничего не буду слышать.

3-Й ГОЛОС

Я слышал одновременно два ливня. Который из них монотоннее?

4-Й ГОЛОС

Осторожнее! не паступите в темноте на мой голос!...

Мне всегда стоило огромных усилий делать записи дневникового характера. Несколько раз все-таки сделав их, я кончил тем, что стал просто записывать изредка числа, например: 13 августа... 4 ноября... и т.д. В конце-концов забывать события легче, чем их записывать.

Вот некоторые выдержки:

9 июля 66 г.

А.Е. Крученых рассказывал мне о том, как он читал в осеннем кафе стихи. Обычно все поэты перед своими выступлениями подкупали официантов мелкими чаевыми, чтобы они не очень гревели посудой во время их выступлений. Крученых же игнорировал официантов и "читал так, что никакой посуды и никакой дряни не было слышно"... О мастерском и даже колдовском чтении Крученыхом своих стихов я уже не раз слышал от очевидцев...

24 августа 66 г.

Первая встреча с Н.И. Вологдовым... Меня поразили автопортрет М.В. Матюшина, который висел на стене... Н.И. - мне, прощаясь: "Пишите! Вы имеете на это право"...

31 января 67 г.

У Н.И. Вологова. Читал ему свои стихи... Рассказ Н.И. о том, как он чуть не встретился с В. Хлебниковым у Бурлюков...

15 сентября 68 г.

У Н.И. Вологова. Я прочел несколько своих стихов. Н.И. читал мне "Назнь Хлебникова" А. Ривина. Эта вещь мне очень понравилась...

9 ноября 68 г.

Н.И. Вологдов - мне: "Как жаль, что вы не знали Хармса!"...

16 февраля 69 г.

Н.И. рассказывал мне, как он привез в Ленинград найденное с помощью Д. Штернберга лекарство для умирающего К. Малевича...

9 марта 69 г.

Н.И. о том, как он в детстве искупал в луже баронессу...

6 апреля 69 г.

У Н.И. Стихи...

18 мая 69 г.

У Н.И. Стихи. Проза... Н.И. едет к старику А.В. Фонвизину...

13 июля 69 г.

У Н.И. Любимым писателем Д. Хармса был Гоголь... О Б. Пастернаке, о том, как он пригласил их (Н.И. и Тренина) к себе по поводу статьи о нем. Квартира отца-академика, пыль, безвкусица, XIX век. Странная просьба к ним и комплименты обоим. Н.И. жалеет, что не напечатали все-таки эту статью. Позже она пропала...

22 октября 69 г.

У Н.И. Статью о П. Бромирском уже начали напечатать в редакции...

31 января 70 г.

У Н.И. Написал мне на экземпляре "Искусства" свои стихи:

Жизнь мелькает бестолково
и невзрачно - сквозь очки,
на губах томится слово,
в голове трещат сверчки.
Я болячками закован
(все непрочно старички),
но зато у Назакова
зорки разума зрачки.

— Входите! Но, пожалуйста, осторожнее. Здесь так темно и тесно, что идти можно только наощупь... Вошли? Там, справа, есть кресло - достаточно только протянуть руку. Садитесь в него, так будет удобнее... Вы не скажете, который сегодня час?

— К сожалению, не знаю. Вполне возможно, что сейчас полдень... или уже полночь. Правда, больше всего похоже на без четверти семь... Странно, никто не может обойтись без часов, кроме времени!

— Ах, это очень неясный вопрос! Ведь часовые стрелки приводятся в движение пружиной, а не временем. И, кто знает? может быть, часто бывает так, что стрелки резво скачут вперед, а время стоит на месте, не движется.

— Вы правы. В самом вашем голосе есть какая-то правота... Я шел к вам, было так темно, холодно, и стоял такой скрежет, что я подумал, но не услышал.

— Да, да, совершенно справедливо... Но что это со мной? Я чуть не поранился о твердые кристаллы темноты! Бог мой! Если и темнота будет ранить, то что же будет?... С вами, надеюсь, ничего не произошло? Вы спокойны?

— Не могу вам сказать, я в темноте не вижу... Должно быть - спокоевн. Голос не дрожит, глаза неподвижно стоят на перекрестке темноты и времени... Я вчера был так глубоко задумчив, что пропустил весь день. Когда я очнулся, уже ничего не было.

— Со мной такое случается часто. А знаете, ваш голос действует на меня успокаивающе. Он - не темнее и не светлее темноты... Я иногда спрашиваю себя о чем-нибудь, но так тихо, что не могу расслышать... Вот в этом месте темнота, по-моему, чуть красновата. Отсырела, или это только так кажется?

— Не знаю. Мне кажется, что в темноте есть что-то женское.

— Темнота - существование женского рода.

— Да, должно быть, это... Странно, я сегодня встретил на улице жениха. Он стоял, облокотившись о темноту - не то призрак, не то скульптура из воздуха.

— Я в вашей фразе вижу будущее скульптуры - воздух.

— Ах, я когда слышу о будущем, всегда поживаюсь, словно оно уже где-то за спиной.

— Так оно, верно, и есть. Поэтому и холод между лопатками... А что жених, он вам привиделся, или вы ему?

— Должно быть, мы оба - кому-то третьему. Потому, что куранты на башне вдруг пробили не количество часов, а их цвет.

— А вы верите людям, которые утверждают, что они видят цветные сны?

— Нет, по-моему, они их после сами раскрашивают... Вы слышали, что Истленьев исчез? И сразу же некоторые стали утверждать, что его и не было вовсе. Не знаю, я как-то встретился с ним в одном из переулков. Он посмотрел, не увидел, но все-таки поклонился очень любезно... Не знаю...

— Да, все это очень странно. Это был удивительный человек. Он мог, например, надеть темноту и исчезнуть... В другой раз, наоборот, он был, я сам это видел, крест-накрест с лучом.

— Я жениху поклонился, он мне поклонился точно так же. Не спутал ли он меня со своим отражением? Ведь часто так бывает... Прошло или не прошло сколько-то времени, мы молча стояли. Он вдруг пробормотал стихи.

— Вы их помните?

— Нет, но все-таки прочту:

Ах, ах! Какой витраж!
Я нинул взгляд носой:
Там вдохновения ветра ж
Подули яркой полосой.
Люблю старинную тень храма
И эту веру витражей,
Где алебарды и охрана
И скрежет ржавых ворожей.
Где воздух приклонил колени
На гулких плитах тишины...

— А что же дальше?

— Он исчез неожиданно. Лишь в воздухе остался голубой след поклона. Я вскрикнул и тот час же заснул. Оказывается, все это было наяву.

— Странная история! Я в таких случаях ограничиваюсь тем, что ограничиваюсь тем, что ограничиваюсь тем, что... и т.д. Сегодня, кажется, 27 октября. Я помню одну ночь, звезды глубоко врезались в темноту, бульжный час сверкнул у меня под ногами, я шел. Вдруг несколько минут прошло. Я очнулся, но было рано. Я увидел: фонарь, еще кто-то и Эвелина. Фонарь придвинул к себе каменные стены домов и тяжело огородился ими. Незнакомец был ему по плечо. Он курил на незнакомом языке, на языке исчезнувшего народа, исчезнувшей звезды. Он молчал. Дым поднимался вверх, к звездам. Волосы Эвелины свободно ниспадали. Каждая секунда вспыхивала над ее головой, как прозрачная корона. Волосы струились, Эвелина молчала. Кто-то из нас двоих был Левицкий. Потом оказалось, что это был он, а кто был я - этого так и не оказалось... Мостовая прислушалась: что-то невыразимо странное было в воздухе, словно углы тишины совпали с железными углами крыш... Вдруг передо мной остановилось здание...

Этот старинный дом -
Память о греческом посольстве.
Гербы чугунные кругом
И даже шпорой на босой листве...

Я вспомнил эти строки из "Греческого посольства" и потом другие:

Когда-то здесь посол по лестнице
сбегал,
Читая "Отче наш" ступеней...

Потом другие:

Час расставанья близок!
Увижу ль милого посла?
Порой бывал он, правда, низок,
Достоин рифмы был осла.
И эта дрожь, боязнь стилета -
Трусливо-мелочный старик!
И все же мыслями поэта
Напудрен был его парик...

— А что же Эвелина?

— Эвелина? Вам когда-нибудь приходилось в самый разгар ночи наблюдать несколько случайно-утренних секунд? Удивительные

мгновения! Потом думаешь, что их не было... Эвелина вздрогнула. Странный наступил миг. Казалось, он был вырублен крышами в ночном небе. Левицкий усмехнулся... Вы его когда-нибудь видели? Он всегда - или до, или после усмешки. Лицо холодное, правильные черты - он всегда похож только на Левицкого...

Посол, вас ждет императрица!

Я распоряженьи вашем - час.

Как раз успеете побриться,

Или побрить успеют вас...

- Но что же случилось?

- Оба замерли. Оба - о! Это наступал рассвет. В своем величии он был неумолимо-кроток, как строки Вологдова о Петре Бромисском... И вдруг я ужаснулся! Лицо Левицкого, неожиданно ставшее жестоким, медленно сползло с крыш. Все та же усмешка образовывала возле рта железные складки. Узкая железная лестница поднималась к его глазам мимо темной щели, из которой время выкрошило несколько кирпичей. Поднялся ветер, Эвелина и фонарь стояли, сгибаясь под его напорами. Левицкий холодно смотрел на них. Боковая стена его лица выходила на пустынную площадь, стальные натянутые провода давали голосу Левицкого звук надрывной и хриплый. Он прогудел что-то Эвелине, но она не поняла его, ее глаза шатались под тяжестью светящейся фонарной глыбы. Пять или десять удивленных мгновений Левицкий ждал. Потом, увидев, что он не понят, он стал в отчаянии звать Эвелину, провода гудели, как безумные, железные брови, лязгая, взбирались по судорожному каменному лицу. Это зрелище было таким мучительным, что, казалось, целая вечность была погребена под обломками железных бровей... Эвелина и фонарь бросились бежать, железо загрохотало им вслед, и провода, лопнув, оборвали ужасный настигающий беглецов вой...

- Что это было?

- Не знаю - вот что.

Но служба королю -

Она отравленный напиток:

Все ждешь, когда помрешь

Свою смертью иль от пыток...

— Быть в темноте в толпе очень опасно. Знаете, могут подменить лицо. Гости расходятся от хозяйки, и у двоих-троих - не свои лица. И зеркала испуганно отражают. Гость, получивший лицо Пермякова, мечется вдоль набережных, пугая камни... Есть удивительно бесстрастные люди! Я помню, Левицкий стоит в толпе и... ничего, холоден, как зеркало. Ммда...

— Его лицо было искажено. Обрывки проводов хлестали по нему, как плети... Странно, что до сих пор не измерена скорость времени!

— Какая-то бешеная неподвижность - так мне кажется. Я однажды видел, как ветер исступленно бился о полночь, но она была неподвижна. И не однажды.

— А я, наоборот, других видел. Но что - не помню... Одни говорят, что Истленьев исчез, другие, напротив, утверждают, что он все время виден - мерцает на перекрестке ветров... Я осенью всегда начинаю тосковать по весне, сосулькам, безумию. А что Эвелина? Я уже не могу увидеть уличного фонаря без того, чтобы не вспомнить ее и не забыть все остальное.

— Их видели вдвоем с Пермяковым. У него все те же сжатые губы, она же - очень изменилась, и даже у волос появился другой оттенок, будто бродячий фонарь бросил на них юродивый свет. Они исчезли в каком-то доме - мрачное строение, каменно-этажное. Узкие низкие окна пробиты в массивных стенах...

Был вкус во всем -

Изысканные пытки:

Колесовать, четвертовать.

И, право, были не в убытке

Спектакль всегда в четверг давать...

Свет сквозь эти окна проникает в комнаты, полуживой.

— Вы знаете, с тех пор как я увидел "Городские крыши" Ольги Розановой, я не могу забыть ни себя, ни этого неба, на этих крыш...

Темнота, испещренная молчанием и голосами гостей...

1-Й ГОЛОС

Где мы?

2-Й ГОЛОС

В сплошной темноте.

3-Й ГОЛОС

Господи! Сколько же могут длиться эти предсмертные судороги?!

4-Й ГОЛОС

Всю жизнь.

5-Й ГОЛОС

Секунда началась и не может никак кончиться.

6-Й ГОСТЬ

У меня полон рот звезд! Хоть упражняйся в ораторском искусстве!

7-Й ГОСТЬ

Упражняться в искусстве последнего слова?

8-Й ГОСТЬ

Зачем оно, если выживут одни мертвецы?...

1-Й ГОЛОС (*после паузы*)

Наше молчание стоит наших слов - то же косноязычие.

2-Й ГОЛОС

2-й и последний.

3-Й ГОЛОС

Господи! Где же твое милосердие???

4-Й ГОЛОС

Милосердие??? Из этих вопросительных знаков выйдут превосходные крюки для пыток.

5-Й ГОЛОС

Пытки отменены! Разве вы не знаете?... Я не знаю.

6-Й ГОЛОС

6-ое отчаяние!

7-Й ГОЛОС

Хорошо, что нет бога, а то было бы плохо, что он есть.

1-Й ГОЛОС

Вы меня убиваете вашим 7-ым!

2-Й ГОЛОС

Я убиваю себя своим 2-ым!

3-Й ГОЛОС

Кругом слово "смерть"! Любимое слово живых.

4-Й ГОЛОС

Любимая тайна мертвых...

Наступает пауза, окрашенная шумом ливня...

5-Й ГОЛОС

Чтобы не сойти с ума от всего этого, я напряженно всматриваюсь.

6-Й ГОЛОС

Нуда?

5-Й ГОЛОС

В циферблат молчания...

Этот каменный дом поразил Иственьева своими тремя мрачными этажами. Пермяков поджидал его в холодной каменной подворотне. Вход в дом был со двора.

Двое бывших попутчиков по варшавско-московскому поезду не обменялись ни словом. Они молча стали подниматься по неосвященной крутой лестнице.

Наконец, они оказались. Но до этого были минуты тягостного молчания, когда они медленно поднимались по выщербленным сту-

пням. Обветшала сырая стена провожала незнакомца взглядом безропотного калени. Истленьев думал:

— Как мрачно!...

Как мрачно Пермяков думал! Это тройное безмолвие - Истленьева, Пермякова и каменных стен - становилось невыносимым себе самому. Мучительный стон готов был вырваться из скрюченного железа перил...

ПЕРМЯКОВ

Ну, что? Вот и пришли... Вот здесь...

ИСТЛЕНЬЕВ

Здесь?... Да, здесь темно...

ПЕРМЯКОВ

Присаживайтесь... Вот стул... этот, кажется, еще держится... А что, легко вы меня отыскали?

ИСТЛЕНЬЕВ

Легко... очень легко... Да я и не искал совсем. Вы ведь мне адрес сами давеча сообщили. Но я не искал. Ноги сами сюда привели. Я еще издали, как увидел этот дом, подумал: "Наверное, здесь".

ПЕРМЯКОВ

Вот ведь как... Только бледны вы очень... Говорите, что спокойны, а сами бледны, как мертвец.

ИСТЛЕНЬЕВ

Да разве я говорил?

ПЕРМЯКОВ

Что ж, мне послышалось?

ИСТЛЕНЬЕВ

Н-нет... тогда бы и мне послышалось... Я устал... да и болен был... вот и...

ПЕРМЯКОВ

Вот и дом этот, к тому же. Да?... Я знаю... Сейчас про Эвелину хотите спросить? Я знаю...

Пермяков с кривой усмешкой глянул на стены, будто знал, о чем и они хотели спросить.

В комнате ничего, кроме койки из покрашенного железа, стола и двух стульев. Окно было пробито в толстой стене, низков и узков, как бойница. Свет проникал в комнату такой слабый и тусклый, что его присутствие начинало щемить душу, словно присутствие неизлечимо больного...

ПЕРМЯКОВ

Помните поэта... из бывшей компании? Я его забыл, а две строчки стихов помню:

Удар был шпаги так силен,
Что мир насквозь себя увидел...

Наково! А?... Надо же! "насквозь себя увидел"! Ну и поэт! Ну и "силен"!...

ИСТЛЕНЬЕВ (тихо)

Да... Я помню...

Дверь, ведущая в другую комнату, была плотно затворена. Окно хрупко держало свет, словно мать - больное дитя.

Они замолчали. Истленьев вдруг вспомнил маленькую Мадлон, Швейцарию.

— Было ли это? Или никогда не будет? - подумал он.

Молчание стен и молчание этих двух людей сливалось в одно тягостно-каменное безмолвие...

Подчиняясь молчанию разума, толпа медленно продвигалась в сплошной темноте. Левицкий и Нунлин, стиснутые людьми и стенами.

НУНЛИН

Небо без носа. Провалился.

ЛЕВИЦНИЙ

Это кошмарно. Или, если хотите - да.

НУКЛИН

Я только что от. У нее уже знают.

ЛЕВИЦНИЙ

Она?

НУКЛИН

Бледнее обычного, но не бледнее, чем в прочие необычные дни.

ЛЕВИЦНИЙ

Все и все.

НУКЛИН

Тут же предложили игру.

ЛЕВИЦНИЙ

Невозможное становится невозможным.

НУКЛИН

Кого-то среди нас не хватало. Ного - неизвестно. Он не явился.

ЛЕВИЦНИЙ

Я вас поздравляю, с чем вас и поздравляю.

НУКЛИН

Потом стали появляться числа. Сначала четные, потом нечетные, потом и другие. Стоял скрежет.

ЛЕВИЦНИЙ

Слышу.

НУКЛИН

И вдруг увидели: нет неба!

ЛЕВИЦНИЙ

Оно было нечетного цвета...

Пермяков, Истленьев и время постепенно исчезали в сгущавшейся темноте. Истленьев боялся взглянуть на закрытую, ведущую в другую комнату, дверь. На лице Пермякова оставалась все та же усмешка...

— Что боязно? - спросил тихо он.

— Н-нет...

— Нет?... А сами весь дрожите, как тогда... в поезде... Да уж что там, я ведь, знаете...

— Знаю...

Пермяков вдруг вытащил из кармана белоснежный платок. Темнота сразу бесшумно заслонила окно. Пермяков заметил невольное движение руки Истленьева.

— Что? - спросил он. Его лица не было видно. Усмешка, казалось, передалась темноте.

— Как вы платок... вдруг достали!... Я вспомнил сразу...

— Вот и она... сразу... вспомнила... - еле слышно вымолвил Пермяков и как-то странно заговорщически кивнул в сторону закрытой двери.

Наступило молчание. Окно угасло давно. Темнота не оставила ни окон, ни стен.

Темнота взяла лицо Пермякова и, покачивая им, смотрела на сгорбившегося на своем стуле Истленьева. Усмешка исчезла, только два глаза, огромные, как безумие, остались на этом лице.

Темнота голосом Пермякова? Или Пермяков голосом темноты? Истленьев вдруг услышал быструю, захлебывающуюся, бессвязную речь.

Начался бред...

Темнота, казалось, сделала усилие, чтобы еще более сгуститься. Невидимые железные крыши со свистом разрубали пространство. Время проникало сквозь стены, как темнота - сквозь окна. Несколько неподвижных голосов прозвучало:

1-Й ГОЛОС

Странно, зеркало, отражая лицо слепого, само остается зрячим.

2-Й ГОЛОС

Так же и часы: спокойно тикают, отражая безумие.

3-Й ГОЛОС

Так же и окна: почернели от ливня.

4-Й ГОЛОС

А мы - побелели.

5-Й ГОЛОС

Но этого ведь не видно.

4-Й ГОЛОС

Зато слышно.

6-Й ГОЛОС

Я не знал, что в темноте можно слышать.

7-Й ГОЛОС

Голоса безумцев!

1-Й ГОЛОС

С 1-го по 7-й.

2-Й ГОЛОС

Мы - заживо мы.

3-Й ГОЛОС

Похоронены вместе с временем.

4-Й ГОЛОС

Если время мертво, то что же тогда это?

5-Й ГОЛОС

Скелеты секунд.

6-Й ГОЛОС

Тише! вы заглушаете ливень...

Наступило молчание.

7-Й ГОЛОС

Но что это?!...

Не стало слышно ни звука. Навстречу окаменевшим гостям в окнах появился дневной ослепительный свет. Ливень прекратился так же неожиданно, как и не прекращался.

Когда, наконец, в комнату к Пермякову вошли люди, их взорам открылась следующая картина:

На железной койке лежал в полубессознательном состоянии Пермяков. Он то вдруг начинал бредить, выкрикивать что-то бессвязное, называет странные забытые имена, то затихал.

У его изголовья сидел некто призрачный и, склонившись, гладил прозрачной рукой волосы и лицо больного. Призрак был едва различим в утренних сумерках и казался скорее дуновением болезненного оонного света. Он растаял в воздухе, как только к нему приблизились.

ЭПИЛОГ

Двое из них были ему знакомы. Он сразу узнал усы по их Левицкому. Второй же смотрел в окно. Он видел: 1. Небо. 2. Время, скрытое серыми облаками. 3. Гибель, летящую навстречу своей птице.

Остальные гости сидели, стояли или просто ничего не делали. Он поклонился, поздоровался, сказал:

— Здравствуйте!

Хозяйка сказала:

— Это Истленьев! Будьте знакомы!

Хозяйка подумала:

— Знакомы?... Странно!...

Но они так и не стали. Потому что в это время произошло что-то другое, что отвлекло внимание. Что же произошло? Мог, например, раздаваться неожиданный стук или удар в дверь. Двери удивительно чутки к таким вещам. Что-то могло случиться с окнами. И, наконец, с кем-то из гостей. Но... неизвестно.

Истленьев пробрался в самый отдаленный и темный угол, сел там и думал, что он присутствует.

Левицкий, окруженный со всех сторон гостями, стоял ко всем спиной одновременно. Увидя Истленьева, он подал ему знак. Не увидя Истленьева, он продолжал свой разговор с воображаемым не им собеседником.

— Должна была наступить ночь, но что-то не позволяло, — услышал Истленьев.

Со всех сторон долетали обрывки разговоров и фраз. Какая-то незнакомая женщина обратилась к Истленьеву. Отвечая ей, он коснулся воздуха, из которого она состояла.

— Вы любитель музыки?

— Нет.

— Вы любитель живописи?

— Нет.

— Вы нет?...

Голос, не принадлежавший никому из присутствующих, и особенно Истленьеву, ответил ей:

— Не имея страстей, имею бесстрастие. Бывает, смотрю в зеркало так, что оно первым не выдерживает и отводит взгляд.

Ммда...

Женщина замолчала. Истленьев поносился в сторону голоса: там было темно.

— А кто это с вами? - спросил гость у Левицкого.

— Это моя невеста - Мария. Мы с ней в один час родились, в один час умерли и, очевидно, в один час будем обвенчаны.

Потом сказал, обращаясь к Марии:

— Это Клавесинов, Мария. Мы с тобой очень рады.

Мария сказала:

— Я очень рада.

Клавесинов:

— Я очень рад...

Иногда, чтобы дать отдых хозяйке, все исчезали. Замечала ли она это? Вдруг погружалась в глубокую задумчивость и так сидела.

Внизу, под окнами, кто-то из маршировавших вскрикнул и громко запел.

Но до этого тишина показалась Истленьеву знакомой.

Хозяйка переплела свои пальцы и стиснула. Они побелели. Их боль была почти слышна в тишине.

Прошло два дня. Следом за ними - две ночи. Ничто не изменилось. Только одним гостем стало больше, а другим - меньше.

Фамилия гостя, которым стало больше, была Нуклин. Вот вкратце история его жизни: он подошел к стене и задумался. Вечернее холодное небо бесшумно прильнуло к крышам... Теперь о его внешности: когда он проходил мимо зеркал... Теперь о: а!...

Нуклин, пробираясь в толпе, чувствовал себя уверенно. Раскаленная на ноябрьском ветру толпа. Потом хлынул дождь, но до этого Нуклин имел малопрятную беседу, она кончилась словами:

— Часы сломались, и дождя не будет...

Вдруг в одном из окон домов он увидел Истленьева и силуэты гостей. Сразу же прошло много времени: бульжная мостовая выщербилась местами, дождь облез, а седина, покрывавшая виски Нуклина, захватила еще полнеба.

Ветер со скрежетом огибал железо. Небо не умещалось и вылезало за пределы города.

— Что же делать? — подумал кто-то рядом с Нуклиным, а улица была пустынна.

— Я. "Нет! — сказала она. — Нет! Выйдите хотя бы на полчаса!" Но нигде не было этого получаса.

— Слово "странно", повторенное три раза подряд.

— Я встал за угол секунды.

— Я говорю: "И что же?"

— Смотрите! Это, кажется, числа?

— Судя по запанкам, да.

— Я, затаив дыхание, прислушался: откуда я отзовусь?

— И что же, позвали?

— Нет, отозвали.

— :

— Вы издали странное двоеточие. Это напомнило мне.

— Вы меня не дослушали.

— Да, молился богу, но бог меня не дослушал.

— Что это, конец?

— Нет, это просто "что это?"...

Были одновременно осень и ночь. Гость, которым стало меньше, столкнулся нос к носу с Нуклиным. Гость уходил. Схватив пальцами лицо, оставалось несколько минут до полночи. Фамилия уходящего была Уходящий. Он пристально посмотрел прямо в лицо мимо Нуклина. Нуклин сразу от этого взгляда почувствовал себя мимо себя. Он бросился вслед Уходящему. Но тот же был далеко на мосту. Запыхавшись, они никак не могли настигнуть друг друга.

Когда он оторвал пальцы от своего лица, взорам гостей предстало что-то непостижимое. Глаза были окровавлены, а углы губ вздрагивали. Смертельная бледность покрывала его и стены ближайших домов. Он помнил крыши, реку. Какой-то корабль шел по черной воде, сигнали огнями. Хозяйка спросила:

— Куда же вы уходите?... Но, что это с вашим лицом?!...

И вздрогнула, замолчав.

Он не мог объясняться ни на одном из существующих языков. Он принялся изучать азбуку немых, но только изранил пальцы. Не вынеся пытки ступенями, он бросился в пролет лестницы.

Но прежде он чуть не коснулся Истленьева, проходя мимо него. Левицкий поносился вслед уходящему Уходящему и вдруг узнал в нем одно из действующих лиц своего поразительного сновидения.

Было так тихо, что было так. Ночь часов и ночь окон таинственно смотрели в глаза друг другу.

Хозяйка подошла к Истленьеву. Или это обоим им показалось? Гости не узнавали друг друга и снова раскланивалась.

1-Й ГОСТЬ

Удивительный день!

2-Й ГОСТЬ

Ничего удивительного, тем более что это ночь.

3-Й ГОСТЬ

Ах, я знал по поводу этого одно поразительное слово, но забыл его!

4-Й ГОСТЬ

Итак, ничего не произошло. Ничего и не могло произойти. И все же... Какой-то незнакомый себе самому человек шел, а была ночь. Он слышал свои шаги и видел свою тень, когда она появлялась возле желто-светящихся фонарей. И только. "Кто это? - шептал он, указывая на себя. - Беглец?" И он принялся избегать широко освещенных улиц. В темных переулках ему было спокойнее. Он перевел дыхание. На одном из домов висел номер, который вдруг привлек его своими странными числами. Не решаясь постучать, он стоял долго. Тогда дверь отворилась сама, и чей-то голос тихо пригласил его. Вскоре, после долгого путешествия по темной лестнице и коридору, он оказался в комнате, где слабо

светила лампа. Женщина, которая его привела, ничего не спрашивала, а только стояла и только была...

5-Й ГОСТЬ

Что это? Вы рассказываете, или мы слушаем?

4-Й ГОСТЬ

В небе - незаживающие раны от крыш... Молчание длилось. Наконец, ночь не выдержала...

5-Й ГОСТЬ

Ах, ваш рассказ полон слов!

6-Й ГОСТЬ

Странные я однажды видел глаза после дождя!

7-Й ГОСТЬ

Ночь после глаз.

8-Й ГОСТЬ

Он смотрел в окно и видел бульжную мостовую, выщербленную углами звезд...

Хозяйка молча подошла и остановилась. Странные у нее были глаза! Казалось, они были перед грозой, перед вестим боем часов или после чего-то другого.

Стало так тихо, словно видение самому себе показалось видением.

Истленьев не видел ее. Он остался один. Ночь осталась одна.

Левицкий был в этом отношении подобен сверкающему стеклу: он позволял скорее видеть сквозь себя, чем видеть себя. Он вспомнил вдруг слова Вологдова "быть веселым, не теряя отчаяния". Мария тоже их вспомнила, и они переглянулись.

Гости незаметно смешивались с темнотой.

— О чем?

— Улицы покрылись льдом, и было скользко думать о боге.

— Ночь или день?

— Ни того, ни другого.

— Так тихо?

— Так, но не тихо.

— А что же она?

— Сейчас отвечу.

— О!

— О - вверх ногами.

— Но это ведь то же самое!

— Ошибка живых.

— Да?

— Нет.

— Если я умру, разбудите меня, пожалуйста.

— Ваш покорный слуга!

— Звучит несколько старомо... *(умирает)*

— Она? Была бледна, как фонарь при свете прохожих...

Истленье в смотрел на лицо хозяйки. Это расстояние от ее темных ресниц до уголков рта он прожил в каком-то полубреду.

Друг за другом прошли несколько ночей. Она исчезла.

Кто-то вскрикнул, и на другом конце города - кто-то другой. Пронесся ветер.

Заметив исчезновение Левицкого и его спутницы, гости тотчас же послали погоню, но она так и вернулась ни с кем.

Мысль в виде буквы посетила Левицкого, когда они шли по ночным улицам:

— Щ, - подумал он.

В виде числа:

— 519, - подумал он.

Или, наоборот, число в виде мысли?

Невеста молчала. Ее лучи скользнули по стенам домов, по окнам. Рассвет, казалось, опережал себя.

Август - октябрь 70 г., Москва.

АВТОБИОГРАФИЯ

Родился в Москве, в августе 38-го года. Во мне течет русская, армянская и польская кровь.

55 г. - закончил среднюю школу.

56 г. - исключен из военного училища.

58 г. - исключен из гуманитарного института.

59 - 62 г.г. - работа на Нольме: промывальщиком золота, учителем у кочевых чукчей, плотником, кочегаром, лесорубом, матросом и взрывником.

65 г. - начало писательства.

66 г. - знакомство с Алексеем Крученых.

69 г. - закончена книга "Стихов".

70 г. - "Мои встречи с Владимиром Казаковым", роман "Ошибка живых".

71 г. - "Драмы", "Незаживающий рай".

72 г. - "Продолжение воздуха".

73 г. - роман "От головы до звезд", роман "В честь времени".

74 г. - "Жизнь прозы".

В июле 72-го года я был крещен по обрядам Русской Православной Церкви. Считаю это самым важным и самым светлым событием своей жизни.

Владимир Казаков

[The page contains several paragraphs of text that are almost entirely illegible due to extreme noise and corruption. The text appears to be a list or a series of entries, possibly names or identifiers, but the characters are too distorted to be transcribed accurately.]

ARBEITEN UND TEXTE ZUR SLAVISTIK
HERAUSGEGEBEN VON WOLFGANG KASACK

- 1 Sabine Appel: Jurij Oleša. "Zavist'" und "Zagovor čuvstv".
Ein Vergleich des Romans mit seiner dramatisierten Fassung.
1973. 234 S. DM 24.-
- 2 Renate Menge-Verbeeck: Nullsuffix und Nullsuffigierung
im Russischen. Zur Theorie der Wortbildung.
1973. IV, 178 S. DM 18.-
- 3 Jozef Mistrík: Exakte Typologie von Texten.
1973. 157 S. DM 18.-
- 4 Andrea Hermann: Zum Deutschlandbild der nichtmarxistischen
Sozialisten. Analyse der Zeitschrift "Russkoe Bogatstvo"
von 1880 bis 1904.
1974. IV, 198 S. DM 20.-
- 5 Aleksandr Vvedenskij: Izbrannoe.
Herausgegeben und eingeleitet von Wolfgang Kasack.
1974. 116 S. DM 15.-
- 6 Volker Levin: Das Groteske in Michail Bulgakovs Prosa
mit einem Exkurs zu A. Sinjavskij.
1975. 158 S. DM 18.-
- 7 Геннадий Айги: Стихи 1954 - 1971.
Редакция и вступительная статья В. Назана.
1975. 214 S. DM 20.-
- 8 Владимир Казаков: Ошибка живых. Роман.
1976. 201 S. DM 20.-

München • Verlag Otto Sagner in Kommission

